This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

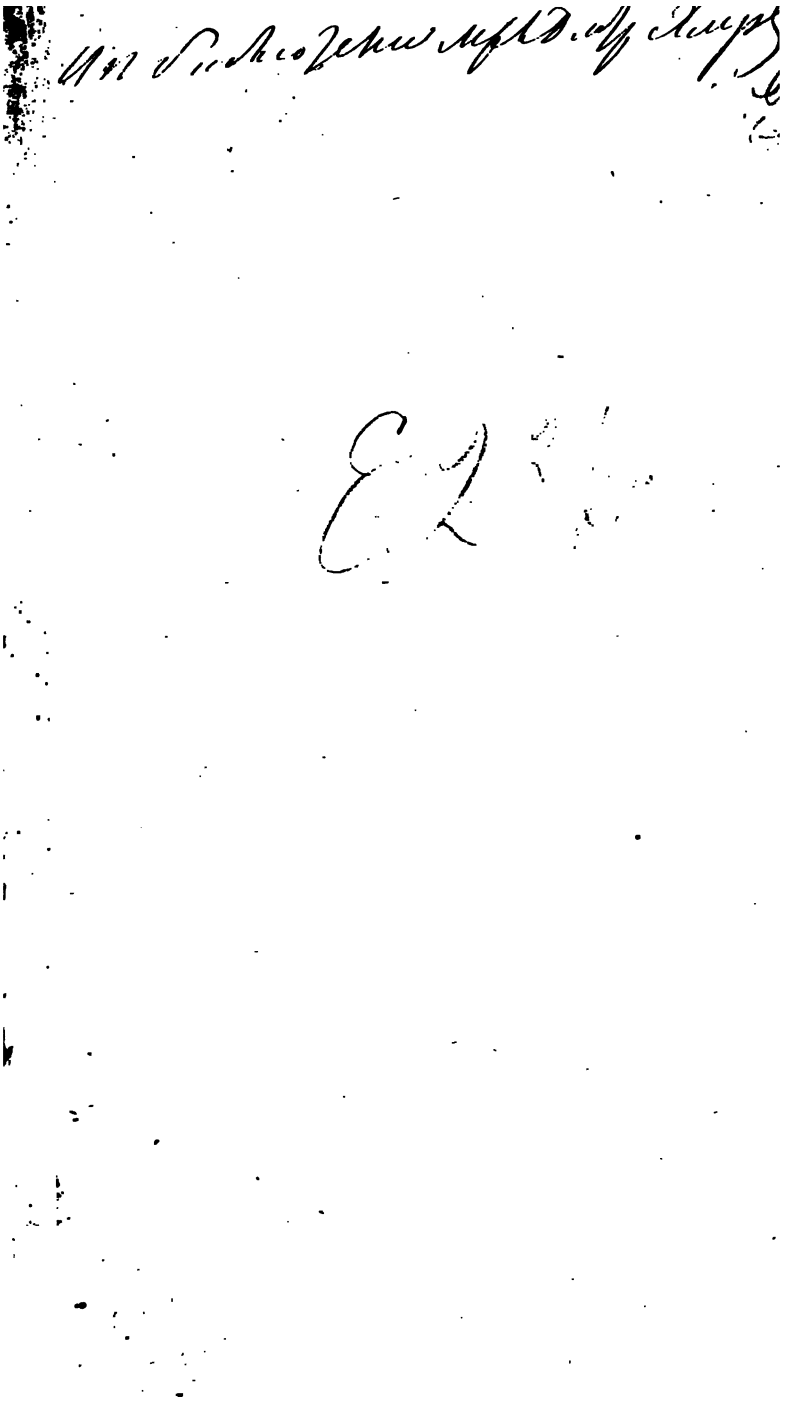
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY

Снегирёв

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

Снегирев, И.М.

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1837.

DK32
.S66
v.1-2

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Государственнаго Совѣта Члену и разныхъ орденовъ Кавалеру

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ досподолжнымъ высокопочтеніемъ

посвящаетъ

сіи воспоминанія отечественной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники простонародные и соединенныя съ ними древнія повѣрья, составляя завѣтныя стихіи народности, входятъ во внутреннюю Исторію Рускаго народа и его Древности. О важности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Митрополитъ Кіевскій Евгеній. Представлено было нѣсколько опытовъ, достойныхъ вниманія, Гг. Глаголевымъ, Макаровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинитель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ*, *Кіевъ*, 1835 г., при нѣкоторыхъ изъ нихъ приводитъ *народные обычаи*. Послѣ этого, наконецъ и я отваживаюсь представить свой опытъ *Руской Еортологіи*, въ коемъ излагается общій и частный обзоръ простонародныхъ праздниковъ съ обрядами и относящимися къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣсто, гдѣ и когда возникали и продолжаются сіи праздники. Самое происхожденіе, содержаніе и цѣль оныхъ рѣшительно отдѣляетъ ихъ отъ церковныхъ св. празднествъ.

Я не ограничивался извѣстными и доступными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живутъ болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ: то я сбиралъ мѣстныя объ оныхъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности тѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ совѣтами, указаніями и доставленіемъ матеріяловъ: Гг. Профессорамъ Ѳ. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, Ѳ. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гастеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Исторіи и Др. Рос. А. Ѳ. Вельтману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Костромской Ю. Н. Барщевъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно сообщали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смотрителей и Учителей. Профессоръ И. Н. Лобой-

(*) Жалѣю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Строевымъ, изданіями Археографической Експедиціи, новыми сочиненіями о Миѳологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шафарика.

ко въ Вильнѣ, для меня отобравъ отъ своихъ студентовъ, уроженцевъ изъ малой, бѣлой, красной и черной Руси, записки о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный сочленъ по Обществу Исторіи и Древностей Росс., нашъ ревностный изыскатель отечественной старины, М. Я. Діевъ дополнялъ мои изслѣдованія своими наблюденіями въ Костромской, Ярославской и частію во Владимірской Губерніяхъ. Касательно Славянскихъ Древностей я пользовался совѣтами и матеріялами Гг. Ю. И. Венелина и І. М. Бодянскаго; а въ Литовскихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анастасевичъ и И. Н. Лобойко. Самъ постигая всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внутреннюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея епохахъ, нахожу, что онъ требуетъ бо́льшихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе иду по этому поприщу, чѣмъ глубже вникать въ этотъ предметъ, повидимому, столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе откроется новыхъ свѣдѣній и сообра-

женій, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печатанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повтореніе и отступленія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается нелишнимъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изыскателей Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякаютъ въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызоветъ новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужитъ вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и тѣмъ самымъ поощритъ меня къ продолженію сего изданія, въ коемъ помѣстится самое описаніе простонародныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

И. Снегиревъ.

1837 г.
Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ *сочиненіи* соединялось то, что къ нему относится.

РУССКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Введеніе.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ тої страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естествовѣдѣніи, Нравственности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: то и гражданскія постановленія и семейные обычаи связуются тѣснѣйшимъ союзомъ съ его мнѣніями и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человѣка. Народные праздники торжественно и радостно обнаруживая нравственныя и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

той и свободою не раскрываешся личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душею и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимый *просторъ уму* и *разгуль душѣ*.

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ былъ торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ внѣшнею природой и съ внутреннею жизнію народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входятъ въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ епохамъ года, они объясняются и освящаются мнѣніями народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ. Какъ поезія жизни народной, они сливаются съ символами и иносказаніями, пѣснію и пляскою — языкомъ души и сердца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣютъ природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодѣяній, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердецъ въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристотель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.« (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣютъ общія начала, какъ бы прирожденныя человѣчеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей отличаютъ оные по цѣли и по выраженію: отъ сего происходитъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и пастушескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Христіанскихъ, у жителей горъ и

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par *A. Calmet*, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) *Aristot.* polit. 2, 7. — *Strabo* Geogr. IX. Wachsmuths Hellenische Alterthumskunde. T. I. Halle, 1826. 8.

долинѣ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Вмѣстѣ съ переселеніемъ и смѣшеніемъ племенъ переселяются и смѣшиваются съ другими ихъ повѣрья и обычаи; отъ сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе тѣхъ и другихъ, съ примѣсью Скандинавскихъ, Германскихъ, Финнскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственные останки Славяно-Рускаго богоученія въ Язычествѣ замѣтны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донынѣ существуютъ въ Россіи и въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя торжества у сего племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣтами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, общественными пиршествами и взаимными дарами: онѣ служили къ утвержденію союза и братства, свойственнаго пастушескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочиваясь къ временамъ *года*, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и торговъ, сроками работъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ gody

значитъ народный увеселительный праздникъ, пиршество, которое у другихъ Славянскихъ племенъ называется Swatki (Святки) и Lato. Руское слово *торжество* происходитъ отъ *торга*, сроднаго съ Свео-Готоескимъ torg. Самое слово *праздникъ* выражаетъ у п р а з д н е н і е, свободу отъ будничныхъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтеніемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія торжественныхъ дѣйствій; послѣдній содержится въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ миѳамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Исторіи и Древностямъ народа, составляютъ часть Археологіи — *Еортологію* (ἑορτὴ праздникъ и λόγος ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различествуя по цѣли и сущности своей отъ церковныхъ, хрістіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ отечественные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

---

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquitè,

Источникомъ простонародныхъ праздниствъ и обрядовъ суть вѣрованія и обычаи, кои даютъ имъ особенную форму и характеръ сообразно съ мѣстностію. Отъ различія въ духѣ тѣхъ и другихъ происходитъ различіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ въ Россіи, по количеству великой и малой, по качеству бѣлой, черной и красной. Древній лѣтописецъ изобразилъ намъ несходство нравовъ и обычаевъ у старожиловъ и заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4), у которыхъ были свои вѣрованія и обряды, такъ какъ у племенъ, въ послѣдствіи населившихъ южную и сѣверовосточную Россію. Хотя у сихъ племенъ, и потомковъ и преемниковъ ихъ, открывается нѣкоторое сходство въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако есть многія мѣстныя особенности, о коихъ гласитъ и пословица: *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правленія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

---

ouvrage du F. *Creuzer*, trad. par I. Guignaut, t. I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von *I. F. Voss*, Stuttg. 1824. 8.

(4) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1824, въ 4.

спѣ и видѣ своемъ, или совершенно уничтожались древніе миѳы и праздники въ Русскомъ мірѣ, замѣнялись священными, хріспіанскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческимъ. Ревность пастырей Церкви истребляла капища и кумиры отечественныхъ боговъ, строго запрещая суевѣрія, кои называли они въ посланіяхъ своихъ *Еллинскими*, *Латинскими*, *бѣсовскими*, *дьяольскими* (5). О подробностяхъ языческой религіи умалчиваютъ благочестивые лѣтописцы наши, вѣроятно по тому, чтобъ самымъ напоминаніемъ не подать повода къ соблазну сопричичамъ, еще неутвердившимся въ православіи. Охуждая внѣшніе языческіе обычаи, обряды и повѣрья, какъ противные чистотѣ вѣры Хріспіанской, первые ея проповѣдники въ Россіи — Греки не говорили о чуждыхъ себѣ божествахъ, въ честь коихъ по привычкѣ совершались оные, и даже послѣ введенія Хріспіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ древнія суевѣрія, съ коими онъ сроднился и не легко могъ отъ нихъ отстать; подъ видомъ обычной игры и потѣхи онъ уклонялся въ дремучія дубравы, или въ клѣти совер-

(5) Antichità Romantiche d'Italia; sulle feste. Milano. *1829. 8.*

шапь шайкомъ завѣтные обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россіею священные уставы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *поизстерялись*, и возобновились суевѣрные обряды, *поганскіе обычаи*, *игры*, *коби бѣсовскія*, *Радуницы*, *Русальи* объ Иванові дни и *кудесы*, кои запрещаются Стоглавомъ и о коихъ въ послѣдствіи предложится объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игрища бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити (6)." Кормчая, Номоканонъ, Стоглавъ, Духовный Регламентъ и пастырскія посланія Святителей Россійскихъ упоминаютъ о разныхъ повѣрьяхъ Язычества, кои изъ городовъ переселились въ села и деревни, отъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни выщенялись и ни искоренялись старые народные обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что истреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко отъ древняго языческаго богослуженія оставались въ народѣ одни принад-

(6) Софійскій временникъ, или Русская лѣтопись съ *862 по 1534* г. М. 2 ч. 1820. 4.

лежности онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, источникъ, городище, мѣста прежнихъ *требищъ, тризнищъ, торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открываются и въ сихъ немногихъ остаткахъ: то изъ нихъ мы постараемся вывести черты его Миѳологіи, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Историку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфъ и другихъ духовъ (8)." Но когда сіи Славяне разселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ странамъ Европы: то и религіозныя понятія ихъ смѣшались съ понятіями тѣхъ народовъ, съ коими они сближались; отъ сего и различіе въ Миѳологіи Славянъ юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, произшедшее отъ первобытнаго единства вѣрованія, распалось на части и образы.

(7) Примѣчанія на Исторію Леклерка, соч. *Болтина*. 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) de bello gothico, III, 14. *Helmoldi* Chron. Slavorum, 1, c. 84.

Вѣроятно, что и религія заморскихъ пришлецевъ слилась съ религіею Финновъ и Славянъ; по тому что тѣ и другіе находили сходство въ божествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіёргинъ* (Fiörgyn), жизнодатель, нечуждымъ показался Славянскому *Перуну* (πῦρ огнь, piorun молнія), оплодотворяющему землю, а *Волосъ* послѣднихъ *Валассу* (Vali-áss, Val-ass) первыхъ, какъ божества, покровительствующія земледѣлію и скотоводству. Скандинавскій *Бель*, или Балъ, божество огня и свѣта, сходное съ Азіатскимъ Баломъ, и *Торъ* громоносный, съ млатомъ въ рукѣ (Mjölner молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и *Чернобога*, означающихъ двойственность Славянской религіи, отъ коей Германская различается своею пройсхожденностію; Скандинавскій *Одинъ* или *Водинъ* вѣроятно преобразился въ *Вод*[redacted].

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ стольномъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ главныхъ Божествъ, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждьбога*, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Кумиръ первенствующаго изъ нихъ, Перуна, обо-

(9) Wassermann. Edda Saemund. t. III. Havniae, 1828. 4. Волосъ (Val-ass) состоитъ изъ словъ: *воль*, *туръ* и *асъ*, *азъ* (Скандин. ás, áss) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпрѣ и на Волховѣ, первый низринутъ былъ по введеніи Хрістіанства (10). Въ Четьи Минеи Св. Димитрія описываются слѣдующія, поставленныя въ Кіевѣ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же вѣроваху быти бога грому и молніямъ и облакомъ дождевымъ; вторый *Волосъ*, мнимый быти богъ скотовъ; третій *Позвиздъ* или *Вихоръ*, богъ воздуха; четвертый *Ладо*, богъ веселія; пятый *Купало*, богъ плодовъ земныхъ; шестый *Коляда*, богъ празднованія, въ зимѣ бывающаго, и иніи меньшіи боги, не точію въ Кіевѣ, но и по всѣмъ Россійскія державы странамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Минеѣ упоминаются только истребленные В. К. Владиміромъ идолы: *Перунъ*, *Хорсъ*, *Дажбъ*, *Мокошь*, *Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Хрістіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только второстепенныхъ и особенно миѳы физическіе, кои имѣютъ предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы жизненскихъ потребностей,

---

(10) Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Росс. *П. Строева*. М. 1815. 8. — Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Dr. Thany. 2 Th. Znaim, 1827. 8.

(11) *Четьи Минеи*, Іюля 15, житіе В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило*, *Купало*, *Ладъ*, *Чуръ*, *Авсень*, или *Таусень*, *Зничь*, *Веснянки*, *Осенянки* и *Зимнянки*, *Водяны*, или *Водяныя*, *Моряны*, *Огняны*, извѣстныя и Карпаторossамъ, *Вѣтряны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы*, *Карачуны*, *Яга-баба* и *Вѣдьмы*. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лѣшей*, въ поляхъ *Полевой*, въ домахъ *дѣдушка Домовой*, который бывалъ и *Постенемъ*, а въ подпольяхъ *Лизуномъ*. Всѣ сіи существа миѳическія болѣе или менѣе входятъ въ семейный бытъ простаго народа, содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ ему въ жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно истребились. Только 1765 г. уничтоженъ Тихономъ I въ Воронежѣ, 1771 г. въ Костромѣ Симономъ, а въ Твери Меѳодіемъ 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила*, нашего Ерота и Лингама (14), который, по словамъ Іерарха, въ тѣхъ странахъ почитаемъ былъ за

(12) По свидѣтельству Татищева, Св. Димитрій Рост. написалъ о *Русалкахъ* пространное сочиненіе, которое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, Г. *Успенскаго*, 2 ч. Харьковъ. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ Преосв. Тихона. *изд. 2.* М. 1820. 8.

бога до введенія Хріспіанской вѣры: Ярилу представлялъ избранный отъ міра человѣкъ, котораго, предъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали всякими цвѣтами, лентами и колокольчиками, и надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по площади. Такое жь почти празднество бывало въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской Губерній. — Хотя *Лады*, Нарушевичь не находитъ ни въ Липовской Миѳологіи, ни у Германскихъ Славянъ, но у однихъ Рускихъ, у которыхъ Ладо вспоминается въ слѣд. пословицѣ: *Не недобно и кладь, коли у мужа съ женою ладъ* (15); однако въ екземплярѣ Кромеровой Исторіи, хранящемся въ Рижской публ. библіотекѣ, написано старинным почеркомъ слѣдующее: „И въ „наше время Липовцы, равно какъ Лешпы „и Кури призываютъ Ледо или Ладо около „Иванова дня. Тогда, по старинному суевѣ„рію, украшаютъ они цвѣтами и древесными „листьями источники, и собираютъ правы, „кои почитаютъ полезными отъ всякой бо„лѣзни.“ Ладѣ у Карпато-Россовъ празднуется въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо*, какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не состоитъ ли изъ Греческаго слова δέιδω *дидо*, бокось и *ладо—мужа?* что подтверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими *Яномъ* и *Яною*, (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы представимъ довольно такихъ пѣсенъ. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россіи.

Сколько въ Россіи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣстомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губерніи въ Успюженскомъ уѣздѣ; *Перунина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Перуново* или *Ладовичино* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣтѣ; *Перунова рѣнь* въ Кіевѣ. Воспоминаніе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*. *Туръ* часто повторяется въ названіяхъ рѣкъ, горъ, селеній *Туровыхъ*, *Туровскихъ*. По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги*, нынѣ *Бѣльскій станъ*, или *Бѣлухинская роща* (корпома), гдѣ, по старому преданію, на высокомъ холмѣ стояла дубрава

(16) *Карамз.* И. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть *съ Лат. copula*, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. *Яриломъ* слыветъ ярмарка въ Оренбурской Г., а *Купальницею* — въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Ростовѣ въ XII в., при Царѣ Василіѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волосъ вѣроятно), въ честь коего совершалось празднество 19 Іюня (16). Подобно древнимъ народамъ міра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣріемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находится яма, которую почитаютъ мѣстомъ идола *Тучева*, вѣроятно, аеролита, упавшаго изъ тучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминается *Корочюновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у просполюдиновъ находятся въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Башъ* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулашкѣ; на Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Коневцѣ лежитъ въ лѣсу *Конь камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жертву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершается

(16) рукоп. житіе Преп. Иринарха Ростовскаго.
(17) *Карамз.* И. Г. Р. IV, прим. 387.
(18) Исторія Росс. Іерархіи, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опахиванье во время скопскаго падежа. Досель еще не исчезло въ простомъ народѣ особенное почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, они приносили требы и тамъ совершали гаданія и омовенія, также древнимъ дупловатымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почитались священными даже по водвореніи Христіанства.

Вообще все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богоученія, болѣе и болѣе принимало форму простаго суевѣрія и теряя коренное свое значеніе, присоединялось къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжество и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежности языческихъ божествъ съ христіанскими святыми, съ торжествами церкви обряды капищъ идольскихъ, на мѣстѣ коихъ, большею частію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находятся въ Кіевѣ, Новгородѣ и т. д. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, который старался удержать празднества и повѣрья своей древности потому еще,

чию они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Константинъ Великій, уже по введеніи Христіанской вѣры въ Имперіи, не запретилъ продолжать древніе обычаи, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангеліемъ, допускалъ нѣкоторые обычаи старинные — *живяше по устроенію дѣдню и отню* (19). Изъ снисхожденія къ закоснѣлымъ суевѣріямъ и простотѣ ума народа, проповѣдники Христіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, терпѣли ихъ между самыми Христіанами (20), у которыхъ унижались оные превращеніемъ въ потѣхи и увеселенія; они переводили имена отечественныхъ боговъ народа на имена святыхъ, и чѣмъ прежде въ его быту завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи стали завѣдывать другіе: отъ сего вѣроятно произошли прозванія святымъ, заимствованныя отъ стихій, климата, временъ года, отъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ трудовъ, напр: *Борисъ* и *Глѣбъ*, въ Бѣлоруссіи черный и бѣлый хлѣбъ, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, представитель грома, заступившій мѣсто

(19) Обозрѣніе книги Кормчей, объясн. *Барона Ровенкампфа*. М. 1829. 8.

(20) Вѣстникъ Европы, 1826, No 4.

Перуна (21), Св. Іеремія *задрягальникъ*, Св. Ѳеодосія *колосянница*, Св. Агриппина *купальница* и пр. д. Св. Власій замѣнилъ низверженнаго *Волоса*, бога скотія, о которомъ донынѣ напоминаетъ праздникъ *Волъ-оксъ*, отправляемый Мордвою, потомками Рославской Мери; *Богданъ* замѣстилъ *Давидъ-бога*. И наоборотъ, иногда Христіанскимъ святымъ невѣжество черни придавало видъ кумировъ своего Язычества: такъ Св. Крестителя Іоанна оно обратило въ *Купалу*, Св. Вита на островѣ Рюгенѣ, по свидѣтельству Гельмольда, въ *Свѣтовида* на бѣломъ конѣ, или святаго витязя, которато смѣшивали съ Св. Георгіемъ (22), даже св. иконы называли *богами* и св. церкви *божницами*. Поморяне, въ 1124 г., изъявляли желаніе покланяться и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ Іисусу Христу; въ старинныхъ пѣсняхъ Рускихъ Троица и Богородица воспѣваются вмѣстѣ съ Ладо. Потомъ, собственныя имена боговъ переходили въ нарицательныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицательныхъ сдѣлались собственными, означая предметы чувственные, ихъ дѣйствія и

---

(21) Русскіе въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 12.

(22) Pommerische Kirchenchronik, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin, an. 1603. 4.

свойства, напр: *Перунъ*, *Погода*, *Ладъ*, *Чуръ* и ш. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣрѣ омерзѣніе къ древнему идолопоклонству превращало имена боговъ въ ругательства— *Тора* въ *чёрта*, въ Нѣмецкаго Thor болвана, дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Бога* или *Бука* въ пугалища, кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23), также самыхъ божичей, не упоминая ихъ настоящія имена, просто называли *бѣсами*.

Чествованіе предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человѣку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ прошедшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣты, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго, которое для него становится кумиромъ. Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Христіанской въ Россію, понятія тогда преобладавшаго Язычества, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже Христіанскія торжества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля*, *Купало*, *Ра-*

(23) У Исландцевъ Puki, у Шведовъ Puke, у Англичанъ Puck, встрѣчающійся у Шекспира.

душа. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваютъ одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событій, составляющихъ сущность Вѣры Христіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, простонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободною фантазіей народа во тьмѣ Язычества, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовность, у другихъ болѣе чувственность: одни возбуждаютъ благоговѣйныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ разсматривать отдѣльно простонародные праздники Русскихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

остатки языческихъ, отъ христіанскихъ торжествъ, подчиняя первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ отношеніи они *древніе* и *новые*: одни образованные въ Язычествѣ и удержавшіеся въ Христіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ состояніи — сперва родами, потомъ и племенами; праздники ихъ климата и духа, вѣроятно начинаются вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, выпекаютъ изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію установленія религіозныхъ торжествъ, кои древнѣе жилейскихъ; праздники, происходящіе отъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Русскихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію отнести можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностью древняго богослуженія у Славянъ, такъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые вѣдали лѣтосчисленіе и времена праздниковъ въ честь разныхъ божествъ, назначали мѣстомъ жребія торжества и жертвоприношенія, на кои спекались мужи и жены съ дѣтьми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣверъ нашъ, въ самой Древности существовали *игрища межу селу*, на коихъ они брали себѣ женъ, и *Тризна* надъ мертвецемъ; отечественные писатели наши, упоминая о сходбищахъ на игрища, на плясанье, пѣніе, на борьбы и битвы дреколіемъ, кои бывали въ божественные праздники, умалчиваютъ о томъ, въ честь какихъ божествъ совершались сіи позорища. Съ точностію нельзя сказать, чтобы существовали на нашемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и божницы, изъ коихъ упоминается въ лѣтописи одна *Турова божница* (26). Вѣроятнѣе, что мѣстами богослуженій были городищи, камни жертвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосты, горы и дубравы священныя, кои у Германскихъ племенъ были также мѣстами суда и расправы, а жрецы ихъ судьями.

---

(25) *A. Cranz* Saxonia. Francof. 1611, f.

(26) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

Въ приписанномъ В. К. Владиміру Уставѣ, впрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминаются обряды и повѣрья Язычества, какъ-то: „о моленьѣ подъ овиномъ и рощею, „или у воды, чародѣяніи, волхованіи“ и т. д. Преп. Нестеръ, близкій ко временамъ Язычества въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что еще при немъ „схожахуся на игрища, и на „плясанье и на вся бѣсовская игрища. Видимъ „бо игрища уполочена и людій много множе„ство, яко ухищати начнутъ другъ друга, позо„рища дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла.“ Сходное съ этимъ упоминается въ Кормчей кн. гл. 17. Русскій переводчикъ Св. Григорія Богослова въ XI вѣкѣ вставилъ отъ себя въ текстъ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его отечества: „Овъ трѣбу спво„ри на споуденьци дьжда искы отъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дьждь даетъ. Овъ „несущимъ богомъ жьрепь и Бога спворь„шаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку „богиню нарицаетъ и звѣрь живущь въ ней „яко Бога нарицая, трѣбу творитъ“ и т. д. (27). Въ Номоканонѣ, напечатанномъ во Львовѣ 1646 г., пишется слѣдующее: „О

(27) Библіографическіе листы *П. Кеппена*, С. П. *1825, No 7. стр. 88. 4.*

„вѣрныхъ, послѣдующихъ Еллинскимъ обыча-„ямъ и плясаніемъ на брацѣхъ, и на стогну „творящихъ, или русалкомъ, или гласовомъ „птичимъ вѣрующихъ, или новомѣсячію, или „оустрѣшеніямъ, или истязаніемъ внимаю-„щыхъ, или огня паленія на стогнахъ, яже „творяху Еллини древле. А нынѣ яко же „видимъ хрістіанскія дѣти сія творятъ (ку-„пала), въ навечерія праздничныя по нѣко-„ему обычаю древнему: или въ одежду жен-„скую мужіе облачатся и жены въ муже-„скую: или наличники, яко же въ странахъ „Латинскихъ злѣ обыкши творятъ." Митрополітъ Рускій Кириллъ, въ XIII в., въ правилѣ своемъ замѣчаетъ: „Пакы же увѣдѣхомъ „бѣсовская еще дьржаще обычая треклятыхъ „Еллинъ, въ божественныя праздьники позоры „нѣкакы бѣсовскыя творити, съ свистаниемъ „и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы „скарѣдныя пьяница, и бьющеся дрьколѣіемъ „до самыя смерти и вьзимающе от убивае-„мыхъ порты. На укоризну се бываетъ Бо-„жиимъ праздникомъ и на досажение Божи-„имъ церквамъ. Паче о семъ досажаютъ на-„шему Спасу и Заступу, иже насъ избави „Ѡт проказы смерьтныя и Ѡт туги дьяво-„ля и Ѡбъвеселивый сердца наша святыми „*честьными* праздьники" и т. д. Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятниковъ видно, что съ самаго принятія Христіанской вѣры по XVIII столѣтіе было много язычниковъ въ областяхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ коимъ относился и встрѣча съ монахомъ, какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе водою въ праздники и на свадьбахъ и волшебства, прошивъ коихъ возставали Іерархи Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополитъ Бѣлогородскій и Обоянскій Мисаилъ въ грамотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что тамъ „въ Воскресные, Господскіе и Богородичные „дни умножилось великое пьянство и бѣсовское „глумленіе и скоморошество со всякими бѣсов„скими играми: сходились по вечерамъ и во „всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на „поляхъ, слушать богомерзкихъ пѣсней и „всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр. „и до Богоявленьяго дни сбирались по вече„рамъ и въ нощи на бѣсовскія игры“ и т. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (ludi funebres), такъ у Славянъ *Тризна*, соотвѣтствующая Скиѳо-Гуннской Strava, Чехской Strowa, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Тертулліанъ,

(29) Русскія достопамятности. ч. I. М. 1815. — *Русская Библіоѳика, изд. Н. Полеваго.* ч. I. М. 1834. 8.

„игры перешли отъ чествованія боговъ и „усопшихъ къ чествованію живыхъ.“ Пиршество въ честь мертвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, когда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршество въ память и честь усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаетъ и Карлъ Великій въ Капитул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычествѣ совершившая по своемъ мужѣ тризну, соединенную съ убійствами, въ Христіанствѣ своемъ, по сказанію нашихъ лѣтописателей, запретила сыну своему дѣлать въ память себѣ тризну по обычаю языческому (31). Какъ лѣтописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вятичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мертвыхъ: що заведеніе ето на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, пере-

(30) *Jornandes* de reb. Geticis, c. 49, de Attilla: Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.

(31) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*, à S. P. 1795. 8.

несено Варяго-Руссами въ Россію, и недавно повторялось при борьбѣ Греціи съ Турціей: тогда Паргиноты, проданные Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли кости своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ trúzneni, умерщвленіе, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды поединкомъ, ширмѣрствомъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилѣ покойника, какъ благоугодными тѣни его жертвами, и пиршествомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ тризнамъ отнести можно *Родительскія* (Parentalia, Ὀσία) и наши *Радуницы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1 го Марта, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и тамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *буя-*

(32) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1826. 4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. *М. Евгенія. Кіевъ. 1831. ч. I — 4. 12.*

ми и *буйвищами*, донынѣ въ Святки дѣлаютъ гаданія. Празднованіе Семика приходилось въ тотъ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую суббопу, какъ видно изъ Стоглава, „сходи„лись мужи и жены на жальники, т. е. на „кладбища, и плакали на могилахъ съ вели„кимъ кричаніемъ, и когда имъ спанутъ „играть скоморохи и гудошники: то они „перестанутъ плакать и начнутъ скакать, „плясать и въ ладоши бить на тѣхъ жаль„никахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донынѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мертвое воскресеніе (Todsonntag), изгнанія зимы, или смерти, кои встрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племенъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Маржаны*. Въ ето же время Франки совершали подобное торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Язычества принадлежатъ *Русаліи*, кои совершались на Ру*сальной* недѣлѣ, т. е. недѣлѣ Св. Отецъ.

Вальсамонъ называетъ епотъ праздникъ *древнимъ*, *чужестраннымъ*, о коемъ упомянемъ особенно. При Длугошѣ въ XV. в. у Поляковъ повторялось въ Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлпою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранные путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный *праздникъ*, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, доволѣ сидѣвшія въ заперти до́ма, наряженныя выходили на луга и тамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплескапіями (34). Въ Спогласѣ упоминается о *наливкахъ*, на кои хажпвалъ народъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, который и нынѣ около сего времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на Петровъ день за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ сбираются на холмъ *караулить*

(33) *I. Dlugossi* historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.

(34) Status et ritus ecclesiae graecae, gruece descr. a *Chr. Angelo*, latine a *G. Fhelavio*. Francof. 1655, 12.

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ Семикъ, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человѣка, поворотны солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно-Русскихъ праздниковъ *Коледы* и *Купалы*, сколь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человѣка, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно сродное человѣку стремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть остатокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверѣ

(35) Путешествіе отъ Трieста до С.-Петербурга В. *Броневскаго*. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду *Царемъ* и *Царицею*. Относящіеся къ тому и другому празднику мнѣнія болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминаютъ о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, natalis Solis invicti, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ Jol, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Материнской нóчи (Moedre-nicht) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера въ Одиссеи и Иліадѣ (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: то они отправляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, коихъ слѣды и донынѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *засѣвкахъ*, *досѣвкахъ*, *толокахъ*.

Данчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣствуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

---

(37) *Homeri* Il. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) Edda rhythmica, s. antiquior, Saemundina, p. III. Havniae. 1828. 4. v. Lexicon mythol.

бранія хлѣба, въ честь Свѣтовида, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ ростъ человѣческій. Самый Бѣлъ-богъ, какъ виновникъ хорошей жатвы (39), назывался *богомъ мухъ* вѣроятно потому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе труды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Іудейскимъ праздникомъ жатвъ первородныхъ. Обычай этотъ перенесли они въ свое Христіанство, и донынѣ во многихъ странахъ Россіи послѣ жатвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки сотовъ изъ ульевъ, первые соты меда. Родившіеся отъ нуждъ и отношеній общественныхъ праздники *житейскіе* на Югѣ и Сѣверѣ Россіи получали различную физіономію какъ отъ климата, почвы и давности занятія земли, такъ равно и отъ нравовъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было менѣе.

Какъ религіозные языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей внѣшности, впро-

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Веелзевулъ* (Beelzebul), начальникъ надъ жатницами, который отгонялъ мухъ и также почитался хранителемъ навоза. 4 *Царств.* I, 2. *Матѳ.* X, 25. *Луки* XI, 15.

ренности и знаменованію измѣнялись въ разныя епохи, въ кои они процекали, именно: въ *Языческую*, или дохрістіанскую, *Греческую* до Татаръ, въ *Восточно-Европейскую* отъ вліянія Татаръ, Литвы, Полыни, и въ *Западно-Европейскую* отъ Петра I до нашихъ временъ.

Не останавливаясь болѣе здѣсь на Язычествѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Хрістіанской епохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ*.

Въ разныхъ областяхъ Россіи еще оставались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Хрістіанской въ Кіевѣ и Новгородѣ.

При Несторѣ лѣтописцѣ, въ праздники церковные св. храмы стояли пусты и народъ сходился на игрища *дѣять позоры* и, по его выраженію: *Хрістіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ*. Являлись кудесники, или волхвы, какъ представители древняго Язычества, и нерѣдко возмущали простодушныхъ жителей Россіи, еще не твердыхъ въ Хрістіанствѣ, которые колебались между старымъ вѣрованіемъ и вновь принятою ими вѣрою, между заблужденіемъ и истиною. При Новгородскомъ Епископѣ Ѳеодорѣ весь народъ

приняль сторону такого кудесника и хотѣль убить своего Архипастыря; на сторонѣжь Епископа осталася одинъ съ боярами Князь Глѣбъ, который поразилъ топоромъ проповѣдника Язычества и тѣмъ кончилъ мятежъ (40). Въ XII вѣкѣ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумиръ Велеса, или Волоса, крестилъ въ Ростовѣ многихъ язычниковъ тогда, какъ етотъ городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкѣ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ житія Благовѣрнаго Князя Константина (42).

Въ ету епоху встрѣчаются языческія имена и прозвища, какія давались Христіанамъ, напр: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственныя имена языческія и Христіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ теченіе болѣе нежели двухъ вѣковъ; тогда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жителями разобщен-

---

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.

(41) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 153.

(42) *Карамз.* И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологѣ и Мінеѣ (Октября 29) сказано: въ XI вѣкѣ.

(43) Исторія Росс. Іерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. *Карамз.* И. Г. Р. III. пр. 331.

ныхъ областей Россіи, закоснѣвшими въ оныхъ. Хотя при Монголо-Татарахъ, съ XIV вѣка Магометанъ, самые Князья и вельможи Русскіе принуждены были проходить сквозь огонь, *покланяться кусту и идоламъ*; но какъ народъ гнушался *поганскими обычаями*: то они и не могли въ немъ укорениться. Если и было вліяніе Татаръ на Россію: то болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее (44).

Хотя съ освобожденіемъ Россіи отъ Татарской неволи и съ постепеннымъ уничтоженіемъ Удѣльной системы истреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества; однако при переселеніи жителей изъ Новгорода, Пскова и другихъ областей, переносились съ пепелищъ на новоселья, гнѣздясь то въ дремучихъ лѣсахъ, то на горахъ, то на погостахъ и жальникахъ, то на берегахъ рѣкъ и озеръ. — Послѣ родственнаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средоточіи Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкоторые тамошніе обычаи и преданія: тогда, по выраженію лѣтописца, *земля наша замышалася и ста-*

(44) Собраніе путешествій къ Татарамъ въ XIII, *XIV и XV вѣкахъ*. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ обычай, по старой пословицѣ, не клѣтка, не переставишь: то многіе изъ нихъ оспавались у проспаго народа въ своей силѣ даже и тогда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамоты Новгородскихъ Архіепископовъ, Макарія въ Водскую пятину 1534 г. и Ѳеодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковъ, свидѣпельспвуютъ о существованіи тамъ языческихъ требищъ и обрядовъ (46). Въ Спогланѣ упоминаются совершавшіяся дополѣ *Русалки* объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождеспва Хріспова и Богоявленія на нощное плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на упренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и *Кликаніе мертвыхъ* въ Великій Четвергъ, въ копорый упромъ жгли солому, *Оклички* въ первый день Пасхи, *Вьюнецъ* на Радоницы, *Наливки* въ понедѣльникъ Петрова поспа. Тамъ же запрещаепся присупствіе кудесниковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую суббопу, въ копорую тамъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

(45) *Карамз.* И. Г. Р. VI.

(46) *Библіографическіе листы П. Кеппена*, 1825, No 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и пр. д. Но и самъ предсѣдатель Стоглаваго собора, Царь Іоаннъ Васильевичь, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Святкахъ и Масляницѣ (47). Въ Русскихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ грамотахъ, пастырскихъ посланіяхъ и житіяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, когда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Липву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ нашъ нѣкоторыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхъ актахъ того времени часто встрѣчаются слѣдствія о *колдовствѣ* и *чародѣйствѣ*, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магіи, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Патріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запретилъ бывшія на Москвѣ »скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Христова. Тогда — пишетъ онъ — непаказанніи мужескаго полу »и женскаго собравься многимъ числомъ, отъ »старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и »дѣвки ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ »бѣснованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) *Карам.* И. Г. Р. VIII.

»женнымъ ими, многія сквернословія присо»вокупляютъ, и плясаніе творятъ, на раз»женіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхо»паденій, и преображающеся въ неподобная отъ »Бога созданія, образъ человѣческій премѣня»юще, бѣсовское и кумирское личатъ, косма»тые, и иными бѣсовскими ухищреньми со»дѣянные образы надѣвающе, плясаньми и »прочими ухищреньми православныхъ Христі»анъ прельщаютъ; такожъ и по Рождествѣ »Христовѣ во 12 дняхъ до Крещенія Господа »нашего І. Христа таковая жъ бѣсовская игра»лища и позорища содѣваютъ.« Такъ какъ Кормчая запрещаетъ *Христіанамъ играти и на позорища ходити:* то Патріархъ Адріанъ 1697 г. въ инструкціи своей старостамъ поповскимъ предписываетъ »не хоронить ни на »кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ »и въ лѣсу тѣхъ, которые играя утонутъ »или съ качели убьются.«

Въ эпоху преобразованія Россіи Петромъ I личность народная сильно измѣнилась отъ вліянія Европейскаго образованія; многіе старые обычаи въ городахъ вытѣснились новыми, иноземными, или запрещались Царскими указами; самая одежда, жилища, образъ жизни испытали перемѣны, кои *неохотно принимали* не только простолюди-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламента, Розыска Св. Димитрія Туптала, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ теченіи 40 лѣтъ борьбы старины съ новизною не вездѣ и не совсѣмъ истребились прежнія суевѣрія Язычества, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ старымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пятницы и т. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался отъ чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ потѣхамъ, давая *просторъ Рускому уму:* въ Святые вечера онъ съ любимцами своими святошничалъ переряженный, славилъ Христа по домамъ (48) и совершалъ другіе старинные обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать оные смѣшными и ещимъ средствомъ уничтожить. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены »въ храмовые праздники при монастыряхъ и знатныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія, *народныя забавы для народнаго полированія, а не для какого безобразія.*«

Святѣйшій Правительствующій Сунодъ 1721 Апр. 17 приказалъ объявить нарочно: »Понеже въ Правительствующемъ Духовномъ »Сунодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣянія Петра I. т. I—XX. см. Донесеніе Посошкова въ Руск. Достоп. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ ве»сяхъ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое »непотребство, а именно, во всю Свѣтлую »седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у »утрени, такового, аки бы штрафуя, обли»ваютъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку»паютъ; и хотя сіе простый народъ дѣлаетъ »себѣ будто за забаву праздничную, однако »отъ той суетной забавы дѣется не токмо »здравый, но и животу человѣческому пище»ша; ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ »глубинахъ, иногда людей потопляютъ или »разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап»нымъ обліяніемъ, ума лишаютъ; къ тому жъ »будто бы воспоминаютъ *мерзкихъ идоловъ*, »*въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же* »*на Великъ день приносили жертву онымъ ку*»*паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лѣто*»*писцѣ Кіевскомъ*. Но понеже во оныя вре»мена Россійскій народъ еще не совершенно »воспріялъ святую православную Вѣру и въ »ней не крѣпко утвердился, а нынѣ уже ми»лосердіемъ Божіимъ оный во благочестіи сі»лѣетъ, а помянутаго обычая невѣжды оста»вить не могутъ; того ради оный богопро»тивный и живота человѣческій вредящій »обычай весьма истребить, и впредь того въ »Россійскомъ Государствѣ отнюдь не было бъ.«

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, сшѣснившихъ Рускую душу, Рускіе, въ царствованіе Елисаветы Петровны, стали свободнѣе дышать, какъ говорится: *жить припѣваючи.* Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ старинномъ Рускомъ платьѣ, услышалъ ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и святочныя игры и оперы Итальянскія и маскарады. Въ ето время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и потѣхахъ, откликнулась въ пѣсняхъ и прибаутках, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Масляницѣ кататься, въ Святки ходить наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивать имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивать подъ окнами, на перекресткахъ гадать, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семикъ съ пѣснями. Ето продолжалось и при Екатеринѣ II, которая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, собирала пословицы народныя и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ открытіемъ Намѣстничествъ въ Россіи послѣдовала большая перемѣна какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, потѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и пристойнѣе; постепен-

но оставляемы были буйства и безчинства, коими сопровождались оныя. Вдали отъ столицъ, въ разныхъ областяхъ Россіи старинные праздники и повѣрья Язычества сохранялись одни въ бо́льшей, другіе въ меньшей силѣ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣстахъ, нерѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, отдаленное отъ древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдственныя преданія у народа нерѣдко согласуются съ лѣтописями, или дополняются ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминаютъ о древнемъ бытѣ, подтверждаемомъ повѣрьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагается, хотя и въ неясныхъ чертахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляется его духъ, его жизнь внутренняя. Преслѣдуя сіи остатки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ епохахъ его жизни, видимъ, что языческія торжества сперва удерживались какъ отеческіе благоговѣйные обряды, а потомъ превратились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то жизнейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда уступало мѣсто новому; однако оно часто клало свою печать на послѣднее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Первомайское гуляньe* (Meye-tag), или *Нѣмецкіе станы* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ Нѣмцами, имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ народовъ прежде годъ начинался Маіемъ: по Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящіяся къ ней суевѣрія остаются еще при перемѣнѣ времени года. Забавный обычай обманывать *перваго Апрѣля* перенесенъ на Русь Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ сего первое представленіе въ Москвѣ. *Новый годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сентября по церковному чиноположенію, въ день Симеона *лѣтопроводца*, въ который Государи Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтіе начинается Январемъ мѣсяцемъ, который Петръ I ознаменовалъ торжествомъ въ Европейскомъ вкусѣ съ невиданными дотолѣ на Руси церемоніями и обрядами. Вѣроятно, съ того времени старый Сентябрскій годъ прослылъ *бабьимъ лѣ-*

(49) *Карамз.* И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), которое Г. Шишковъ правдоподобно производитъ отъ созвѣздія *Бабы* (семь звѣздъ, утичье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Петръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для отечества, завелъ ассамблеи; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, такъ какъ при Екатеринѣ II Князя Потемкина. Кому не извѣстенъ достопамятный этнографическій маскерадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Екатеринѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и память великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣетъ свои праздники, на кои приглашаетъ человѣка; - то и онъ, торжественно и благоговѣйно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

(50) Библіотека для чтенія, Январь, 1836.
(51) Но сіе созвѣздіе видимо во всю зиму. Сочиненія *А. Шишкова*, т. V, стр. 48.
(52) Haigold's Beylagen. II, 54.

отъ природы бѣлые или черные краски, радостные или унылые звуки, дѣлитъ съ нею веселье и горе; ощущая жизнь въ природѣ, самъ въ ней живетъ и все собою олицетворяетъ. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя части, подали поводъ ознаменовать каждое время года сперва религіозными, потомъ житейскими праздниками, кои относятся къ земледѣльческимъ трудамъ и хозяйственнымъ занятіямъ; въ нихъ впадаютъ сроки и сдѣлки, торги и сходы мірскіе, какъ то: въ *Юрьевъ* и *Семенъ дни*, въ *Пятницы* и т. д.

Подобно Англо-Саксамъ, Славяне раздѣляли годъ свой на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее солнцестояніе, Коледу и Купало, коихъ символами было колесо (коло), эмблема солнечнаго поворота, а самые праздники на *зимніе* и *лѣтніе*, сообразно своему климату и мѣстности. У древнихъ Нѣмцевъ годъ раздѣлялся на три части: *зиму, весну и лѣто*; первая почиталась священнѣйшею порой, когда торжествовались главные праздники въ честь боговъ (53). При распространеніи Славяно-Рускихъ племенъ по черной, чермной и бѣлой, малой и великой Рос-

(53) Menzel's Geschichte der Deutschen bis auf die neuesten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

сіи, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозные и житейскіе, съ умноженіемъ нуждъ и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе* и *лѣтніе*, *осенніе* и *зимніе*.

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ началъ одушевленнаго человѣкомъ міра, который представляетъ небомъ и землею оба пола; растенія, животныя, люди суть плоды сего лада (54). Въ древности у Рускихъ *прольтіемъ* назывались три весенніе мѣсяца, съ коихъ начинаются обновленіе природы, новолѣтіе и праздники народные, какими встрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной птицы, грача, и весенней пташки, жаворонка: по ихъ прилетанію народъ дѣлаетъ свои авгуріи объ урожаѣ хлѣба и печетъ изъ тѣста изображенія сихъ перелетныхъ пташекъ. Первый пролѣтній мѣсяцъ, или Березозолъ, Мартъ, коему самъ Богъ даровалъ первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племенъ, такъ какъ у Пер-

(54) Religions de l'Antiquité, par F. *Creuzer*, refondu et developpé par *J. D. Guignaut*. t I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ, сопровождается разными торжествами и играми въ честь усопшихъ; Богемцы, отчасти Германцы етотъ день почитаютъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у просто-людиновъ тогда празднуется *Авсень, Овсень,* или *Таусень,* который перенесенъ на новый годъ съ Января и заключаетъ въ себѣ другіе праздники, такъ какъ *Васильевы вечера,* или *Святки* предъ Январемъ и послѣ онаго (57). Но какъ, по различію климата, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сіи переходятъ въ разные дни мѣсяцевъ, кои посему имѣютъ названія народныя, кромѣ книжныхъ (58); то пастушескія и земледѣльческія празднества въ средней и сѣверной полосѣ Россіи начинаются позднѣе, чѣмъ въ южной, заимствуя отъ мѣстности и отъ нравовъ жителей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собственно *красная весна* и *Красная горка,* начинающаяся *Закликаніемъ весны* и *Радунщею,* празд-

(56) Edda Saemundina, t. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаетъ, основываясь на преданіяхъ, что прежде преполовеніе Святокъ было въ день С. Василія, 28 Февраля, а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ,* No 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Фомин понедѣльникъ*, или въ Егорьевъ день, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи стадъ и съ ночными хожденіями: что и донынѣ бываетъ около Буя, Солигалича и въ другихъ странахъ Россіи. Олицетворяя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ *обытныя пятницы* не работаетъ, во *временныя* послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ сбирается на ярмарки или торги, на кои, по преданію, вывозили изображеніе св. Параскевіи, обвѣшенное платками и лентами. Въ Духовномъ Регламентѣ замѣчено, что »въ малой »Россіи, въ полку Спародубскомъ, въ пятокъ »водятъ жонку просповласу, подъ именемъ »Пятницы, и водятъ въ ходѣ церковномъ и »при церкви честь оной отдаетъ народъ съ »дары и со упованіемъ нѣкія пользы.« Самыя часовни съ образомъ св. Параскевіи Пятницы, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слывутъ между просполюдьемъ *Пятницами*. Переходомъ отъ весеннихъ праздниковъ къ лѣтнимъ служитъ *Первомайское гуляньe*.

Изъ лѣтнихъ праздниковъ извѣстны въ Россіи: *Семикъ*, или Тюльпа, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало и Купальница*, *Русаліи*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ осенних: *Обжинки, Спожинки, овсяные имянины, Бабье лѣто,* или *Семенъ день,* или *Лѣтопроводца, Аспосовъ* день, или *Госпожка* въ Минской Губерніи. 8 Сент., *Осенины, Дмитріевская суббота,* соотвѣтствующая Дѣдинамъ и Задушному дню въ Литвѣ и Польшѣ (Dziady, Dzien zaduszny), а въ Костромской губ. называемая *вселенскою, поминальною, Юрьевъ день* или *Егорій осенній* и пр.

Къ зимнимъ относятся: *Каледа,* или *Святки,* извѣстныя у Карпаторосовъ и другихъ Славянскихъ племенъ, подъ именемъ *Корочуна, Васильевъ вечеръ, Масляница* съ предшествующею ей *родительскою,* которая приходится въ Февралѣ, бывшемъ у Римлянъ послѣднимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ отправлялись Feralia и когда въ Германіи на сѣверѣ и югѣ и у Славянъ совершались пиршества и игрища, съ коими соединялось драматическое представленіе — *изгнаніе зимы,* или *смерти,* какъ бы предпраздненство обновленія года съ наступленіемъ весны и символическое представленіе борьбы смерти съ жизнію въ природѣ (59). Какъ весна въ Малороссіи *встрѣчается закликаньемъ,* или *веснянкою,* сходною съ Грече-

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. *Карамз.* И. Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ *χελιδόνισμα*, такъ равно *провожается* весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣтой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: что̀ донынѣ бываетъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Госпожинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляетъ главное дѣйствующее лице, вѣроятно, какое либо божество, избранный отъ міра человѣкъ, иногда юноша, иногда старикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвятское заговѣнье водятъ избраннаго человѣка, украшеннаго цвѣтами и лентами; объ Масляницѣ возятъ на колесѣ, укрѣпленномъ на столбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, который напоминаетъ собою древняго Крода, и т. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываютъ въ теченіи четырехъ временъ года *братчины*, *ссыпчины*, *холки*, *посидѣлки*, *бѣсѣды*, *Никольщины*, *приходскіе праздники* и т. д., на кои сборомъ со всего міра готовится кушанье и варится пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ временамъ и къ самымъ церковнымъ празднествамъ, въ кои впадаютъ народные праздники, одни

изъ нихъ предшествуютъ Пасхѣ, другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходятся въ разныя чи́сла мѣсяцевъ, то ранѣе, то позже, и называются *подвижными*, напр: *Радуница*, *Семикъ*, *Масляница*; а постоянно случающіеся въ одинакія числа мѣсяцевъ именуются *неподвижными*, какъ-то: *Семинъ день*, или *Бабье лѣто*, *Купало* и *Купальница*, *Святки*. Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторые изъ сихъ праздниковъ, особливо примѣненные къ годовымъ временамъ по климату, столь разнообразному, отправляются то ранѣе, то позднѣе, напр: *Авсень*, *Ярило*, *Красная горка*, *Госпожинки* и пр.

Нѣкоторые изъ праздниковъ и обрядовъ бываютъ *чрезвычайные*, или *обытные*, какіе отправляются по особеннымъ случаямъ, напр: во время мора, скотскаго падежа и другихъ напастей, какъ-то: *Пятницы*, *изгнаніе коровьей смерти* или *опахиванье* и пр.

Какъ народные, такъ и семейные праздники продолжаются обыкновенно три дни, а иногда и цѣлую недѣлю. Какъ у Скандинавовъ Іолійскія игры, такъ у Руских Святки

(60) Руководство къ Пасхаліи соч. *А. Тяжелова*, изд. 2. М. 1830, 8.

продолжались двѣнадцать сутокъ (die zwölf Nächte), см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ отправляется днемъ, а нѣкоторые изъ нихъ ночью, какъ увидимъ въ частномъ описаніи оныхъ: одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до ночи, другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью, особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Петрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяцъ гуляютъ по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались простымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія: что̀ самое подтверждается Номоканономъ, Стоглавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Стоглавѣ слѣд. словами: »На канунѣ, на вечеріи »праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія и Ивана Предтечи сходились мужи, »жены и дѣвицы на нощное плещованіе, безчинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и скакаліе до самаго разсвѣта до заутрень, когда »они, умывшись въ рѣкѣ водою, расходились по домамъ.« Сходно съ Стоглавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи, въ XVII в., что »въ Гальберштадтской деревнѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Христова »ночью, на погостѣ Св. Магна, юноши и му-

»жи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян»ствѣ и безчинныхъ пляскахъ, коими пре»рывали утреннее богослуженіе« (61).

§ 5. Естественно, народныя повѣрья и праздники должны дѣлиться на *отечественные* и *заимствованные* отъ чуждыхъ племенъ, съ коими сближались Славяне въ предъисторическія и историческія времена. Но весь объемъ ихъ и другихъ указать и съ точностію разграничить едва ли возможно, такъ какъ описать ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе, распространеніе и заимствованіе; посему должно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западные и восточные историки, между ними возникли немногіе праздники, истекшіе изъ мѣстности, быта и духа, кои положили на оные свою печать. Сколь время ни изглаживало ее; однако отписки ея проглядываютъ на почвѣ родной, какъ черты древней живописи изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, живущихъ на щедрой землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Cranz* Saxonia. Francof. MDCXXI. p. 109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у которыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болота и скудныя средства для жилья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная въ обществахъ и городахъ у жителей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ торгами появились праздники, кои носятъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скотоводствомъ и земледѣліемъ, отпечатокъ качествъ ихъ климата, мѣстности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на *зиму* и *лѣто*: то и весь кругъ ихъ трудовъ и религіозныхъ и житейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніями, или *Коледою* и *Купалою*, о коихъ сказано выше. Въ етотъ кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ торжественныя проявленія народности и вѣрованія. Хотя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русаліи*, о коихъ упоминается въ Стоглавѣ; но Патріархъ Вальсамонъ и Дмитрій Хомашинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русаліи*, кои отъ нихъ вошли и въ Стоглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (ἐν ταῖς ἔξω χώραις γενόμενα). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о странахъ *сѣверныхъ* въ отношеніи къ

себѣ, по замѣчанію одного изъ схоліастовъ на Basilica (62): но и отнюсится оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ существовали Русаліи, извѣстныя и у Рускихъ Славянъ на югѣ: любимый свой цвѣтъ *красный* или *русый* клали они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на стихіи, на страну, на горы, на лѣса и на жито, отсюда: *красная весна*, *красное лѣто*, *красное солнце*, *красная (червонная) Русь*, *красная горка*, *красный холмъ*, *красный лѣсъ*, *красный хлѣбъ* и пр. д. Какъ *бѣлый* цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ *красный* — огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кромѣ Русалій, праздника духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, *тризна* принадлежала Славянорусамъ и *родительскія*, совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну*, главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Пруссовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скотоводства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

(62) Pandectae canonum Beveregii, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine fiunt in externis regionibus. — Въ Потребникѣ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листѣ, упоминаются между Еллинскими обычаями *Русаліи*.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у которыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болота и скудныя средства для жилья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная въ обществахъ и городахъ у жителей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ поргами появились праздники, кои носятъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скотоводствомъ и земледѣліемъ, отпечатокъ качествъ ихъ климата, мѣстности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на *зиму* и *лѣто*: то и весь кругъ ихъ трудовъ и религіозныхъ и житейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніями, или *Коледою* и *Купалою*, о коихъ сказано выше. Въ етотъ кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ торжественныя проявленія народности и вѣрованія. Хотя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русаліи*, о коихъ упоминается въ Стоглавѣ; но Патріархъ Вальсамонъ и Дмитрій Хомашинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русаліи*, кои отъ нихъ вошли и въ Стоглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (ἐν ταῖς ἔξω χώραις γενόμενα). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о странахъ *сѣверныхъ* въ отношеніи къ

кликаютъ весну и, ежели раскрылась вода, входятъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣваютъ: *весна, весна красна, приди весна, съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!*

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ столь древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — разсадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключать о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славянъ и Руссовъ съ Восточными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрываясь во мракѣ предъисторическихъ временъ, объясняются отчасти соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ. С. П. 1835. Іюнь.

къ силамъ міровымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купалѣ* и *Купалышцѣ*, безъ сомнѣнія, есть осталокъ древняго Славянскаго богослуженія, общаго съ Восточными племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россіи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Византійскихъ и отечественныхъ писателей, Славяно-рускія племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы* (63), покланялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили имъ и другимъ жертвы, по коимъ дѣлали гаданія, кидали жребіи (64). На островѣ Рюгенѣ въ дремучемъ лѣсу находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды сего благоговѣнія къ водѣ осталисъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Костромской Губерніи, доселѣ дѣвки въ великій Четвертокъ

(63) *Procopius* de bello Gothico, III, 14. — *Constantini* porphir. de administratione. 44. — Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Руской Исторіи, А. Х. *Лерберга*. С. П. 1819. 4.

(64) Имена рѣкъ, по замѣчанію Г. Глаголева, на сѣверѣ имѣютъ родъ и окончаніе одинакіе съ городами на *а* женск. р.; а на югѣ, т. е. въ областяхъ древнихъ Рускихъ и вообще Славянскихъ (въ Новгор. области также) есть рѣки женскаго и мужескаго рода. см. Журналъ Д. М. вн. д. Январь, 1835.

кликаютъ весну и, ежели раскрылась вода, входятъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣваютъ: *весна, весна красна, приди весна, съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!*

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ столь древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — разсадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключать о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славянъ и Руссовъ съ Восточными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрываясь во мракѣ предъисторическихъ временъ, объясняются отчасти соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ. С. П. 1835. Іюнь.

внутренними признаками: къ нимъ относится быть и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуетъ одинъ народъ у другаго болѣе сообразные съ мѣстностію своей и съ естественными и нравственными потребностями. Кромѣ сего, сходство можетъ быть въ символахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному человѣку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жителей Востока съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Сиріянъ и Финикіанъ (66). Гебры и Парсы въ Остиндіи исповѣдуя Сабеизмъ и признавая единство Бога подъ именемъ Yerd, почитаютъ солнце и огонь его символами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскритски Nabo, Nibu, по Арабски nèba—наше *небо*.

(66) IV Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in epitomen redacta a *J. Jahn*. Viennae, 1814. 8.

въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцестоянія, праздникъ *Перунъ - Понголъ*, или великій Понголъ, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (Ougahdy): оный продолжается три дня, въ кои приносятся жертвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, третій днемъ *быковъ и коровъ*. Представители огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнаетъ въ Индѣйскомъ *Копалѣ*, покаянникѣ, нашего *Купалу*? Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (Yama), священныя игры 1 Апрѣля — *Гуллями* (Houli, Huli, Holaca), *гулючками*? и т. д. (67). Знатоки при дальнѣйшемъ изслѣдованіи Восточныхъ писателей и обычаевъ найдутъ болѣе сходнаго Восточныхъ съ Славяно-Рускими.

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par *Sonnerat*. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Карамзина* И. Г. Р. т. VIII. — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, per *I. A. Dubois*, á Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par *F. Creuzer*. t. I — III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von F. Schlegel. Heidelberg. 1805. 8.

По сходству Греческихъ миѳовъ и обрядовъ съ Индѣйскими многіе ученые заключали, что они вмѣстѣ съ Славянскими почерпнуты изъ одного источника въ предъисторическія времена. Послѣ переселенія народовъ, возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и тамъ въ Пелопоннесѣ запечатлѣли слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирные и торговые договоры, путешествія Славяно-Руссовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Христіанской вѣры отъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрьевъ и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли быть общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предъисторическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра отъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для отличія отъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

(68) Antiquités grecques, trad. de l'Anglais de *Robinson*. 2 v. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: по и Рускіе именовали свои древніе, дохрістіанскіе обычаи *Еллинскими*. Безъ сомнѣнія, опъ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и жишейскіе, вмѣспѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на простолюдиновъ, приверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій епишетъ Ареса (Марса) Θοῦρος ярый, сполъ сходный съ Арабскимъ шавромъ, съ Скандинавскимъ *Туромъ* и Епрускимъ Turan, находится и въ Игоревой пѣсни Буй-*Туръ*, такъ равно епишетъ Вулкана παλίγκοτος паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слывешъ *паликопомъ* или *паликопомъ*, попому что, подобно древнему Вулкану, на нечпущихъ памяши его низводишъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* опзываешся Греческое πῦρ огнь. Наша *мать земля* близка съ Γῆ μήτηρ, или Δᾶ μάτηρ земля мапь, или Церера, кормилица рода человѣческаго. Въ древносшяхъ Еллинскихъ всшрѣчаюшся сходныя съ Славянскими *родительскія* (*Γενέσια*, *Ὄσια*), *птицеволхвованіе* (*οἰωνομαντεία*), *литье воска въ воду* (*κηρομαντεία*), *гаданіе* или *колѣдованье* (*κληδόνες*, повогреч. *κλήδονα*), при коемъ и донынѣ кладупъ не полько женщины,

но и мущины въ сосудъ перстень или монету, которую вынимали подъ пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μύδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣты и древесные листья (71), или съ упоминаемымъ въ Ѳеодосіевомъ Уложеніи *Δενδροφορία* — ношеніемъ вѣтвей древесныхъ по городу въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*ζῇ, ἔζη?*) *курилка*, похожа на торжественное въ честь Прометея бѣганье со свѣточами (*λαμπαδοφορία, λαμπαδοῦχος ἀγών*) (72). Гнѣдичь объясняетъ праздникъ и пѣсни Коляды Греческимъ словомъ *χολάδες*, т. е. внутренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду *колыцо колбасы* (73). У Гомера въ Иліадѣ

(69) *I. Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth Hellen. Alterthumsk. II. 2.

(70) *Sophocl.* Antig. 264.

(71) Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. *Глаголева*. С. П. 1834. 8.

(72) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. *Guthrie*. à S. P. 1795. 8.

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. Н. *Гнѣдичемъ*. С. П. 1825. 8.

надъ трупомъ Гектора дѣлается *причитаніе* (ἰάλεμος), какія сохранились въ лѣтописяхъ нашихъ и какія употребительны у простолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ ὕγρὰ, кои были хороводы при таинствахъ Цереры (74), даже нашъ *хоровод*ъ, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племенъ извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, отъ χορὸς *хоръ*, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и ἄγω *веду*, какъ бы *посолонь*, или отъ χορεύω ступаю въ хоръ; ибо собственно хороводъ прообразовалъ теченіе солнца. Многіе изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Русскихъ, продолжались *три дня* (τριημερία); самое слово *сорокоустъ* есть позднее Греческое Σαράκοντα и Σαράντα сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываетъ изъ Иліады VII п. сп. 171, что нашъ простой народъ также мечетъ жребіи, какъ мечали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

---

(74) *P. Köppen's* die dreygest. Hekate. Wien, 1823. 8. *Horat.* IV, od. 7: choros ducere вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и отъ *коло*: тогда выдетъ *коловодъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata, auct. F. *Graefio.* part. I. Petropoli. 1827. см. Библіогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе обычаи и повѣрья древнихъ предковъ своихъ: у нихъ есть родники, *криницы* (*κρῆναι*), почитаемыя священными, такъ какъ у насъ, куда они приносятъ больныхъ для исцѣленія (77). *Перваго Мая* (*Πρωτομαΐα*) у нихъ двери всѣхъ домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшаются цвѣтами и вѣтвями древесными и вся Грецiя встрѣчаетъ начáло лѣта увеселеніями народными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Рускіе подражали въ замѣненіи боговъ Язычества Святыми Христіанства. Какъ все прекрасное и благое происходитъ отъ Бога чрезъ посредство Ангеловъ и Святыхъ, которые у Грековъ заступили мѣсто полубоговъ и геніевъ: посему у нихъ также Сорокъ Мучениковъ приводятъ весну и соловьевъ, С. Николай Чудотворецъ утишаетъ бури, а С. Георгій, весьма уважаемый самыми Турками, покровительствуетъ земледѣлію и скотоводству, и тамъ его днемъ торжественно открывается годъ пастушескій и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ съѣдаютъ первенца стадъ (78).

---

(77) Вѣстникъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par *F. C. Pouqueville*, à Paris, 1820. 5 v. 8.

Отъ древняго сродства, въ предъисторическія времена, Славянъ съ Римлянами, которые сами хвалились происхожденіемъ своимъ отъ Венетовъ, Славянскаго племени, потомъ отъ сосѣдства Лацинскихъ колоній съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ, отъ вліянія Греко-Римлянъ въ средніе вѣка на Россію, вошло въ Гускій міръ много повѣрій и обычаевъ, а въ языкъ много словъ Римскихъ. Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арндта и Г. Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ (79). Сколько Римскаго доселѣ осталось въ общихъ чертахъ Рускаго народа, въ его бытѣ, въ законахъ, въ календарѣ и т. п.! Выше замѣтили мы о сходствѣ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ Славяно-Руссами, къ которымъ могли перейти оные посредствомъ Нѣмцевъ и Литовцевъ. Геній хранитель, *постынь*, (incubus, succubus, *ἐφιάλτης*), *домовой* (domiducus, ca), *родительскія* (parentalia), *девятины* (novemdialia) и пр., возводятъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ, столь сходнымъ съ древне-Итальйскими. Если ближе сличишь происхожденіе и знаменованіе нѣкоторыхъ боговъ Римскихъ: то они, мо-

(79) E. v. Arndt über den Urſpr. u. die Verwandſchaft der europ. Spr. Frkf. 1827. 8. — H. Meidinger die deutſchen Volksſtämme. Frkf. am M. 1833. 8.

жепъ спашься, найдутся нечужими Славянскимъ. Скандинавская Freya, вѣроятно, родственница съ Римскою Frutis-Seja, или Seiana, и Славянскою *Сѣваною*, происходящею отъ *сѣянія*, какъ Vertumnus богъ садовъ и плодовъ отъ *верто*, сада (80). Древнія Рускія слова *дивъ* и *дива* близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣснях Deivos sanos и Deiva sana, божествъ солнца и луны, сходныхъ съ нашими *Ладо* и *Ладою*. см. стр. 14. Неопредѣленность пола божествъ ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квиринова: sive deus, sive dea (81). Благоговѣніе къ аеролитамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, которые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, *κεραυνίας* и Jupiter lapis, которымъ они клялись.

У Латинъ хожденія вокругъ полей предъ посѣвомъ и послѣ посѣва Ambarvalia, Sementinae похожи на подобные Рускіе обряды, кои и донынѣ существуютъ между простымъ народомъ. Упомянутые въ Слоглавѣ *гудцы* и *прегудницы*, игравшіе со скоморохами на моги-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusker, IV B. von K. O. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par *F. Creuzer*, trad. par D. J. *Guigniant*. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

лахъ покойниковъ, близки съ Латинскими tibicines и fidicines, а *плакуши* съ praeficae. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшіе Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы пленные остатки сохранить отъ поруганія и душу очистить отъ скверны плоти. У Русскихъ и донынѣ, по Уставу церковному, бросаютъ землю на мертваго, какъ бывало у жителей Лаційскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, даютъ обѣдъ въ память усопшихъ — Латинскій silicernium, charistia. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (libationes, manibus parentabatur) на жертвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родительскія, трепины, девятины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистительныя жертвы: что̀ донынѣ наблюдается въ Радуницу между простымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемыя въ Кормчей *Каланды Январскія*, неизвѣстныя Елли-

(82) *Ciceronis* de legibus, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809. 8.) c. 22: in os injecta gleba est. См. о двусмысліи слова os кость и лице, Гёренцовъ екскурсъ: de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta.

(83) *J. Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми святочными, такъ какъ и старинныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ отеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Латинскими scurra и larva; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „нынѣ »въ одежду женскую мужіе облачатся, и жены »въ мужескую, или наличники, якоже въ стра»нахъ *Латинскихъ* (Христіанъ Запад. Церкви) злѣ »обыкоша, творятъ.« Впрочемъ можетъ быть и то, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что »наряды въ маски и разныя странныя одѣянія, какія и теперь бываютъ во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Палилій*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палили* сухое дерево и хворостъ, и черезъ него огонь проекрашно перескакивали. Канне въ Миѳологіи своей вмѣстѣ съ издателями Edda Saemundina находитъ очевидное сходство Латинской *Палесы* Pales съ Азіатскимъ Bal, Baal, Скандинавскимъ Bål огнь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палило*. *Паліемъ* въ Малороссіи прозывается Св. Пантелеймонъ потому, что онъ *палитъ* копны сѣна и скирды хлѣба у тѣхъ, кто работаетъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцѣ совершался въ Римѣ при Осціи праздникъ (Maiuma), во время коего мущины обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше стр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, торжественно кидали съ священнаго моста въ Тибръ XXX проспниковыхъ болвановъ (simulacra scirpea): Нѣмецкіе Славяне и жители нѣкоторыхъ областей Россіи доселѣ бросаютъ въ рѣки съ различными обрядами соломенныя чучелы весной и лѣтомъ. Какъ у Римлянъ, такъ и у Рускихъ, Май мѣсяцъ почитался неблагопріятнымъ для супружествъ; у первыхъ была пословица: Mense Maio nubunt mali, сходная съ примѣтою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: Noces de Mai, noees mortelles (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое слово *свадьба*, стар. *сватба*, одного корня съ Латинскимъ suada, т. е. привлекательная, прозваніе Венеры, такъ равно и свадебный *коровай* съ Латинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочетанія confarreatio, при коемъ, по свидѣтельству Т.

(85) J. *Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣстникъ Европы, 1811, No 20.

(86) *Ovidii* Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, Mense malas Maio nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогѣ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узнаетъ въ приводимомъ церковными книгами *вороногранъ*, *птицеволхвованіи* и въ сохранившихся доселѣ между простымъ народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету птицъ Епруско-Римскія auguria и auspicia? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (sternutatio), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравствуй* (salve) (87), *звонъ въ ушахъ* (tinnitus aurium) (88), *чесотка зубовъ* (pruritus dentium) (89), *просыпаніе соли* на столѣ и пр. д.

У Римлянъ, вѣрившихъ также *призору очесъ* или *изурочиванью*, было и божество Fascinus, предохранявшее отъ ехаго и младенцевъ (custos infantium); они оговари-

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ хараш. спискахъ Несторa о современныхъ ему суевѣріяхъ находится слѣд: „Нарицающеся хрестьяне, а погански живуще — друзіи же и зачиханью вѣруютъ, еже бываетъ на „здравіе главѣ.“ *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 113.

(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti* Amph. I. 1, 139. Perii! dentes pruriunt. *Theocr.* Id. III, v. 37.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Петронія sat. p. 805: Hoc peracto carmine, me expuere jussit. У нихъ были, также какъ у насъ, *черные* или *злые дни* (dies atri), въ кои они ничего не начинали. Мѣстами жертвоприношеній и совершенія другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (luci) и источники (fontes); ибо, по словамъ Липсія, древнее существовало повѣрье, что „источники и рѣки почитались меньшими богами и геніями." Это сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Онъ рѣку „богиню нарицаетъ и звѣрь живущь въ ней яко „бога нарицая, требу творитъ." Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣты, ладанъ (90), свѣчи (91), медъ, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ живопными, дѣлали изъ металловъ по обѣщанію привѣски изображеній больныхъ частей тѣла (e voto), очищали луспральною водою людей, осквернепныхъ преступленіями, поля, домы и города (lustratio ordinaria et extraordinaria) (92). „Весну, по свидѣтельству I.

(90) Thurea dona. *Virgil.* Aen. VI, v, 223.
(91) *Senecae* ep. 95.
(92) *Virgil.* Aen. VI, v. 229. *Plutarch.* Quaest. IV. Cic.

Лаврентія Лудійскаго, называли они *зеленою*, присвоивая сей цвѣтъ землѣ, а лѣто *краснымъ*, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93)." Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, три дни, такъ какъ у Русскихъ (94).

Западные писатели о Славянской Миѳологіи, по нелѣпому обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, сопставили новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Миѳологіи во многихъ чертахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна, Волоса* своего, и другіе миѳы; тоже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Іольскимъ (Iuul, Joel), который отправлялся въ Норвегіи болѣе въ честь Тора, а въ Даніи посвящался Одину для испрошенія благословенной жатвы и скораго возвращенія солнца: оный соотвѣтствуетъ нашимъ Святкамъ, кои у Датчанъ

(93) J. *Laurentii Lydi* de mensibus. Lipsiae, 1794. 8.

(94) Ferias indicere in triduum. *Liv.* III, 5. *Cic.* de legg. II, 2.

(95) Моск. Вѣстникъ, 1828, No 2.

называются Iuul; онѣ прежде сопровождались переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святошныхъ нашихъ играхъ *суженой ряженой* почти одинакую роль играетъ съ Скандинавскимъ Julevetten, который внезапно является въ домы. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Гопоы, составлявшіе Царскую дружину, по свидѣтельству Константина порфир. и Кодина (97), объ Рождествѣ Христовѣ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вертѣлись, ударяли жезлами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музыку. Сіи святочныя игры слыли въ Царьградѣ *готическими* и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лѣтнее равноденствіе (Midsommersnat, или Sankt Hans Aften) у Датчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались костры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; тамъ, подобно какъ у насъ, въ епотъ день купаются для здоровья и собираемыя травы (Sank

(96) Мейнихенъ въ своей *Сѣверной Миѳологіи*, изд. на Датскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что Iuul происходитъ отъ слова Hjul колесо; ибо годъ тогда повѣрачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph.* de cerem. aulae Byzantinae. Lipsiae. 1754 f.

(98) Edda Saemundina, t. III. L. M.

Hans Urt) почитаются цѣлительными отъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, четвергъ, слывущій у Датчанъ въ простонародіи *зеленымъ* и *легкимъ* для дѣлъ, изъ языческаго праздника 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Христіанское торжество Римско-католической Церкви подъ именемъ dies viridium, на основаніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово viridis выражено на Слав. *злачный*. Издревле въ Исландіи, при началѣ весны, праздновали въ четвергъ Тору и донынѣ празднуютъ, такъ какъ въ Россіи *Семицкій четвергъ*. Тогда, по мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Тіасса, зимняго гиганта, воспринималъ полное владычество въ природѣ. Исландскому названію соотвѣтствуетъ Нѣмецкое: der grüne, der hohe Donnerstag, Англійское holy Thursday, т. е. святый Туровъ день, и Шведское Helig Thorsdag (99), въ который простолюдины въ Германіи имѣли обыкновеніе ѣсть зелень. Вѣроятно, что къ міру Славяно-Рускаго Язычества относится народная

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii Borealium cum seriore ac recentissimo nostratium annui spatii computo, variis cognatarum gentium festis vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбышочномъ: *После дождичка въ четвергъ.* Майскій *праздникъ*, по-Тевшонски Meye-tag, былъ радостнѣйшимъ у Шведовъ, Датчанъ, Германцевъ, Англовъ: онъ отправлялся и въ Германіи и Даніи, въ извѣстное время года, съ пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго дерева. Какъ у насъ въ Семикъ, такъ у нихъ въ епохъ Майскій праздникъ поселяне увѣнчиваютъ себя цвѣтами и носятъ въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ при Олаѣ великомъ торжественно совершался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дворомъ, который вмѣшивался въ веселыя толпы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ Персіане въ новый свой годъ, при возвращеніи весны, имѣютъ обыкновеніе дарить друзей своихъ раскрашенными яицами, такъ Скандинавы и Русскіе въ продолженіи Пасхи христосуются и мѣняются красными яицами. *Первое Апрѣля* обманываютъ другъ друга не только на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ также празднуется 23 Апрѣля *Егорьевъ день* (Iörgen на Датск., Göran на Швед.), когда въ Исландіи и Финляндіи торжествуется наступленіе весны, или лѣтней поры, съ различными языческими обрядами. Св. Георгію суевѣріе жителей Скандинав-

скихъ придавало почти такія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Рускаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находятся *Турьбидъ* и *Турьбернъ*, которые повидимому соотвѣтствуютъ Скандинавскимъ Thorfrid, Thorfid и Thorbern (100). Въ Костромской губерніи доселѣ поютъ пѣсню въ честь Тура:

Ой Туръ молодецъ удалой!
Туръ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на правѣ побороться,
Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, поставленъ былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сатану: суевѣріе народа стало смѣшивать лица и дѣйствія того и другаго; день Архангела (Míhiltag) празднуется, особенно въ Даніи, веселыми пиршествами, кои называются *осенними*, *жатвенными* (Höst-Gilde), а въ Борнгольмѣ *Михайловскими*; изображеніе его осталось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

(100) *Карамз.* И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Лѣтопись Несторова по Лавренц. сп. М. 1824. 4.

Въ мірѣ Скандинавскомъ такъ же, какъ и въ Славянскомъ, есть обрядъ *изгнанія зимы и встрѣча лѣта;* въ Васильевъ вечеръ на Новый годъ тамъ дѣлаются гаданія о будущемъ, замѣчаются разныя примѣты. У Исландцевъ тогда простолюдины толпами ходятъ ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьютъ горшки у дверей домовъ; также наряжаются мущины женщинами, а женщины мущинами, надѣваютъ на себя разныя личины, и т. д.

При ближайшемъ сравненіи простонародныхъ Мѣсяцослововъ Скандинавскихъ, вѣроятно, откроется еще бо́льшее сходство древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Русскимъ. Что жъ касается до Германской Миѳологіи, то она занимаетъ средину между Цельтическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдство и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, которыхъ они называли и *Фрягами*, разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и восточной Германіи, сильно подѣйствовало на языкъ тѣхъ и другихъ, въ коемъ находится множество сходныхъ словъ, выражающихъ потребности житейскія; тамъ чисто Славянскія названія

(101) Въ Потребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Франзѣхъ: „Лонговарди и Фрязи, иже и Германи нарицаются.“

многихъ городовъ, селеній, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ повторились и въ сѣверо-восточной, части Россіи, куда могла переселиться Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствуя одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій шуземныя преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-восточныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодились божества, неизвѣстныя послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, которые оставили тамъ слѣды свои колоніями и станами. Хотя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно покланялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныхъ дубравахъ (Heiden), отъ коихъ и получили свое названіе *язычники*, такъ какъ *поганые* (pagani) отъ pagi селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда стекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли былъ *Рюгенъ*, *приютъ Руси*, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкоторыя божества у ней были общія съ Пруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, который у нихъ назывался Perkun и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ Поприпомъ юношею и Пиколомъ старцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змія, третьяго—мертвая голова человѣческая. Sema, или Semina, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спустя по принятіи Христіанства, приносили у священнаго дерева въ жертву пѣтуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня, что̀ дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: der röde Hane galer over Taget, т. е. „красный пѣтухъ поетъ на кровлѣ.“ Въ Германіи говорятъ простолюдины: den rothen Hahn aufſtecken, вмѣсто: зажечь. Въ Самаріи пѣтухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Вальпургіеву ночь сбирались колдуньи, такъ и въ Кіевѣ слеталисъ на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ такому суевѣрному мнѣнію вѣроятно дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

(102) Опытъ Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора Ѳ. Морошкина, М. 1836. 8.

(103) Edda Saemundina, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сихъ мѣстахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляютъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствовался; но вѣроятнѣе — съ чѣмъ соглашаются Клуверій и другіе — первые отъ послѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне покланялись на *горахъ* и въ *заповѣдныхъ рощахъ* и *дремучихъ лѣсахъ*, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, старыми деревьями, особливо *дубами* и *липами*, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе *камни* (Götzensteine, Altartische) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Келтическихъ странахъ были мѣстами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ *вода* (Wodha), коего особенно чтили въ Ретрѣ, принимается за одно съ Нѣмецкимъ *Водаиомъ* или *Одиномъ*, такъ какъ *Водяникъ* или *дѣдушка водяной* съ Wassermann,

(104) Mythologie der alten Deutschen u. Slaven, von Thany. 2 Th. Znaim. 1827. 8.

(105) *Cluver.* Germ. ant. I. 1.

(106) Deutsche Rechtsalterthümer, von J. Grimm. Göttingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Rüſchelchen, родъ духовъ женскаго пола, а *домовые* съ Hausmänner, Gütgen, и т. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schutzgötter), даже всякое семейство — своего бога въ источникѣ, деревѣ и оружіи, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо-Сакскими; тоже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: то у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣліе отъ первыхъ, годы считались жатвами; на древнемъ Готическомъ языкѣ year, aar, Исландск. и Дацк. aar (выгов: *оръ*) и ar, годъ, весна, лѣто, жатва, потомъ Jaar, Jahr значило собственно жатву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣтній плодъ *ярина*, *ярица:* отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ Mittelwinter средина зимы и Mittelſommer средина лѣта соотвѣтствовали Іолійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Христіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ мущинъ въ женскія платья, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

ваніемъ пѣхъ и другихъ: шогда совершался въ Европѣ извѣсшный *праздникъ дураковъ* (das Narrenfeſt, feſtival of fools, la fête des foux) до XVI вѣка. Донынѣ даже о Свяшкахъ (Weihnachten) въ Германіи дѣвицы лыошъ олово и свинецъ въ воду, когда желаюшъ узнашь, какого ремесла будешъ у нихъ мужъ; въ полночь спучашся въ куряшникъ, съ особенными прибаушками; ежели въ ешо время запоешъ пѣшухъ: шо онѣ вѣряшъ, чшо скоро будушъ за мужемъ и пр. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ средины зимы у Гошѳовъ, Германцевъ, Дашчанъ и другихъ; опъ сего и различныя названія ешому дню, напр: das groſſe neue Jahr, das Bohnenfeſt, пр. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе опносишся къ обычаю подавашь въ ешошъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ досшанешся, шошъ и называешся *Царь - бобъ* (Bohnenkönig, Roi de la fêve), копорый вѣроящно перешелъ къ намъ подъ именемъ *Царя-гороха* (108). Въ ешошъ день Дашскія поселянки призываюшъ трехъ Царей, (heilige drey Könige), копорымъ и въ Костромской Губ.

(107) Вѣстникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.
(108) Edda Saemundina, t. III. Lex. Myth.

есть славленье; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, отъ Р. Х. до праздника трехъ Царей, всякой вечеръ проводятъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣтлое Воскресенье обливаютъ водою мущины женщинъ, а женщины мущинъ, такъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ *изгнанія зимы* (Bild des Winters) у Германскихъ Славянъ выше упомянуто нами. Дни *С. Георгія* весенняго, Христіанскаго випязя, и Св. *Михаила Архангела* (Jürgens-, или Georgienstag, Michelstag) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или лѣтняго періода (109).

Первое Апрѣля обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ еще называлось: in den April ſchicken, а у Французовъ donner un poisson d'Avril, провести кого; отъ сего и произошла пословица: Es iſt der erſte April, da man einen jeden Narren hinſchikt, wohin man will, т. е. Первое Апрѣля всякаго дурака проводятъ, какъ хотятъ (110). *Первое Мая* (Maietag), по Тев-

(109) D. J. F. Eiſenhart's Grundſätze der deutſch. Rechte in Sprüchwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.

(110) Энциклопедич. Лексиконъ, т. II.

шонски Meye или Meyge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями вокругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maien), которое замѣняется Семицкою березкой въ Россіи: мы выше замѣтили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подъ первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываетъ сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzefeſt) (111); нашъ *Ивановъ день*, или *Купало*, въ существѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannistag, или der Mittelſommer, когда зажигается *Ивановъ огонь* (Johannisfeuer). У Пруссовъ было божество весны и веселья — *Лиго*, близкій съ нашимъ Ладо. Въ честь его зажигался *подъ липою* огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: *Лиго! Лиго!* (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣтною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ употребляются Pfingſt-Maien и Pfingſt- или Maien-Tänze, т. е. Троицкія

(111) Mythologie der alten Teutſchen u. Slawen, von A. Kłany. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volksl ieder, von *L. Rhésa*. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (Maien, betulae). Епотъ обычай, столь близкій съ обрядами Іудейскаго праздника кущей, многіе писатели выводятъ изъ Римскаго Язычества, почитая оный остаткомъ игръ въ честь богини *Маи*, матери проводника душъ, Меркурія, (Majuma). Въ Англіи бываютъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троицкія игры* (Whitsunday and holy day's stories) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соотвѣтствуетъ Нѣмецкому alter Weiber Sommer, т. е. старое женское лѣто, или Marienfäden, нити паутинъ, бывающія въ Сентябрѣ (114). Въ началѣ Ноября, когда горными Шотландцами возжигаются костры въ память усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя;* тогда Нѣмцы пекутъ родъ хлѣба или блиновъ die Seelenwecke, или Zucker-Seele, сахарная душа: епотъ день (2 Ноября) у Датчанъ извѣстенъ подъ именемъ Sialudagr, день всѣхъ душъ, соотвѣтствующій нашей осенней родительской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣтельству Та-

(113) Die Feste der alten Christen, von D. J. C. Augusti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) Die Gründung Prag's, ein histor. romant. Drama, von C. Brentano. Pest. 1815. 8. — Edda Saemundina t. III.

ципа (115), прупы знаменитыхъ мужей сожигались, а надъ прахомъ ихъ насыпаемы были курганы. У Есповъ, прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря, въ IX вѣкѣ погребеніе именитыхъ мужей сопровождалось *тризною*, которая состояла въ пиршествѣ и конскомъ ристаніи, на коемъ побѣдители по жребію получали имѣніе покойнаго (116). Праздники предъ сѣяніемъ полей и по окончаніи жатвы (Erntefeſte), у Нѣмцевъ сходны съ Русскими, у которыхъ *Авсень* одинаковъ съ Awſten, или Ausſäen посѣвъ (117). см. стр. 12. У Нѣмцевъ бездѣльный понедѣльникъ (blauer Montag) Масляницы сопровождался обжорствомъ, пьянствомъ и разными потѣхами; тогда ѣли блины (Kringeln), или оладьи, также качались на качеляхъ.

У Славянъ Русскихъ и у Нѣмецкихъ племенъ былъ *судъ Божій* (Dei judicium, examen, Gottes Gericht), или Ордаліи, кои ведутъ свое начало отъ Язычества, изъ глубокой древности, и кои столько укоренились въ вѣрованіи народа; онѣ долго терпимы были въ самомъ

(115) *Taciti* de mor. Germ. c. 27. Geſchichte der Meinungen älter, u. neuerer Völker, von J. Lindemann. Stendal, 1784. 12.

(116) *Несторъ* Русскія лѣтописи, ч. III. перев. Д. Языкова. СПБ. 1819. 8.

(117) Plattdeutſches Wörterbuch, von J. Dähnert. Stralſ. 1781. 4.

Хрістіанствѣ (118); употребительные у Нѣмцевъ и Славянъ Рускихъ Божіи суды были: *испытаніе огнемъ* (Feuerurtheil, judicium ignis), *водою*, (Wasserurtheil, judicium aquae, или aquaticum Dei judicium) и *судебный поединокъ*, или *поле* (Kampfurtheil, judicium pugnae, duellum, judicium campi) (119). Первое у Рускихъ Славянъ *правда желѣзо, на желѣзо* (120), у Сербовъ mazlja, или испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ употреблялось въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а другое *(на воду)* въ менѣе важныхъ, преимущественно въ судѣ колдуновъ, чародѣевъ и воровъ, коихъ бросали въ воду, подобно какъ и кумиры отверженныхъ боговъ. Единоборствомъ, или полемъ, какъ способомъ славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ, рѣшались тяжбы (121). Нѣмцы и Скандинавы клялись Одиномъ и Торомъ, Славяне Перуномъ, а Литовцы Перкуномъ — божествами грома; онъ держалъ въ рукѣ кусокъ желѣза, разжигаемаго при испытаніи огнемъ обвиняемыхъ. Можетъ быть, и самое слово *право* происходитъ отъ *Прове, Правно*, у

(118) Deutsche Rechtsalterthümer von J. Grimm. Göttingen, 1828. 12.

(119) Опытъ Исторіи Росс. государственныхъ и гражданскихъ законовъ, Профессора А. *Рейца*, изд. Профессора Ѳ. *Морошкина*. М. 1836. 8.

(120) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 248.

(121) Русскіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831 — 34. IV ч.—Eyer's ältestes Recht der Russen. Dorp. 1824. 8.

Нѣмцевъ Probe, Prowe, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ торжественное принятіе клятвы выражалось словомъ taka, сходнымъ съ нашимъ *такъ*; очистительная присяга, или клятва называлась Lâde, на спаромъ Нѣм. Leita: отсюда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл: *Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали.*

Между повѣрьями есть довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, beſchreien, einen böſen Blick haben; у первыхъ есть Springwurzel, такъ какъ у другихъ *разрывъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, которая отпираетъ всѣ замки и открываетъ сокровища. Вѣра въ *волшебницъ* и *колдуней* (Hexen, Wettermacherinnen) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно испребить и самая Реформація. Отъ Миѳологіи древне-Нѣмецкой, столь сходной во многихъ чертахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финнской и Липовской.

---

(122) D. J. F. Eiſenhart's Grundſätze der deutſchen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutſchen u. Slaven, von A. Kany. Znaim. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь суть развалины какихъ-то огромныхъ народовъ, претворившихся въ массу другихъ племенъ—Варяговъ и Славянъ: остатки Финнскихъ поколѣній находятся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особенно сѣверныхъ и восточныхъ, подъ разными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финнскаго происхожденія, хотя при такомъ превращеніи не возможно, чтобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качества въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124).

Сѣверные Славяне, поселясь между Финнскими племенами и по сосѣдству съ оными, и превышая ихъ своею образованностію, болѣе сообщили имъ своихъ понятій и обычаевъ, чѣмъ сами отъ нихъ заимствовали. Послѣдніе долѣе оставались въ Язычествѣ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ миѳологическихъ между Рускимъ и Финнскимъ почти нѣтъ сходства, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ Piru, родит. Pirum (125). У Финновъ также празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажи-

(124) Несторъ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finnische Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. *Sjögren*, S. Petersb. 1821. 8.

гается косперъ хворосту и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ Kokko (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ есть и селеніе *Кокуй*, называется епотъ огонь *кокуемъ*, отъ коего вѣроятно получила свое наименованіе *Кукуевой* Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали травы въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопѣляхъ и гудкахъ; молодицы и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финнское, на Ивановъ день подъ дубомъ закалаютъ бѣлаго пѣтуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. *Колдовство, волшебство, коби* и *кудесы*, или *чудеса* господствовали между Финнскими племенами и Чудинами, даже самые Новгородцы нерѣдко ходили къ Чудскимъ *кудесникамъ*, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

(126) Lexicon linguae Finnicae, auct. G. *Renvall*. Aboae, 1823. 4.

(127) *Карамз.* И. Г. Р. XI, пр. 68. Въ Уставѣ *В.* К. Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева горд.* см. Рус. Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(128) тамъ же, т. VII, 193.

новъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — страною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя *Финнъ* тоже значило, что *колдунъ:* даже и до сихъ поръ въ Финляндіи есть колдуны (Tietyät, Noijat)(129). Какъ у Балтійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Ретрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалѣ: въ Ретрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевтонскими Финнскія божества.

Достойно замѣчанія и изслѣдованія то, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жителей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны, Татарскіе шаманы, Гренландскіе ангекоксы сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Русскихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живетъ пара страшныхъ лѣшихъ — одинъ мужескаго пола Liekköner, являющійся иногда въ видѣ птицы, собаки, человѣка; другой женскаго, Ajattara, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовой, извѣстный подъ именемъ Мага, у Финновъ называется pajnajainen, т. е. гнетущій, давящій — ходитъ въ

(129) Вѣстникъ Европы, 1828, No 13, статья И. Лагуса. Москов. Наблюдатель, 1836, Іюль: Мысли о *способности* Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнату; какъ *постель*, наваливается на спящаго и давитъ грудь его такъ, что онъ не можетъ повернуться. Въ Карелiи, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слывущая у Финновъ Tyrjän wuori, т. е. *гора Тура*, или *Тора*, прославляемаго въ нѣкоторыхъ Финнскихъ и Рускихъ пѣсняхъ и столь извѣстнаго въ Скандинавской Миѳологiи. Какъ на югѣ Россiи вѣдьмы слетаются на Лысую гору подъ Ивановъ день: такъ, по мнѣнiю Финновъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресенье онѣ уносятъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински Bläkulla, или Blocksberget — островокъ, находящiйся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, частiю остатки отъ временъ Католицизма; напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрѣля), который празднуется пѣснями, играми и попойками, въ *Екатерининъ* (25 Ноября), *всѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россiянъ въ день Бориса и Глѣба, такъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Iюля), не занимаются сельскими работами, чтобы не лишиться плода оныхъ. Христiанскiе праздники отправляются у Финновъ съ мно-

гими увеселеніями и играми; на Святой они приготовляютъ пѣсныя лепешки изъ муки (mämmi), объ Рождествѣ Христовѣ въ честь грома пекутъ большой хлѣбъ, выставляемый на канунѣ сего праздника и хранимый до весенняго посѣва, во время коего онъ раздается всѣмъ домашнимъ. Рождество (Joulu) почитается величайшимъ въ году торжествомъ; на третій день онаго (27 Декабря, память Св. Стефана) молодые мущины, ходя со двора на дворъ, спрашиваютъ: *дома ли Стефанъ?* Отвѣтомъ служитъ угощеніе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксіи, особливо въ Карелiи и сѣверной Остроботніи, день всѣхъ Святыхъ (Kekri, или Köugu) есть большой праздникъ жатвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во вторникъ на Масляницѣ во всей Финляндіи ѣдятъ блины и другія жирныя кушанья, катаются на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Святой недѣлѣ, подобно Рускимъ, качаются на качеляхъ. Въ весенніе и лѣтніе праздники бываютъ *хороводы*, кои прежде важывали старухи.

Какъ Литовская Миѳологія и Горпологія представляютъ намъ многія черты, общія съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: то, прежъ-

де чѣмъ приступимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы*. Подъ словомъ Литвы разумѣются два разныхъ племени, именно 1) Литва означаетъ Великое Княжество Литовское въ наибольшемъ его распространеніи. А какъ собственная Литва, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: то подъ Литвою разумѣли Россіянъ, или Русиновъ Великаго Княжества Литовскаго; 2) Литва — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ Виленской Г. подъ именемъ *Жмуди*. У Польскихъ писателей Литва часто употребляется вмѣсто Литовской Руси и вмѣсто *Жмуди* или *Самогиціи*. Въ отечественныхъ лѣтописяхъ Литва называется *поганою*, вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, т. е. языческимъ, обычаямъ.

Литовская Миѳологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

(130) Dzieje starożytne narodu Litewskiego p. T. *Narbutta*, t. I. Mitologia Litewska. Wilno, 1835. 8.

Литовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, которымъ они клялись; самое слово на Литовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремитъ громъ; то и донынѣ Литовцы говорятъ: *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ.* У Литовскаго города Ромове стоялъ огромный вѣчнозеленый дубъ, посвященный Перкуну, предъ коимъ теплился неугасаемый огонь. Вмѣстѣ съ городомъ истребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, т. е. богъ см. выше Литовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemienikas, по мнѣнію Бандке (131), соотвѣтствовалъ Славянскому *Горовиду*, а можетъ быть, и *горкѣ*, преобразившейся въ уменьшительное отъ имени *Георгія:* Гурко былъ богомъ земнымъ урожая хлѣба. Богинею, матерью святаго огня, была у Литовцевъ Praurime, сходная съ Римскою Вестою. Ладо, какъ выше замѣтили мы на стр. 18, извѣстна была у Литовцевъ, у которыхъ, съ 25 Мая по 25 Іюня, дни посвящались сему божеству, коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣтуховъ, въ честь его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами, какіе и въ Рускихъ

(131) Исторія Польскаго народа. С. П. 1830. 2. ч. 8.

есть пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, т. е. Ладо! великая наша богиня. Простолюдины величали ее *золотою Ладою*, которая, повидимому, тоже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась Perkunatele, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сіе прозваніе Пресвятой Богородицѣ: Ponna Marya Perkunatele, или Perkunija. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицѣ Маріѣ *громницъ* (Gromniczey Nayswietssey panny Maryi); во время богослуженія народъ стоитъ въ церкви со свѣчами, кои называетъ gromnicy. (132) Руская Литва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню Dola и Pilwis, сходную съ Римскою Fortuna и Славянскими *Дажба*, *Дажьбогъ*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соотвѣтствуетъ Литовской Zemmes mahti, подземной богинѣ, пребывавшей въ срединѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Литовцевъ Dukna, у Жмуди Gudelka, а на Украйнѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ Lub-

(132) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

leniczu и Lubicz, происходящій отъ Рускаго гл. *любить*, есть Литовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ*, у Литовцевъ были Siemi dewas, Koboli, *постель* — Ajtwaros, *злыдни* — Zlydni, кои завсегда дѣлаютъ накости и разореніе; гдѣ они водворятся, тамъ спорынью съѣдаютъ (oni spor zjadają) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Литовцы благоговѣли къ *камнямъ*, кои назывались Gamaheu, Gamaheus lapis, *горамъ* (katnar), къ священному огню, *Зничю* (134), сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ*, *святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почитаемыхъ священными: бузинѣ, дубу, липѣ, соснѣ, вербѣ, вязу, подъ коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волынской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., что оно было „лестиво; жря бо богомъ своимъ втайнѣ: „пръвому Нонадѣеви, Телявели и Деверикзу, „*заечему богу*, и Медѣину; егда же выѣхаше „на поле и выбѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(133) Dzieje starożytne narodu Litewskiego. t. I.

(134) *Naruszewicz* Hist. nar. Pol. t. 1. str. 451.

(135) de la poësie Lithaunienne. v. *Catholique*, à Paris, 1826, t. I. No 3.

„сороценія (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломити; и мертвыхъ пѣ„леса жьжигаше (136)." Примѣта сія о перебѣжаніи зайцемъ дороги, существовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Липовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Липвѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оставались въ народѣ старыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ разстаться, какъ бы съ наслѣдственной святыней и часто углублялся въ дремучіе лѣса совершать оныя.

Липовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12 ти въ каждой половинѣ; долгота оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣстна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли Septinin diem, семидневіе, начиная счетъ съ пятницы, которая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почиталась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по теченію свѣтилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (Ménuo) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз.* И. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — Абевега Рускихъ суевѣрій идолопоклонническихъ, соч. М. Ч. М. 1786. 8.

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятью періодами (кругами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Миѳологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Маршомъ (Кавасъ), который посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Латыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по счисленію отъ одного новолунія до другаго, и потому ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Литовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Рускими (137).

1. *Новомѣсячія.* Каждая первая пятница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) въ году торжественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Литовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому шпилю 22го), который донынѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, p. 7. *Narbutta.* t. I. Wilno. 1835. 8.

Липвѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ лег-кой одеждѣ выбѣгаютъ за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поютъ, что идутъ вспрѣчать весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу селà, возвращаются обратно скачутъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгаютъ по всему селенію; потомъ въ одномъ домѣ находятъ готовую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселится. Спрыйковскій, очевидный свидѣтель осташковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ ето время приносили жертвы богамъ первостепеннымъ, особливо Пергрубѣ. Нѣсколько селъ, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собиралися въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайтъ (жрецъ) за кружкою пива, споявшаго на сполѣ, читалъ молитву, начинающуюся словами: „о госпоже наша бо„гиня Пергруба, ты прогоняешь непріятную „зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь „рощи и лѣса! молимъ тебя, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посѣянный, дабы онъ росъ колосисто, а весь куколь вышопчи.“ и т. д. Послѣ молитвы, приносили жертвы одну

(138) см. въ Вѣстникѣ Европѣ, 1829, стр. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Перггрубѣ, потомъ Перкуну, чтобы „онъ отвратилъ отъ земли Литов„ской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякія вредныя воздушныя перемѣны", и наконецъ, ублажаютъ Свайспикса, бога свѣта, чтобы „онъ яснымъ и милостивымъ лицемъ озарялъ нивы, луга, огороды," и богиню Пильвиту, чтобы помогла наполнить житницы плодами.

3. Литовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Святками, но неимѣющее никакой связи съ Христіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, миѳическое, хотя и впадаетъ въ оный. Его праздникъ пастуховъ, которые воспоминаютъ своего божка Гонигля, Литовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139). И теперь еще сохранились остатки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ его день пастушки съ пастухами, нарядясь въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, утромъ ходятъ по всему селу, отъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ даряютъ и подчуютъ; въ полдень на пастбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлаютъ

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von *L. Rhesa*. Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный старикъ изъ пастуховъ, или за неимѣніемъ его, старуха распоряжаетъ оною. Между тѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Такъ пастухи коровъ поютъ: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси „моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ пастуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; тебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не до„пуститъ тебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волость собравшись въ одну пространную сподолу (ригу), приводили туда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали тѣсто изъ пшеничной муки. Когда все было готово; тогда жрецъ (вейдалôша) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднявъ козла къ верху, какъ очистительную жертву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закалали его и кровью его окропляли народъ. Между тѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили въ поле для жертвоприношенія подземнымъ богамъ, которое состояло въ зары-

ваніи въ землю костей и всѣхъ останковъ отъ сей трапезы. — По наблюденіямъ открывается, что торжество сіе съ обрядами и жертвоприношеніями, болѣе или менѣе сходными, было общимъ не токмо по всей Литвѣ, но и въ Литовской Руси (140). Въ южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срезневскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню, которая изображаетъ жертвенный обрядъ, похожій на Литовскій;

За рѣкою, за быстрою, ой калю́дка!
Лѣса́ стоятъ дремучіе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ —
Огни горятъ великіе —
Вокругъ огней ска́мьи стоятъ —
Скамьи стоятъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни калю́душки. —
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ; —
Онъ точитъ свой булатный ножъ. —
Возлѣ его козелъ стои́тъ. —

4. Наканунѣ С. Іоанна Предтечи, 23го Іюня (или Ивана Купала) въ Литвѣ от-

(140) Dzieje staroż. narodu Litew. t. I.
141) Украинскій Вѣстникъ, Апрѣль, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по спаропруски *Кекирисъ*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздника пастуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ сію пору и теперь Литовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ сего, можетъ статься, лѣтописцы и заключили, что праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяцъ; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Іюня: сія ночь собственно называлась *Роса*, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; ибо почитаніе богини Ладо было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Соботки* отъ гл. *собить*, *собина*, *приспособить*, какъ бы день, приготовляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ теплѣйшихъ странахъ праздникъ сей почти сходится съ сѣнокосомъ (142). Литовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь. Поздно вечеромъ всегда сбираются они на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: тамъ на оболоньи (полянѣ) ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony różnych stanów. p. *L. Gołębiowskiego*. w. Warschawie, 1831. 8.

продолжаются во всю ону ночь. Донынѣ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сходится въ лѣсъ за городъ пить, ѣсть и веселиться; ето называется у нихъ: *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтетъ *для* счастливцевъ папоротъ (paproć), которой извѣстенъ во всей Бѣлостокской области, на Волынѣ. Сходбище на одномъ мѣстѣ народа называется *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ етотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ перескакиванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почитался святымъ; тогда собирались правы *для* врачеванія скота, также *для* чарованія или колдовства: что дѣлалось и на Руси. Миѳологи замѣчаютъ, что сей праздникъ, у Славянъ слывущій *Купалою*, соединяемъ былъ съ молитвами рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно, и Литовцы, которые святили свои воды текучія и стоячія, въ етотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, названъ онъ *праздникомъ росы* въ слѣдствіе мнѣнія Древнихъ, что рѣки суть дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, отъ коихъ бываетъ и роса. Замѣчательно, что оный тѣмъ отличенъ

„сороценія (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломити; и мертвыхъ пѣ„леса жьжигаше (136).“ Примѣта сія о перебѣжаніи зайцемъ дороги, существовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Липовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Липвѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оставались въ народѣ старыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ разстаться, какъ бы съ наслѣдственной святыней и часто углублялся въ дремучіе лѣса совершать оныя.

Липовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12 ти въ каждой половинѣ; долгота оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣстна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли Septinin diem, семидневіе, начиная счетъ съ пятницы, которая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почиталась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по теченію свѣтилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (Ménuo) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз.* И. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — *Абевега Рускихъ* суевѣрій идолопоклонническихъ, соч. *М. Ч. М. 1786.* 8.

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятью періодами (кругами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Миѳологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Маршомъ (Кавась), который посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Латыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по счисленію отъ одного новолунія до другаго, и потому ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Литовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Рускими (137).

1. *Новомѣсячія.* Каждая первая пятница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) въ году торжественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Литовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому шпилю 22го), который донынѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieie starożytne narodu Litewskiego, p. T. Narbutta. t. I. Wilno. 1835. 8.

Литвѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ лег-кой одеждѣ выбѣгаютъ за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поютъ, что идутъ встрѣчать весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращаются обратно скачутъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгаютъ по всему селенію; потомъ въ одномъ домѣ находятъ готовую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселится. Стрыйковскій, очевидный свидѣтель остатковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ его время приносили жертвы богамъ первостепеннымъ, особливо Перегрубѣ. Нѣсколько селъ, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собирались въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайтъ (жрецъ) за кружкою пива, стоявшаго на столѣ, читалъ молитву, начинающуюся словами: „о госпоже наша богиня Перегруба, ты прогоняешь непріятную „зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь „рощи и лѣса! молимъ тебя, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посѣянный, дабы онъ росъ колосисто, а весь куколь выпопчи.“ и т. д. Послѣ молитвы, приносили жертвы одну

(138) см. въ Вѣстникѣ Европѣ, 1829, ст. Праздники, *забавы и суевѣрія* въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Перкрубѣ, потомъ Перкуну, чтобы „онъ отвратилъ отъ земли Литов„ской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякія вредныя воздушныя перемѣны", и наконецъ, ублажаютъ Свайстикса, бога свѣта, чтобы „онъ яснымъ и милостивымъ лицемъ озарялъ нивы, луга, огороды," и богиню Пильвиту, чтобы помогла наполнить жилницы плодами.

3. Литовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Святками, но неимѣющее никакой связи съ Христіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, миѳическое, хотя и впадаетъ въ оный. Его праздникъ пастуховъ, которые воспоминаютъ своего божка Гонигля, Литовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139). И теперь еще сохранились остатки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ его день пастушки съ пастухами, нарядясь въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, утромъ ходятъ по всему селу, отъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ даряютъ и подчуютъ; въ полдень на пастбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлаютъ-

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von *L. Rhesa*. Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный старикъ изъ пастуховъ, или за неимѣніемъ его, старуха распоряжаетъ оною. Между тѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Такъ пастухи коровъ поютъ: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси „моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ пастуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; тебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не до„пуститъ тебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волость собравшись въ одну пространную сподолу (ригу), приводили туда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали тѣсто изъ пшеничной муки. Когда все было готово; тогда жрецъ (вейдалôта) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднявъ козла къ верху, какъ очистительную жертву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закалали его и кровью его окропляли народъ. Между тѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили въ поле для жертвоприношенія подземнымъ богамъ, которое состояло въ зары-

ваніи въ землю костей и всѣхъ останковъ отъ сей трапезы. — По наблюденіямъ открывается, что торжество сіе съ обрядами и жертвоприношеніями, болѣе или менѣе сходными, было общимъ не токмо по всей Литвѣ, но и въ Литовской Руси (140). Въ южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срезневскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню, которая изображаетъ жертвенный обрядъ, похожій на Литовскій;

За рѣкою, за быстрою, ой калю̂дка!
Лѣса̀ стоятъ дремучіе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ —
Огни горятъ великіе —
Вокругъ огней ска́мьи стоятъ —
Скамьи стоятъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни калю̂душки. —
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ; —
Онъ точитъ свой булатный ножъ. —
Возлѣ его козелъ стои́тъ. —

4. Наканунѣ С. Іоанна Предтечи, 23го Іюня (или Ивана Купала) въ Литвѣ от-

(140) Dzieje staroż. narodu Litew. t. I.
141) Украинскій Вѣстникъ, Апрѣль, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по спаропруски *Кекирисъ*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздника пастуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ ету пору и теперь Литовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ етого, можетъ статься, лѣтописцы и заключили, что праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяцъ; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Іюня: ета ночь собственно называлась *Роса*, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; ибо почитаніе богини Ладо было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Соботки* отъ гл. *собить*, *собина*, *приспособить*, какъ бы день, приготовляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ теплѣйшихъ странахъ праздникъ етотъ почти сходится съ сѣнокосомъ (142). Литовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь. Поздно вечеромъ всегда сбираются они на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: тамъ на оболоньи (полянѣ) ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony różnych stanów. p. *L. Gołębiowskiego.* w. Warschawie, 1831. 8.

продолжаются во всю ету ночь. Донынѣ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сходится въ лѣсъ за городъ пить, ѣсть и веселиться; ето называется у нихъ: *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтетъ для счастливцевъ папоротъ (paproć), которой извѣстенъ во всей Бѣлостокской области, на Волынѣ. Сходбище на одномъ мѣстѣ народа называется *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ етотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ перескакиванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почитался святымъ; тогда собирались правы для врачеванія скота, также для чарованія или колдовства: что̀ дѣлалось и на Руси. Миѳологи замѣчаютъ, что сей праздникъ, у Славянъ слывущій *Купалою*, соединяемъ былъ съ молитвами рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно, и Литовцы, которые святили свои воды текучія и стоячія, въ етотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, названъ онъ *праздникомъ росы* въ слѣдствіе мнѣнія Древнихъ, что рѣки суть дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, отъ коихъ бываетъ и роса. Замѣчательно, что оный тѣмъ отличенъ

отъ другихъ, что не оканчивался поминовеніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце вступаетъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Липовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (Papiumene). По описанію Ласицкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, этотъ снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся въ домѣ. Прусскіе лѣтописцы основываютъ весь этотъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего села, гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Литвѣ при этомъ случаѣ остались только слѣдующіе обряды: 1) жница, при самомъ началѣ жатвы, какъ скоро захватитъ и отрѣжетъ серпомъ первую горсть ржи, отъ кладываетъ ее въ сторону; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями, поющія жницы смѣняютъ одна другихъ. По окончаніи дневной работы, первая жница, украшенная цвѣтами, несетъ червенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ, гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами. Все время жатвы въ Литвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ празд-

нешвомъ. У древнихъ ещопъ праздникъ назывался Praorsiae, а у просполюдиновъ Praeacturiae, и отправляемъ былъ съ нѣкопорыми духовными обрядами. — *Толока* (Tłoka) извѣстна вездѣ въ Липвѣ, гдѣ такъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевую работу приглашаются охотники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Липвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называется Dapiumeno, коего слѣды есипъ въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжатаго хлѣба жнецы сплетаютъ вѣнокъ, украшенный цвѣтами и травами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣнчапельницу, и по окончаніи работы, идутъ на барскій дворъ. Избранная предшествуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ: шествіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ встрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и спаканомъ пива на блюдѣ, и въ горницѣ принимаетъ отъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ старыя времена, кромѣ такого частнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее торжество для всего селенія и жертвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семенъ день, Семенна недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; въ Литвѣ* отправлялся *великій праздникъ*, который называетъ Стрыйковскій *главнѣйшимъ*, въ честь *Земенника*. Въ сіе время приносили на жертву множество домашнихъ животныхъ самцовъ и самокъ, вѣроятно, въ честь отечественныхъ боговъ и богинь. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ и по преданію народному, на сіотъ праздникъ собирался народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по достатку свою часть въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался столъ столешниками или скатертями; на четырехъ углахъ онаго ставили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили туда связанныхъ попарно тельца и телицу, барана и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣтуха и курицу, гуся и гусыню и т. д. Жрецъ, прочитавши молитву надъ сими животными, начиналъ бить ихъ палкою, а присутствовавшіе добивали съ такими словами: „Сіе тебѣ, „о Земленикъ, боже нашъ, жертвуемъ и кла„няемся, что въ минувшее лѣто ты насъ „сохранилъ въ здравіи, обиліи всякаго добра „и въ достаткѣ, соблюдалъ отъ огня, меча,

„моровой язвы и отъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побивъ звѣрей и птицъ безъ пролитія крови, варятъ, жарятъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Пруссовъ оканчивался при храмѣ Швентѣ (святынѣ, нынѣ *святая сѣкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и приготовленіемъ новаго.

8. Торжественныя поминки, или Родительская въ Литвѣ извѣстна подъ именемъ *Хавтурей* (Chauturas) отъ Chau, *ховъ*, смерть: отсюда chowai хоронить, погребать: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдины*, *Осенины*, (*Ова*?) отправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*; въ память усопшихъ родителей, родственниковъ, друзей и благодѣтелей. У Латышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался Deewa deenos, т. е. *Божій день*, или Welli, т. е. праздникъ богини вѣчности Веллоны; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій отпотъ обычай, общій съ Литовскою Русью, въ западной Руси слышенъ Dziady дѣды, нищіе, которымъ въ

ето время раздается щедрая милостыня, или по объясненію Мухлинскаго, ето торжество совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козла*, гдѣ первенствовалъ *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (Sikies wellonia pamixlos): ето были родъ Рускихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на коихъ изображался знакъ *пемикеліосъ*, т. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креста, или ключь миѳическій (☥). Такіе блины употребляются еще при поминкахъ у Тапаръ Липовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значатъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ circumpotatio, круговая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыпа*, или *страва*; на Польскомъ и донынѣ stypa значитъ похороны, а strawa харчь, кормъ. Радуница, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ Рязанской Г. называется *наскòй* и *навій день*: что̀ сходно съ Липовскимъ словомъ navie мертвецъ (144); ибо въ ето̀тъ день сбираются на могилки на кладбище поминать родителей.

(143) Huslarz Польск., а Богемское Hozlar знач. чародѣй, кудесникъ: ето сходно съ происхожденіемъ Греческой *трагедіи*.

(144) Ср. *Карам.* И. Г. Р. т. II, прим. 189.

Мѣстомъ заупокойнаго пира у Литовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Литовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Русскими простонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? „развѣ у тебя не было пищи и питья? „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?“ и пр. У нихъ также въ трепины, девятины, сорочины дѣлались поминки пиршествами (145). Достойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлать пиршества въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка Іереміи (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (Ilgi), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству лѣтописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній Перкуну, бесѣдъ, игръ (гуслярствъ). Литовскій лѣтописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили *долгій праздникъ* по такому именно случаю: когда Крыжаки (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогиціей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Литов. Мивологіи.

державъ природныхъ жителей въ неволѣ и угнѣтеніи, вывели ихъ изъ терпѣнія грабежами и насиліемъ: тогда Самогитяне, сговорившись тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырѣзали всѣхъ своихъ утѣснителей и потомъ, пируя двѣ недѣли сряду, приносили благодарственныя жертвы богамъ, и въ воспоминаніе сего событія учредили *долгій праздникъ*.

10. На третій день послѣ предъидущаго отправлялся праздникъ *Вайжганта*; для онаго избиралась въ селеніи прекрасная, дородная и ловкая дѣвица, которая съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ и съ передникомъ, наполненнымъ блинами и аладьями (sikies), вводилась въ сподолу, или обширное зданіе, гдѣ приготовлялось пиршество, соединенное съ особливыми обрядами. Стоя на одной ногѣ на скамьѣ, а другую нѣсколько приподнявъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ дверямъ, она держала въ лѣвой рукѣ длинную ленту, а въ правой стаканъ пива, и произносила слѣдующія слова: „Божокъ Вайжгантосъ, уроди „намъ ленъ такой долгій, какъ я; не допу„сти, чтобы мы нагіе ходили!“ Троекратно повторивъ сіе, она сперва выпивала разомъ пиво, потомъ лила его на лѣвую сторону *скамьи своей*, а наконецъ бросала стаканъ на

правую сторону. Наконецъ бросала изъ фартука всѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присутствовавшими при семъ обрядѣ, упавшіе налѣво обращались въ собственность земли и боговъ подземныхъ, а потому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла устоять во все продолженіе обряда на одной ногѣ, теряла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожаѣ льна. За тѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, припѣвая: „Возьмемъ верешены, сдѣлаемъ ку„дели, устлавимъ красны! Ванджанпосъ бу„дешъ милостивъ до насъ; ибо *банюта*, пре„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „простояла на одной ножкѣ!“

11. Въ Февралѣ м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ опредѣленное на сіе время, черезъ восемь дней, народъ въ Липнѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянству въ честь сѣвернаго Бахуса, коего болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ пестрыми быками, изъ деревни въ деревню, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался масками и толпою на-

рода. У древнихъ Литвиновъ ещопъ] праздникъ названъ: Kurzeemi, или Kurzumi.

12. *Коледою* (Okkaat-gimimas) у нихъ оканчивался старой годъ, который, по новому Римскому календарю, приходился почти въ половинѣ Марша, т. е. на исходѣ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и отправлялся въ честь бога Оккапирмоса, съ ворожбою и загадываніемъ, примиреніемъ со врагами и приготовленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году: для сего соединены были съ ещимъ празднествомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Литовцевъ на-канунѣ Коледы бывалъ *вечеръ колодокъ*, который они таскали изъ селенія въ селеніе, перескакивали черезъ оный и потомъ сжигали его съ разными странными обрядами и пѣснями. Литыши до сихъ поръ помнятъ *Блокковой*, или *вечеръ колодокъ*, который бывалъ о Рождественскихъ Святкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донынѣ женатые привязываютъ къ ногамъ холостыхъ колодку, отъ коей послѣдніе откупаются угощеніемъ и деньгами. Ещо на Масляницѣ называется: *волочить* ко-

лодку. По наблюденіямъ Нарбутта, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, убранный ленпамѝ, который вырывали женщины и куда прятали съ пѣснями и криками. Повидимому, ето долженъ быть символъ возрожденія Оккапирмоса, Литовскаго Сатурна. На-канунѣ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго пиршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кромѣ бобовъ), приправленныя медомъ: ето вариво и теперь въ Литвѣ называется *кутьею* (kucya). Въ Украйнѣ въ ето же время приготовляется подобная купья, или купя, и ставится на покути, т. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, вареныя въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Литовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ литьемъ воска и олова, такъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О чертяхъ, упыряхъ, вулколакахъ и оборотняхъ въ Литвѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

(146) Lud Polski jego zwyczaje, p. Ł. *Gołębiowskiego*. Warszawa. 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Липов цевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *куниго-ванія*, который состоитъ въ томъ, что невѣста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголъ каждой комнаты. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ею окрашенныхъ, изъ платенецъ, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослаго парня, называемаго ея братомъ. Въ этомъ обрядѣ видѣнъ родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: Cunagium, Panienskie, или Kuníca, дѣвичье, а на Руси: *куничное, свадебная, вѣнечная куница* (147). Въ Костромской губ. доселѣ поютъ въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу по куницу, куницу;
А попадьѣ по лисицу, лисицу;
А попову по сынку
Бумажечку синю.

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. 1. стр. 411. „А мировая куница и свадебное имати по шести грошей, а со вдовы имати по помужъ, которая пойдетъ за мужъ.“

Славяне въ танцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь торжественное и религіозное. Когда собиралось *стадо Господне*: тогда съ дѣвичей горы сходили будущія невѣсты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, старики и дѣти, хлопая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди танцевъ и пѣсенъ шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе танцовъ или тонкóвъ именуется *кѣроводомъ* (см. стр. 68): такъ Русь и Литва танцы свои прозываютъ *короходомъ* (korohod), говоритъ Гвагнинъ, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо*. — Собошки представляютъ тоже древніе танцы, а слѣды стада Господняго (stado boże) едва уже нашелъ Ходаковскій.

Литва почитается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно-Рускаго Язычества; нынѣшняя Самогиція носила имя *Святой земли*. При сличеніи же Миѳологіи и Еортологіи Литовцевъ съ Славянскими, открывается, что онѣ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онѣ мало имѣли связи съ Польскими миѳами и праздниками, исклю-

(148) Длугошъ говоритъ, что въ Духовъ и Троицынъ день еще на его памяти народъ именно въ Литвѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славянорускіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Липовскіе съ ними почти тождественны, напр: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Меховскаго и Бѣльскаго; но свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими мнѣами, что трудно отдѣлить одни отъ другихъ; ибо, сіи историки нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

---

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрища. — Dzieje star. narodu Litewskiego. p. *T. Narbutta*. t. I. Wilno. 1835. 8.

(149) Исторія Государства Польскаго, соч. *Г. С. Бандтке*. т. I. СПБ. 1830. 8. Библіотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, *Свитригайло*.

(150) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. *Бандтке*, перев. съ Польск. т. I. Спбб. 1830. 8.

ели о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдователями божества встрѣчаются сходныя съ божествами народовъ, соплеменныхъ Полякамъ, на пр: *Перунъ* (piorun громъ), *Бѣлый и Черный богъ*, *Даждьбогъ*, или *Дашуба*, *Чуръ*, богъ предѣловъ, *Коляда*, *Купало*, *Ладо*, или *Лада*, *Хорсъ*, или *Корша*, одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошь*, или *Мокошь*, *Волосъ*, *Прове*, или *Прово*, *Стриба*, или *Стрибогъ*, *Посвистъ*, или *Похвистъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминаются *Кикиморы*, *Дубыни*, *Горыни*, *Полканы*, *Волоты*, *Кащеи*. *Русалки* въ Польшѣ называются по Нѣмену и Свипезю, то *Нѣмнянками*, то *Свитезянками*, см. стр. 12. Мѣховита замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣваютъ *Лада, Лада:* такъ Мазуры восклицаютъ *Дана Дана, Дада Дада*. Гванинъ говоритъ, что Поляки развеселясь, восклицали: Lelum polelum, сходное съ Рускимъ: *Ай люли люли!* Отъ этого и поговорка: Lelum polelum, swistum poświstum. Леля и Позвиспа Войцицкій почитаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошъ утверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и требища; вѣроятно что онѣ, такъ какъ велось у Славянъ, чти-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались торжественные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились мущины и женщины съ дѣтьми для принесенія жертвъ и исполненія обѣтовъ. Въ честь божествъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминаютъ и домашніе наши писатели. „Остатки сихъ игрищъ и обычаевъ „у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — „существуютъ донынѣ и по истеченіи пяти вѣковъ ихъ Христіанства; такъ на прим: ежегодно въ дни Пятидесятницы повторяется игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, которое называется у нихъ *Стадомъ* (Stado); ибо народъ раздѣлясь на толпы, празднуетъ попойками, крикомъ и неистовыми плясками.“ *Стадо* его сходно съ нашею *Тюлпою* или *толпою* (turba?), какая бываетъ на Семицкой, или Троицкой недѣлѣ (151).

Праздникъ смерти зимы и возобновленія весны (Umorzona zima) сопровождается въ

(151) *Ioannis Dlugossii* Historiae Polonicae libri XII. *ed. Gabrielis Grodeckii.* Lipsiae. 1711. f.

Великой Польшѣ и Силезіи шѣмъ, что по-пяпъ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ видѣ женщины. Етотъ обрядъ совершается въ Мартѣ мѣсяцѣ, о коемъ и пословица гласитъ, что Miesiąc Marzec zwykł starych straszyć *marami*, т. е. мѣсяцъ Мартъ привыкъ *морочить* (стращать марами, мечтами) старыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно Márcowe piwo, *Мартовское пиво*, которое варится къ етому празднеству. Нарушевичъ говоритъ, что Маржана, или Марана у Поляковъ, Силезцовъ, Лузатиновъ, Сорабовъ, и даже Семиградцевъ, имѣла божескія почести, какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана* значитъ смерть (152). Маршынъ Бѣльскій въ Хроникѣ своей говоритъ слѣдующее о происхожденіи сего торжественнаго обычая: „Мѣш„ко слѣпорожденный, послѣ отца своего из„бранъ на царство. У него было семь любов„ницъ, отъ коихъ не имѣлъ дѣтей: что и „печалило его; и потому уговаривали его нѣ„которые хрістіане, чтобы онъ крестил„ся, если хочетъ имѣть потомковъ. Онъ „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаются: *Мара* свитова, т. е. *Ека ты сатана!* разумѣя душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убилъ брата Вацлава, име-
„немъ Домбровку. Король Чешскій на ето
„согласился съ тѣмъ, если примешъ св.
„крещеніе. Мѣшко принялъ ето условіе и
„крестился въ лѣто отъ Р. Х. 965 въ
„Гнѣзнѣ: тамъ назвали его *Мечиславомъ* отъ
„*славы* доброй, а прежде именовался *Мъшко*
„отъ *замъшательства* въ Государствѣ и отъ
„того, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ
„богатымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта,
„ввергши въ огонь деревянныхъ болвановъ и
„побросавъ въ воду каменныхъ. Отъ того и
„нынѣ еще тотъ обычай въ Великой Польшѣ
„и Силезіи, что седьмаго Марта топятъ
„Маржану, нарядивъ ее женщиною, и вышед-
„ши изъ деревни, припѣваютъ: „*Смерть вьется*
„*по заборамъ, щща хлопотъ.*“ Ибо не задолго
„предъ тѣмъ они почитали планеты, *Погоду*,
„*Погвизда*, *Гелу*, *Ладу*, *Дзѣвану*, т. е. Діану,
„Маржану и многихъ другихъ.“ Въ продолже-
ніи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сы-
номъ Іоакимомъ въ 1597 г., подтверждается
ето слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки,
„принявъ Христіанство, перебили изображенія
„болвановъ, въ коихъ почитали чертей за бо-
„говъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ
„сожгли: также уничтожили всѣ языческія
„*мольбища*, назначивъ для сего извѣстный день,

„т. е. седьмое Марта. Таковые болваны ви„дѣлъ Меховита позолоченные въ церкви С. „Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись „на землѣ. Во время тогоже Мѣшка, въ Кра„ковѣ надъ Вислою, гдѣ нынѣ женскій мона„стырь Св. Агнѣшки, было Греческое капи„ще, изъ коего также Мѣшко повелѣлъ вы„бросить черповскіе болваны и на мѣсто „оныхъ поставить изваянія страстей Христо„выхъ. На моей еще памяти, велся у насъ „по деревнямъ тотъ обычай, что въ бѣлую „недѣлю послѣ поста топили болвановъ, сдѣ„лавъ изъ снопа или конопли подобіе чело„вѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали „до озера или лужи, куда бросали его, снявъ „одежду съ жалобными припѣвами.“ Этотъ обычай, существующій въ Славянскихъ земляхъ, совершается и въ Сарашовской Г., гдѣ при *провожаніи весны* дѣлаютъ также соломенное чучело, наряженное въ кумачный сарафанъ и убранное цвѣтами, съ чуплюкомъ (кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; наканунѣ Петрова дни носятъ оное по всему селенію, потомъ раздѣвъ, бросаютъ въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Maj, majówki), такъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

веселости и гулянью. Голембовскій говоритъ, будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, которую прославляли въ пѣсняхъ и пляскахъ. Она сходствуетъ съ Финскимъ Ма земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исланд., былъ сынъ земли (Maja) (153), обновляющейся въ Маѣ мѣсяцѣ, который находится въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Липнѣ, 1 го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскутками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая:

Kolo toho da zielonoho kusta
Posijano soczyweczku z husta,
Kto tuju soczyweczku porwe,
To tuju dzieweczku za muż wozme.

Какъ въ Липнѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинакими обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (Kupalna noc), въ послѣдней подъ названіемъ Sobótki (154), а у Волоховъ и Ица-

(153) *Maia* также мать Меркурія.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Врацлава Sobotka Собошка, описываемая Кохановскимъ; оправлялась въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора Zobten есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Собошка.

ліанцевъ подъ именемъ Sabatina: зажигаемые на горахъ сего имени огни въ етотъ день могли имъ сообщить сіе названіе. „Какъ у насъ на „канунѣ Иванова дня женщины зажигали огни, „также плясали вокругъ ихъ, пѣли, воздавая „поклоненіе діаволу (говоритъ Мартинъ, „писатель XVI вѣка): такъ и донынѣ въ „Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося „жертвы изъ чернобыльника (bielicy, artemisia), „который вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, отправляютъ Собопки, зажигая „огни, кои добываются треніемъ дерева объ „дерево“ (155). Въ день Святаго Ивана у Поляковъ сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгать, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Собопки праздновались на Кремонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*; въ цѣломъ краю зажигали Собопку, на площадяхъ и близъ лѣсовъ: вездѣ можно было видѣть по домамъ цвѣты и травы, говоритъ въ своемъ путешествіи по Польшѣ *Огіеръ* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался Krèsz.

(155) Marcin Urzędow herbarz czyli zielnik. 1595. f.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собопскихъ такъ изображаетъ етотъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваетъ „рака, а соловей болѣе не поетъ: Субопка, „какъ было встарь, запалена въ Черномъ „лѣсѣ. Такъ намъ передали машери, сами „также занявъ опъ другихъ, чтобъ на день „С. Іоанна завсегда горѣла Субопка.“ Ета Субопка зажигалась или на лугу, или при лѣсѣ.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣстно у Поляковъ, которые подъ симъ именемъ разумѣютъ ясную, продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняетъ ето lato swięto-Marcińskie: можетъ статься, потому, что осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуетъ етотъ день; въ Вильнѣ во всякомъ домѣ жарятъ для служителей гуся, который называется *Мартынскимъ*. Канунъ новаго года (Wilia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюденіемъ примѣтъ: что и донынѣ продолжается (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, такъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

(156) Вѣстникъ Европы 1826, No 3 и 4.

тайно гадаютъ о будущей судьбѣ своей лиѣемъ воска и олова въ воду и капышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ Kolęda, ko Lado, коего обряды съ нѣкоторыми перемѣнами донынѣ повторяются. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и игрывали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, отъ Рождества Христова по Богоявленіе съ дѣвицами съ цѣлой деревни сбираются въ одну какую нибудь избу забавляться разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣтуха. Какъ *Юрьевъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бываютъ въ Литвѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сдѣлокъ; съ нихъ начинаются и оканчиваются ими хозяйственныя условія.

Въ праздникъ *трехъ Царей* (trzech królów), о коемъ мы выше упоминали, въ Литвѣ и даже въ нѣкоторой части Польши наряжаются въ маски и ѣздятъ одинъ къ другому въ гости. Масляница, у Поляковъ Zapusty, бывала временемъ забавъ и веселостей, кои состояли въ маскированіи и наряжаніи въ разные образы, пляскахъ, пѣніи, въ катаньѣ и пиршествахъ. Въ Россіенскомъ повѣтѣ Виленской г. привязываютъ чучело, похожее на человѣка, къ колесу, съ коимъ оно вертится. Что бываетъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобытныхъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Хрістово, Новый годъ, на Свѣтлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, такъ особенно отъ масличнаго четвертка до пепельной середы первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пированья, кои оканчивались въ четвертокъ *полосканьемъ* рта, какъ у Рускихъ простолюдиновъ чистымъ понедѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ отправляемы были ристалища съ пиршествами, кои извѣстны и въ Россіи подъ именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ—*Стравы:* strawa значитъ на Польскомъ кушанье, приготовленное на огнѣ; отсюда trawić ogniem, сожигать огнемъ. Длугошъ свидѣтельствуетъ, что подобныя ристалища и пиры языческіе при похоронахъ отмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами;* оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) Gry i zabawy rożnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. *Gołębiowskiego*. Warschawa, 1831. 8.

Добрѣтской, въ Куявахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣстны подъ именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подъ именемъ *жальниковъ*.

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, имянинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго, общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на ѣихъ предметахъ, о коихъ подробно пишетъ Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдемъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, вѣроятно, языческомъ свидѣтельствуетъ поговорка у Поляковъ Jak kamén w wodę, сходная съ Русскою: *Какъ камень въ воду* — которая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Ѣпотъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Католичества въ Польшѣ водворились и распространились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежные съ Римскимъ Язычествомъ, кои допустила къ себѣ Римско-Католическая цер-

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 стр. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословицъ Польскихъ.“

ковъ. Оно выпѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, такъ что въ нихъ осталось мало *народности*, хотя Мазуры и твердятъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной части оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Рускаго народа.

Ближайшее и точнѣйшее сравненіе Миѳологіи и Еортологіи Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и праздненствами Славянъ Рускихъ могло бы опкрышь: что у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности, духу своему и образу жизни на Западѣ и Югѣ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ точностію и полнотою Миѳологія и Еортологія и не всѣ существующіе источники у насъ подъ руками: то мы и ограничимся здѣсь нѣкоторыми только извѣстными, болѣе общими чертами, а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздниковъ народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Миѳо-

---

(159) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Kany. Znaim. 2 T. 1827. in 8.

логія и Ерпологія не можетъ ограничиться одними Рускими, но должна быть изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Ельбы и Везера, а къ Югу до Адріатическаго моря; ибо у нихъ болѣе осталось древнихъ памятниковъ Язычества; а миѳы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и исполкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаетъ Тунманнъ, не было столько мѣстныхъ боговъ, сколько у Славянъ, которые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являются въ мірѣ политическомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и тѣ же божества у нихъ носятъ различныя наименованія; отъ коихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Миѳографовъ. Гельмольдъ, Кромеръ, Длугошъ, Мартинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали истинныя, и мнимыя божества Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе объясняли Славянскими. Въ Словарѣ Латино-Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, отысканномъ Ганкою въ Пражской библіотекѣ, находимъ слѣдующія объясненія миѳологическихъ именъ: Лѣто Siva, Ваалъ bel

(160) *Helmoldi* Chronica Slavorum. l. I. 2 — 10.

boh, Діана Déwana, Дріады Poludnice, Латона Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless, Пенаты Screti, Пикъ сынъ Сатурновъ Ztracec Sitivratow zin, Сатурнъ Sytivrat, Сирена Lichoplesi, Тифоны Sani, Венера Lada, Церера Siva, Юпитеръ Perun, Меркурій Radigost wnukk Kirtow, Прозерпина Poritata и т. д. (161). Цесарь и Тацитъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя миѳографы и историки причисляютъ большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Миѳологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежатъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Миѳологіи. Рюгенъ и Ретра были столицами богоученія, богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ етихъ разсадниковъ Язычества могли распространяться повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуетъ одинъ общій духъ, не смотря на случайныя уклоненія: то и у Славянъ, говорившихъ нарѣчіями одного слова, могли

---

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjmětky a Wyswětlitwky kn *Sláwy Dceře*. od *I. Kollára*. w Pesti. 1882. 8.

быть общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прокопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единаго Бога.“ Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ тамошними Нѣмцами, утратили чистое познаніе о единствѣ Бога, покланялись ему подъ видомъ многообразныхъ и многочастныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люненбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвергъ (dies Iovis), назывался peregen dan, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчіи распѣніе Perúnica знач. iris Germanica. Perunova dubrava и Cerneborg находятся въ Сербіи; въ Далмаціи есть лѣсъ Pirun Dabrava (163). Тунманнъ и Славянскаго Прона почитаетъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпато-Россовъ, (165) Перунъ владычествуетъ надъ *веснянками*, *осенянками*, *зимнянками* и *упырями*. Славянскій Панъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

(163) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.

(164) Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.

(165) Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморошскомъ, Угочьскомъ, Берегскомъ и Унгварскомъ.

Vali-ass выше замѣчено, былъ божествомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихся скотоводствомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Русскихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ вспоминается Ладо въ слѣд. пѣснѣ:

Лепи Иве терга роже,
Теби Ладо свепи боже,
Ладо, слушай насъ Ладо!
Пѣвкѣ Ладо пева моти
Сердце наша всклањмоти,
Ладо, слушай насъ, Ладо! (167)

У Алдербургцевъ (Старогородцевъ) главнымъ божествомъ былъ *Прове*, у Полабовъ богиня *Сива*, у Оботритовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ торжествомъ. Въ Моравіи есть гора Radgost, а Рroyo гора на Ругенѣ. Покровителемъ зем-

---

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть припѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
Момиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Mersb.* str. 181: Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est fanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.

ли Ругенской былъ Свѣтовидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ покланялись подъ именемъ *Бѣлаго* и *Чернаго бога* (Belbog, Zernebog), по свидѣтельству П. Шёкмана. Ему воздвигнутъ былъ великолѣпный храмъ, коему Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Штеттинскомъ храмѣ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо (отъ краду?)*, игравшій роль Меркурія, которому покланялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на этой горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ пристаней острова: его признаютъ за одно съ *Свѣтовидомъ*. см. стр. 18.

---

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. *Рейца*, перев. Ѳ. Морошкина. Москва. 1836. 8.

(169) A. *Krantzii* Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминаютъ остатки города Trojeglava въ Славоніи и гора Treglau въ Краинѣ. Голову отъ кумира Триглава С. Оттонъ изъ Шпешина послалъ въ Римъ къ Папѣ Гоноріо. — Что̀ у Карпато-Россовъ *Русалки*, то у Виндійцевъ и Сербовъ *Вилы*, кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и на прибережныхъ скалахъ, изображаются молодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ долгими распущенными по плечамъ и по груди волосами изъ осоки. У древнихъ Чеховъ Morusi тоже ролю играли, что у Римлянъ incubi. Булгары вѣрятъ, что *Варколаки*, или *Полтеники* могутъ входить въ домы и вредить. Мы выше замѣтили, что поклоненіе источникамъ и старымъ дуплистымъ деревьямъ, особливо дубамъ, было общимъ не только у Славянскихъ, но и у Германскихъ племенъ (170). Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Рускіе Славяне *клали требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см. стр. 23. Изъ пѣсенъ и обычаевъ на Руси видно, что *у воды* дѣлались гаданія, какъ напр. въ Семикъ; въ одной старой пѣснѣ, какую поютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу (ручей), который дѣлаетъ имъ отвѣты,

(170) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 212. 214.

какъ оракулъ. Въ рукописномъ житіи XVI в. Князя Константина Муромскаго сказано, что Рускіе язычники „отъ очныя немощи умыва„лись въ кладезяхъ и бросали въ нихъ сереб„ряники“; что и донынѣ дѣлаютъ на святыхъ колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. Подобныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ. Въ упомянутомъ житіи пишется, что ду„плинамъ древянымъ вѣшви убрусцемъ обвѣ„шивающе, и симъ покланяющеся.“

Хотя Длугошъ приписываетъ фетишизмъ только Прусамъ и Литвѣ языческой; однако оный, по мнѣнію Бандтке, господствовалъ въ томъ или другомъ племени Славянъ. *Гроды*, *гродки*, *огродки*, *городища*, *лысыя*, *красныя* (чермныя, червонныя), *поклонныя горы* и *рощи*, *дубравы заповѣдныя*, какъ-то: Swaty bor близъ Салы въ Мерзебурѣ и Branibor въ Брандебургѣ, были мѣстами священными, гдѣ совершались жертвоприношенія и другіе обряды въ честь боговъ, умилостивительные или благодарственные, обѣтные, обычные или чрезвычайные (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у Славянъ называлось *годомъ*, *рокомъ*, *лѣтомъ*: у Вин-

(171) *M. Frenzelii* dissertationes historicae de idolis Slavorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lauſitziſche Merkwürdigkeiten von Sam. Groſſer. Leipz. 1714. 2 t. f.

дійцевъ и Чеховъ *годъ* (Hod) по же значитъ, что prásdnik, svétik. Собственно годъ дѣлился у однихъ племенъ на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. стр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, кои имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенніе*, *лѣтніе*, *осенніе* и *зимніе*, распредѣлялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, т. е. Поляковъ, Рускихъ и Малороссіянъ, одни и тѣже древніе народные праздники нерѣдко впадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бываютъ то позже, то раньше другихъ, носятъ на себѣ по этому различныя названія, сопровождаясь особенными обрядами. Мѣстные праздники, произшекши отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія жителей, извѣстны только отдѣльнымъ племенамъ Славянскимъ.

Коледа и *Купало*, какъ выше замѣчено нами, составляли два главныя празднества въ году, къ коимъ примыкаютъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называются Vonoce, Wánoce и Январь Vonocnik; у Румыновъ *Кречуномъ*; у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Кречунъ-вечеръ*,

а въ Венгріи Karátson. Въ Рускихъ лѣтописяхъ и Рождественскій постъ наименованъ *Корочуномъ* (172) отъ *короткихъ* дней, по мнѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачунъ* (173). *Корочуновъ камень* упоминается въ началѣ Воскресенской Лѣтописи. Въ Шелонской пятинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачуницкій* погостъ. У Карпато-Россовъ *Карачунъ* (Хорсъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Руская поговорка *дать Корочунъ* тоже имѣетъ значеніе, что *къ Ляду*, т. е. погубить. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумѣютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домовъ: отсюда Kóledowat, благословлять домы. У Виндійцевъ Koléda нѣкогда было божество празднествъ, или нѣкоторые религіозные обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: это называется у нихъ kolédovati (174). Описанное Константиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Лѣтоп.* л. 1143. „Стояла вся осенина „дождева отъ Госпожина до Корочуна.“

(173) Библіогр. листы. *П. И. Кеппена*, 1825, No 12. въ 4.

(174) Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhni Besédnik. sloshil A. I. *Murko*, v Grádzi. 1833. 2 t. 8.

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ *τὸ Γοτθικὸν*, бывшее на девятый день Рождества Христова, при вечерней трапезѣ Императора, принадлежитъ къ Славянской Гортологіи; ибо подъ именемъ Готѳовъ Византійцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуетъ съ Коледованьемъ и Святочными играми, см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Кранца бывшіе, при Болеславѣ Храбромъ и Генрихѣ II, въ нижней Саксоніи хороводы и пѣсни безчинныя въ навечеріе Рождества Хр. на погостѣ С. Магна, сходныя съ описаніемъ въ Стоглавѣ празднованія навечерія Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда за ето безчиніе и буйство прокляты были Гальберштадскіе жители священникомъ: „тогда они, пишетъ Кранцъ, безпрестанно кружась, вертѣлись (girabantur *жировали*?) день и ночь.“ Богемскій Историкъ Дубравій свидѣтельствуетъ, что Чешскій Князь Брячиславъ (Бретиславъ II), по вступленіи своемъ на престолъ, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленія, кои еще оставались отъ временъ Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чтобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщалъ своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами, давая знать Правительству о тѣхъ, которые не станутъ лобзать сію святыню. Набожный обычай этотъ, говоритъ Дубравій, сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи, гдѣ слываетъ *Коледою*. Это сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленыя Святки, или Духовъ день, у Слованцевъ и Чеховъ называются Turice отъ Тура, въ честь коего онѣ праздновались, у Словаковъ Letnice, а у Чеховъ Swatodušné Swatki. Карпато-Россы именуютъ Купало *Русальемъ*, которое празднуется болѣе въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубить всѣ заповѣдныя дубравы, въ коихъ Чехи собирались по старому обычаю совершать языческіе обряды. Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. Сербы говорятъ доселѣ, что *Иван дан* столь великій праздникъ въ году, что на оный и солнце три краты отъ страха останавливается на небѣ (176).

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, No 21, стр. 75.

(176) Српски рiечник *Вука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák* Lexicon Slavicum, VI t. Budae. 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпатахъ, Судетахъ и Коркоиосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляютъ великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марта называется Letnice, вѣроятно отъ *Летницы*, Славянской Латоны, или Леты (Letho), Ženske Letnické — нашъ древній *пролѣтній мѣсяцъ*. Въ Мартѣ праздникъ заморенной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта, извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готѳовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи, гдѣ Магапа значитъ весну. Виндійцы именуютъ дни Пасхи: Letnízchki Svétki, а Свѣтлое Воскресенье — Létnize. Въ Богеміи поютъ тогда:

Giż nesm smret ze wsy,
Nové léto do wsi.

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Вѣрнѣе здѣсь: обиліе зеленое. *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 232.

Wjtey léto libezné,
Obiljćko zelene (178).

Семенъ день и *Бабье лѣто* (Babj léto, Pauc˘y) извѣстны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называется Semenná Panna Maria, у другихъ *Бабины дни* значитъ спѣтъ, идущій въ Мартѣ мѣсяцъ. У Карпатской Руси названіе *Бабинъ морозъ* основывается на сказаніи, что Маропъ, Мартъ, заморозилъ (окаменилъ) на Полонинѣ (Альпѣ) чародѣйку бабу. Намѣкъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ *Юрьевъ день* (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поутру, до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Этотъ день Спаштутомъ Маріи Терезіи (Urbarium, 1791) крестьянину назначенъ срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ бывало на Руси до XVII в., а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы, Илли-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. *Olao magno*, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга. изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рійцы, Далматы и Черногорцы въ епотъ день поютъ молебенъ на колодцахъ, и, окропивъ скотъ св. водою, гонятъ его вербою въ поле, такъ какъ бываетъ въ Россіи (180). У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочьскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняется скотъ въ ночь Юрьева дня на самой зарѣ, съ коего, по ихъ мнѣнію, прекращается власть вѣдьмъ надъ рогатымъ скотомъ. Отъ Юрьева до Дмитріева дни, полгода, срокъ у Булгаръ, Сербовъ и Турковъ. Въ Болгаріи, въ дни С. *Георгія*, С. *Параскевы* и С. *Архангела Михаила* приносятъ симъ святымъ въ жертву агнца, коему къ рогамъ прилѣпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобы ни капли крови не попало на землю; кровью этой крестообразно мажутъ дѣтей на лбу, щекахъ и бородѣ; потомъ зажаривъ его, съ молитвою съѣдаютъ, а кости зарываютъ въ землю. Тоже самое дѣлается съ нѣкоторыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

---

(180) Сѣверн. Архивъ, 1825, No 14, стр. 114, No 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было главное торжество. Въ Арконѣ, первъ священникъ вымети наканунѣ праздника святилище храма, въ самый день торжества взявъ изъ руки у Святовидова кумира рогъ, смотрѣлъ, полонъ ли онъ виномъ, и по етому предсказывалъ будущій урожай хлѣба, и т. д. Другіе Славяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ пѣтуха въ дарѣ богамъ и обливаніемъ скота пивомъ, освященнымъ для предохраненія стадъ отъ болѣзней. Въ Богеміи славился *Майскій праздникъ источниковъ*. Въ Вагріи дни народнаго суда были порою общаго веселія: тогда старѣйшины, подъ сѣнію священныхъ дубовъ, въ присутствіи бога Прове, рѣшали судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обряды весьма сходны съ Римскими, въ коихъ проявлялось глубокое благоговѣніе къ усопшимъ и вмѣстѣ нравственное чувство, какъ источники оныхъ. Сербская Zadusnice соотвѣтствуетъ нашей Родительской и Радуницѣ: у Виндійцевъ поминки называются Zádusní Obed. Слово Strawa встрѣ-

(181) *Карамз.* И. Г. Р. I. стр. 100. — Pommersche *Kirchenchronik, d. D. Cramerum.* zu alt. Stettin. 1603. 4.

чается во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; на Чешскомъ Strawa значитъ пищу, пиршество, пированіе. У Карпато-Россовъ во всѣхъ Русскихъ Графствахъ Венгріи *стравою* называется купанье на заупокойномъ пиру или поминкахъ (*парастасъ* отъ *παράστασις*). Strawa, по словамъ Іорнанда, состояла въ великолѣпномъ надгробномъ пиршествѣ, на коемъ плачъ и сѣтованіе смѣшивались съ веселіемъ. Карлъ Аленинскій производитъ Strawa, или Sdrawa, отъ Иллирійскаго слова sdrav, отсюда sdravica, тоже что здравіе (182). Что-жъ касается до *Тризны*, то слово сіе происходитъ, какъ и выше замѣчено на стр. 27, отъ *τερπνία*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или отъ τὰ τρίζω шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ Tryzeń трудъ, жалость. Она состояла у сѣверныхъ Славянъ въ плачѣ надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилою и въ питьѣ меда. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нѣмцевъ сходною съ Тризною Славянъ: „по „совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ, „они по языческому обычаю, дѣлали сцениче-

(182) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) Archaeologia biblica, red. a *I. Iahn.* ed. 2. Viennae. 1814. 8.

„скія представленія на распутіяхъ и пере-„кресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на-„дѣвъ на себя разныя личины, играли и по-тѣшались.“ О тризнѣ въ XVI. вѣкѣ упоминается въ Стоглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И такъ, по дѣйствію *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени, отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсту самому сходствуетъ она съ trivium распутіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религіозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ, по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: то, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнище* ведутъ свое начало отъ *Знича*, представителя огня, обоготворенной у нихъ стихіи, все очищающей и *царствующей* надъ стихіями; посему слова *три-Знича* составляютъ и *Тризну* и *Тризнище*. Священный же огонь, на пр. *купальской*, такъ вѣроятно и *тризнищный*, добывался *треніемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣтвяхъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали ето слово и етотъ обрядъ въ разныхъ видахъ: то сжиганія усопшихъ, то

(184) *Mencken* S. Rer. Germ. t. I. p. 2071. ср. *Карамз. И. Г. Р. т. I.* прим. 232, 230.

въ борьбахъ на моряхъ, но въ попойкахъ, но въ сценическихъ представленіяхъ и играхъ въ память усопшихъ. *Тризнище* и *Тризна* по знаменованію своему тождественны съ *игрищемъ*, съ Греческими Ἀγῶνες, съ Римскими certamina, по изъясненію Лексикона Памвы Берынды: „борбище, мѣстце, гдѣ бываютъ поединки, воіованіе.“ Такой же смыслъ имѣетъ слово сіе въ Славянской Библіи (185).

У Сербовъ существуетъ *отмица*, или похищеніе дѣвицъ; о подобномъ обычаѣ на Руси Несторъ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вятичи и Сѣверяне „скожахуся на игрищи, „и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто „съвѣщаваше.“ (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣст. Росс. Акад. 1820,) упоминается объ *уклидах* (вкладах) на города, кои составляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно восточной десятинѣ у Славенъ въ Щепинѣ (Шпетинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Ранновцевъ, въ Радогощѣ у Сырбовъ; тамъ поютъ, по свидѣтельству Ходаковскаго:

(185) *Макк.* II, 18: Бывши же пятолѣтнему *Тризнищу* въ Тирѣ и пр. *Hase* Griech. Alterth. — 1818. 1.

(186) Лѣтопись Несторова, по Лаврентьевскому *списку*. Москва, 1824, въ 4.

„скія представленія на распутіяхъ и пере-„кресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на-„дѣвъ на себя разныя личины, играли и по-тѣшались.“ О тризнѣ въ XVI вѣкѣ упоминается въ Стоглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И такъ, по дѣйствію *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсту самому сходствуетъ она съ trivium распутіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религіозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ, по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: то, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнище* ведутъ свое начало отъ *Знича*, представителя огня, обоготворенной у нихъ стихіи, все очищающей и *царствующей* надъ стихіями; посему слова *три-Знича* составляютъ и *Тризну* и *Тризнище*. Священный же огонь, на пр. *купальской*, такъ вѣроятно и *тризнищный*, добывался *треніемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣтвяхъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали ето слово и етотъ обрядъ въ разныхъ видахъ: то сжиганія усопшихъ, то

(184) *Mencken* S. Rer. Germ. t. I. p. 2071. ср. *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 232, 236.

духа ихъ и вліянія сосѣдственныхъ, разноплеменныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣрованіями и нравами соединено было гостепріимство, какъ отличительная черта, проведенная въ ихъ характерѣ патріархальными временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, какъ-то у Морлаковъ, дружба между особами того и другаго пола освящается вѣрою и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *посестримъ*. Кровавое право мести у Морлаковъ произвело пословицу: *Ко се не освети, онъ се не посвети*, т. е. кто за себя не отмстишь, тотъ не посвящится (188).

Издревле Славяне, живши среди Германскихъ племенъ, и тогда превышая ихъ своею многочисленностью, мѣнялись съ ними повѣрьями и понятіями. Не смотря на политическія отношенія тѣхъ и другихъ, первые дѣйствовали на послѣднихъ большинствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось, что миѳы Славянскіе, подобно словамъ, обнѣмечивались, такъ что божества и суевѣрія, слывущія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими*, собственно Славянскія. Аделунгъ въ Исторіи

(188) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія. *Спб. 1816.* No 10.

Нѣмецкаго языка говоритъ, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и претворились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку сихъ послѣднихъ нѣкоторыя свойства и слова своего языка. Такъ вѣроятно Финнскія племена претворились въ Русскія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Востокѣ развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: по тамъ полнѣе образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священные обряды, праздники религіозные и житейскіе и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденные въ Ретрѣ, Шверинѣ, Ней-Сперлицѣ, Штетинѣ, Волинѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, досель сохраняются. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули быть и бытіе народа, такъ что Христіанское ученіе долго не могло истребить пер-

(188) Библіогр. листы П. И. *Кеппена*. Спб. 1825. 4.
(189) *L. A. Gebhard's* Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten, Halle. 1790, 97. 4 B. 4.

вья. Поморяне въ XII вѣкѣ изъявляли желаніе покланяться старымъ божкамъ своимъ и І. Христу; Чехи (894—967) принявъ вѣру Христіанскую, покушались обратиться къ Язычеству (190). На Сѣверѣ у Русскихъ Славянъ скуднѣе была природа и жизнь народная, скуднѣе Миѳологія и Горшологія, чѣмъ на Югѣ, такъ что не извѣстны были храмы и капища, замѣняемые сѣнью дубравъ заповѣдныхъ и пемянемъ горъ поклонныхъ. Немногіе отечественные боги перенесены въ пепелищи переселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли смѣшаться съ туземными старожилами, или ихъ заимствовать цвѣты свои.

Три стихійныя имена Руси отъ огня, земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, повидимому, соотвѣтствуютъ *Перуну*, *Черно-богу* и *Бѣль-богу*. Древніе Руссы, замѣчаетъ Еверсъ, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ обыкновенно называли первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, производное — *чернымъ*, первымъ также свободное, другимъ рабское. Въ этой трехъцвѣтной Руси донынѣ остались болѣе или менѣе

(190) Исторія Русскаго народа, *Н. Полевого*, М. т. I, 1829. 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Язычества въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣріяхъ, въ простонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названія урочищъ, рѣкъ и лѣсовъ, травъ и цвѣтовъ и пѣлъ небесныхъ напоминаютъ о древнихъ миѳахъ и символахъ.

Идея о *красномъ*, *русомъ*, *чермномъ* есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мірѣ, гдѣ многіе предметы чувственные и отвлеченные отличены симъ цвѣтомъ народнымъ. *Червенная* или *красная Русь*, или какъ жители оной называютъ, *твердая Русь*, содержитъ въ себѣ Русаковъ отъ Вислы на Востокъ до Синяго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣстоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученія и богослуженія, откуда онѣ распространились на Западъ и на Востокъ Россіи, которая владѣла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владиміръ собралъ седмерицу боговъ въ Кіевѣ, сосполявшемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хотя она переходила изъ рукъ въ руки отъ Рускихъ къ Венграмъ и отъ нихъ къ Полякамъ, а отъ сихъ послѣднихъ

(191) Предварительныя критическія изслѣдованія *Г. Еверса* для Росс. Исторіи. М. кн. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ; однако досель сохранила свою самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ. Въ Галиціи почти тѣ же миѳы, что и въ Малороссіи. Вѣроятно и *Перунъ*, символъ огня, происходящій отъ Чешскаго слова Pírení, красноша, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ вмѣстѣ съ Ладою и Русалками (192) изъ Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ равно оттуда перешло на Сѣверо-востокъ Россіи повѣрье и названіе *красныхъ*, *червонныхъ* и *лысыхъ горокъ*; въ Богеміи извѣстны въ городкѣ Берунскѣ Krásná hora, въ Венгріи мѣстечко и городъ Krásna horká (Schönberg). Подъ именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Лодомиріи и Венгріи *жальники*, кои почитаются за языческія кладбища. Въ Номоканонѣ, изданномъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ первый разъ *Купало* и *Русалки*. Миѳы о *Волколакахъ* и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ преданіями жителей Литвы и Волыни.

Черная Русь, между Припетью, Пиною и Сырпью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго и повѣтовъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

(192) Отъ *Ладо* произошли многія названія мѣстъ: *Ладога*, *Ладомирія* и т. д. У Чеховъ Pekna Lada *прекрасная дѣвица*.

Рѣницкаго, по смежности своей съ Червонною, представляетъ многіе мѣры, обычаи и повѣрья, сходныя съ Красноруссими и Волынскими. Въ божествахъ Язычества заключаются идеи внѣшней и внутренней жизни жителей той и другой стороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и топкими болотами. Тамъ *Купало, или Купайло,* и *Коледа* (Рождво) воспѣваются въ пѣсняхъ, сопровождаясь первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гаданіями: колядники тамъ именуются *Лалымниками. Въ Новый годъ* (Новый рокъ), такъ какъ въ Малороссіи, дѣти ходятъ по домамъ поздравляютъ господъ и обсыпаютъ ихъ зернами пшеницы и *жита*, особливо *горохомъ*. Игрище называется *стадомъ*, какъ въ Литвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣстна на Украйнѣ, Подоліи и Волынѣ: тамъ въ Ивановъ день, по захожденіи солнца, сбираются дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, которую втыкаютъ въ землю. Около этого дерева, слывущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходятъ, схватясь руку за руку и поютъ жалобныя пѣсни въ честь Купайла. Послѣ нѣкотораго времени, холостые, стоящіе въ сторонѣ, бросаются, уносятъ и разрываютъ *вербу*, защищаемую дѣвицами, и

шѣмъ оканчивается епопъ обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестомъ Литовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ* (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрьевичи дѣвицы плящутъ на игрищахъ во всю Свѣтлую недѣлю пѣснь *Метелицу* и *Завѣйницу*. *Въ Юрьевъ день*, или такъ называемая *обѣдная*, въ Минской г. святятъ хлѣбъ: тамъ же *Борисо-Глѣбскій* праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *Паликопа*, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у тѣхъ, кто работаетъ въ епопъ день, соотвѣтствующій Малороссійскому *Палеѣ*, или С. Пантелеймону. *Проводами* у нихъ называется вся недѣля послѣ Свѣтлаго Воскресенія, которую они проводятъ въ пьянствѣ, подобно Запустамъ (194). Въ Черной Руси, на Волынѣ и Подольѣ празднуется день основанія церквей (*празныки*) угощеніемъ посѣтителей изъ сосѣднихъ деревень, и разными веселыми. Каждая церковь, однажды въ годъ, для своего праздника варитъ медъ съ пряными кореньями, продаваемый опъ нея поселянамъ.

---

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824; No 3 и 4.

(194) *Записки* Профессора И. Н. Лобойки.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершаются *меньшіе* и *большіе Осенины*, или *Дѣды*, къ коимъ присоединишь должно *Прикладины*, или окладываніе могилокъ дерномъ, которое сопровождается служеніемъ паннихидъ, попойкою, гуляньемъ и музыкою. Изъ земледѣльческихъ праздниковъ также извѣстны, какъ и въ Липвѣ, *Дожинки*, кои отправляются во всякой деревнѣ по окончаніи жатвы жита и пшеницы, а послѣ посѣва, *Досѣвки*; при семъ случаѣ господинъ угощаетъ крестьянъ своихъ, которые проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскѣ.

Въ свадебныхъ, родильныхъ, именинныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще слѣды Язычества и кореннаго суевѣрія, кои сроднились съ ихъ бытомъ.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ воеводствъ Минскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Витебскаго и Смоленскаго, представляетъ множество повѣрій и обычаевъ, похожихъ на Литовскія и Польскія, коихъ она была проводникомъ въ Великую Россію. Тамъ многія урочища напоминаютъ своими именами Славяно-Рускія божества (195) и обряды

(195) на пр: *Піоруново* въ Полоцкомъ повѣтѣ при озерѣ *Щетилнемъ*.

Язычества, какіе проявляются въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразился неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ вѣрованіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и житейскихъ служатъ доказательствами единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Руссіи встрѣчаются многіе одинаковые съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кромѣ особенныхъ, на коихъ отпечатались мѣстность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хотя народъ Бѣлорускій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія миѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хлѣвинкамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), присущ-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, No 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникѣ мірскомъ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же ина злая волхованія, яже в великіей Россіи, ово убо звѣрски рыкати творятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скотски всяко и птическими гласы и песьими мучатися“ и пр.

сивію злыхъ духовъ на мѣльницахъ, въ баняхъ и пустыхъ жилищахъ. *Купало*, извѣстное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣки Сана, повторяется также въ Бѣлоруссіи и на Западѣ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи (198).

Годовые церковные праздники, въ Бѣлой Руси, какъ-то: Рождество Христа и Богоматери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богоматери, С. Іоанна Предтечи (24 Іюня), Бориса и Глѣба и пр., сопровождаются такимижъ почти обрядами и играми у просвѣтителей, какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Срѣтенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею*, Успеніе Богоматери — *большею Пречистою*, Рождество Богородицы — *малою Пречистою*, или первое — *Госпожею*, второе — *Госпожскою*, С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ*. см. стр. 95. День, предшествующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою*, которая есть *Васильева*, или *богатая*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, или *постная*, на канунѣ Богоявленія.

(198) Исторія Малой Россіи *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*, ч. 2. Москва. 1830. 8.

У проспаго народа праздникъ Рождества Христова починается первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведетъ начало года въ разныхъ условіяхъ. О Святой недѣлѣ поютъ такъ называемыя *великоденскія пѣсни* съ музыкою, ходя по домамъ ночью подъ окнами кампагами, кои именуются *Волочебниками*, а предводитель ихъ, или запѣвало — *Починальникомъ*. Они первую пѣснь обращаютъ къ хозяину и хозяйкѣ, прославляя благоразумное ихъ домостроительство, обиліе и благодать Божію, упоминаютъ, что *Святой Юрій защищаетъ* ихъ коровъ, *Святый Николай* коней, *Св. Илія зажинаетъ жниво*, *Пречистая Мать васильетъ*, а *Покровъ собираетъ* и т. д. Послѣ всякой строфы припѣваютъ *Христосъ воскресе!* Въ Бѣлоруссіи, такъ какъ и въ Болгаріи, зарываютъ въ землю на поляхъ кости ягненка, освященнаго на Пасху, въ той вѣрѣ, что онѣ предохраняютъ засѣянный хлѣбъ отъ града. Послѣ *проводной недѣли*, во вторникъ на кладбищѣ совершается *Радуница*, сопровождаемая *причитаньемъ*, пиршествомъ и катаньемъ яицъ на могилкахъ, на кои иногда дѣлаются возліянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. *Юрьевъ день* весенній въ Бѣлоруссіи есть праздникъ пастуховъ, которые выгоняютъ скотъ верьбою *на Юрьеву росу*; а *Николинъ* день весенній праздникъ

конюховъ, которые иногда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляютъ. Послѣднимъ весеннимъ праздникомъ почитается *Троицынъ день*, въ который жители украшаютъ свои домы *Маемъ*, а пастушки вѣнки на рога у коровъ. На слѣдующей за тѣмъ недѣлѣ, слывущей тамъ *Разгарою*, завиваютъ вѣнки съ пѣснею:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лезли, кору грызли,
Звалились, забились.
Тройца.

Развивъ вѣнки, бросаютъ ихъ въ воду, для гаданія о судьбѣ своей, съ пѣснею:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На разгары развили,
Горѣлочку попили
И яишню поѣли (199).

Изъ лѣтнихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Іоанна Крестителя; тогда носятъ въ церковь травы и цвѣты для освященія. Недѣля, предшествующая сему празднику, называется *Русальною*; въ

(199) Gry i zabawy różnych stanów, p. *L. Gołębowskiego.* w Warschawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собираются въ полѣ при зажженныхъ кострахъ пѣть *купальныя пѣсни*, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи: тѣже тамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Петровымъ днемъ на Бѣлой Руси *разыгрываются навозныя толоки*.

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинается торжественно посѣвъ, хотя Бѣлорусцы считаютъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень*.

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ простаго народа суть *Игрища*, на кои онъ сбирается по пинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, такъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ отправляются *Кермаши*, соединенные съ угощеніемъ и весельями. Когда же почетные прихожане хотятъ почтить складчиной праздникъ какого либо святаго: сіе называется *Братчиной*, коихъ собственно двѣ: *Михайловская* и *Никольская*. Братщики на свои издержки приготовляютъ большую свѣчу къ празднику, поютъ молебенъ и дѣлаютъ угощеніе. Братчины, часто *упоминаемыя* въ монастырскихъ грамотахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія: нерѣдко совершались на погостахъ, какъ видно изъ Двинской грамоты Царя Іоанна Васильевича. Онѣ отправляются болѣе осенью, такъ какъ *свадьбы, большія и меньшія Осенины, или поминки; Окладины.* Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время *Толокъ, Обжинокъ, Запашекъ, Увозокъ* и пр.; то число общественныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительно (201).

(200) Исторія Росс. Іерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Егда убо быхъ в Польскомъ и Литовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ тѣхъ Хрістіанехъ, яже сушь Бѣлорусцы в нихъ нарицаются. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа с женою и у господина с рабы, вѣры три или четыре: и овъ держитъ в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папежскую, і инъ Люторскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой трапезѣ ѣдятъ и піютъ и бракомъ совокупляются, а иніи вкупѣ и молитву творятъ". *Книга глаголемая Потребникъ мірской.* М. 1639. въ л.

Хотя юго-западная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Литвою; однако она удержала въ нѣдрахъ своихъ много коренного, самобытнаго, отъ коего отличается чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ материка. Сколько тамъ ни изглаживалась народность Татарами, Литвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей растеніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя стихіи нашего отечества, пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благорастворенный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣтущихъ полей и луговъ, веселые лѣса кленовые, тополевые и дубовые съ плодовитыми деревьями, пріятнѣе возбуждали фантазію народа, по природѣ безпечнаго и гульливаго, родили многіе мифы,

(202) Путевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналъ Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Іюнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрывается душа Малороссіянина. Осшатки Украинской Мифологіи сохранились въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и *Слово о полку Игоревѣ*, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: *Буль-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ* (203), *Сильный-богъ, Коляда, Купало, Дажды-богъ, Лado, Туръ, Лело, Полелѣ, Марана, Дивъ* (204), *Злота-Баба* и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ таинственный мракъ лѣсовъ дремучихъ и т. д. (205). Въ миѳическихъ сказкахъ главныя дѣйствующія лица: *бисы, водяные, лѣшіе, мавки,*

(203) Ученыя записки Ц. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4, статья: Взглядъ на памятники Украинской народной поезіи, соч. *И. Срезневскаго.*

(204) *Дивъ* на Польскомъ Diw дивo, дивe, чудище. Въ No 7 Библіогр. листовъ, на стр. 88: *Овъ Дыо жретъ, а другыи Дивии.*

(205) *Стри-богъ*, *Дажь-богъ* и *Велесъ* упоминаются въ Игоревой пѣсни — вѣроятно, произведенія южнаго края Россіи. Боянъ пѣвецъ называется *внукомъ Велесовымъ*, вѣщры — *Стрибожими внуками.* Слово внуки (nepotes) употребляется вмѣсто потомковъ, отдаленій. см. *Virgilii* Aen. v. 682, 757, 787.

русалки, *вѣдьмы*, *вѣдьмаки*, *великаны*, *змѣи* и пр. д. Въ Украйнѣ также между злыми духами есть *Рарашекъ*, который находится у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ есть и поговорка: *сердитъ какъ Рарашекъ*. Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось миѳовъ, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкоторые изъ нихъ мѣстные, болѣе похожіе на западные; иные соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣстны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ отличными отъ Велико россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Хрістова, до обѣдни, дѣти ходятъ по домамъ *вирщовати*, т. е. говорить поздравительные стихи, обыкновенно сочиняемые дьячками (206), носятъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертепы*, родъ маріонетокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунѣ Новаго года, холостые мущины ходятъ по дворамъ зажиточныхъ подъ окна *щедровати*, т. е. выпрашивать пироговъ, кишекъ, куски сала свинаго и пр. д. Въ Новый годъ, предъ

(206) Малороссійскія пѣсни, изд. *М. Максимовичемъ*. *Москва*. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчики ходятъ по дворамъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпаютъ въ хапахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лито, роди, Боже, жито, пшеницю и всяку пашницю* (207)! Они также поютъ *посыпальную* пѣсню:

Ходитъ Илья
На Василья,
Но́ситъ пу́гу
Житняную,
Де́ замахне —
Житто роспе,
Роди, Боже!
Житто, пшеницю,
Всяку пашницю;
У полѣ ядро,
А въ домѣ добро! —

Такое *Колядованье* продолжается отъ Рождества Христова до *Щедрованья*. Маркевичъ въ запискахъ своихъ о Малороссіи ссылается на старинную пѣснь Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повторялось: *Славенъ еси, Коледо, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

(207) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. 8.

минаетъ сочинитель Synopsica, была извѣстна въ Украйнѣ еще за тридцать лѣтъ и донынѣ. Въ Махновскомъ уѣздѣ (повѣтѣ) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, такъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барана, вводятъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорятъ ему привѣтствіе, на которое онъ отвѣчаетъ угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаетъ первый Гизель въ своемъ Synopsicѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольтиджи *Купало* объясняется *купѣлью*, по Польски kapiel. Гизель такъ описываетъ сіе игрище; „Пятый идолъ Купало, егоже бога плодовъ „земныхъ быти мняху, и ему прелестію „бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы „въ началѣ жнивъ приношаху. Тогожде Ку„пала бога, или истиннѣе бѣса, и доселѣ по „нѣкіимъ странамъ Россійскимъ еще память „держится; наипаче же въ навечеріи Рожде„ства Св. Іоанна Крестителя, собравшеся „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, сплетаютъ себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и „опоясуются ими. Еще же на томъ бѣсов„скомъ игралищи кладутъ и огнь, и окрестъ „его емшеся за руцѣ, нечестиво ходятъ и „скачутъ, и пѣсни поютъ, сквернаго Купала

„часто повторяюще и чрезъ огнь прескá-
„чуще, самыхъ себе тому же бѣсу Купалѣ
„въ жертву приносятъ.“ Подобнымъ обра-
зомъ описывается Купало у С. Димитрія Ро-
стовскаго въ Четьи Минеи. Въ Махновскомъ
повѣтѣ, сходно съ Черноруссами и Бѣлорус-
сами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ
землю дерево, украшенное вѣнками подъ име-
немъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ.
Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ
тогда поютъ:

У Пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало:
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣшками, судѣшками.

Въ Малороссіи, на канунѣ сего праздни-
ка, молодые люди обоего пола купаются въ
рѣкахъ до захожденія солнца, въ сумерки, по-
томъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на
полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась
рука объ руку, перепрыгиваютъ черезъ огонь.
Если во время перепрыгиванія руки не разой-
дутся: сіе означаетъ, что сія пара совоку-
пится бракомъ. Подобно какъ на Карпинахъ и

Судешахъ, молодежь препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ и травъ благовонныхъ, составляютъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи есть остатокъ *Мараны*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ *кличутъ*, или *закликаютъ*, *весну*. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшутъ съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣтаго въ женское платье. Въ Украйнѣ дѣти, нося въ рукахъ ласточку, сдѣланную изъ дерева, ходятъ изъ дому въ домъ славить весну (219). Пѣсни же называются *веснянками*; ихъ поютъ дѣвушки, сбираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоетъ весянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радуницы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжаются

---

(208) Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ Хрістіанскихъ; собрано Протоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, *изд. Н. Гнѣдича*. Спб. 1825. въ 8.

при дни, опъ понедѣльника до середы Осьминой недѣли. Тогда приносятъ на могилки родительскія всякаго рода кушанье *(страву)* и яицы, кои тамъ кашаютъ до Юрьева дни. Поминки, или *проводы*, сопровождаются попойками при церквахъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ епопъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *бабскаго*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется *зеленою*, *клечальною* опъ клéчанья, или Мая (210), т. е. зеленыхъ вѣшвей, *Зелеными святками*, а въ древности *Русальною* (211). Около Спародуба епа седмица слывепъ *Греною*, пѣсни — *гренухами*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, что у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ который у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе *родникъ Ярославовъ*, впадающій въ Десну;

(210) Въ Люперовомъ переводѣ Библіи, III кн. Моисеевой, 23, т. 44; Schmücket das Fest mit Mayen (вѣшвями древа).

(211) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубѣ етой криницы, на разсвѣтѣ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ разчесываютъ. Сіи *Криницы* суть Русалки, кои по названію своему отъ *криницы*, или *ручья*, и отъ *русла*, ложа рѣчнаго, представляютъ одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Славянской рукописи XI вѣка, что „рѣки на„рицались богини и звѣри, живущіе въ нихъ „почитаемы были богами, коимъ приноси„лись требы.“ — Огни, видимые на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселянъ, разводятся Днѣпровскими Русалками, чтобы привѣтнымъ свѣтомъ заманить странниковъ къ крутизнамъ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснѣ Русалка загадываетъ загадку: *Ой що росте безъ коренія?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ коренія.* Вообще Украинцы думаютъ, будто въ Русалокъ, или Мавокъ, превращаются дѣти, умершія

(212) Отечественныя записки П. С. Спб. 1828, Апрѣль.

(213) *Одесскій* Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будто злые духи похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться только въ день Сошествія Св. Духа и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ хоронятъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣтѣ подъ фигурою (крестомъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію, души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія три раза. Если кто услышитъ ещотъ зовъ и подастъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещаю Иване и Марья во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* тогда сіи души возьмутся Ангелами; а въ противномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынѣ днѣ бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ, хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши и *мякаютъ* на подобіе кошекъ: отъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клечальную субботу* на-канунѣ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричатъ: *Бухъ, бухъ! соломенный духъ! мене мати народила, некрещену положила.* Въ Горобиныя (воробьиныя) ночи бываютъ *свадьбы и танцы Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. *Максимовичемъ.* М. 1827. въ 16.

не купаются въ рѣкахъ и не ходятъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чтобы *Мавки не защекотали* (залоскотали) или не закачали. Мущины и женщины наканунѣ сихъ дней запасаются зорею и полынью, какъ предохранительными средствами противъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносятъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила (chamaepitys), которая связывается веревкою, а въ срединѣ ставится тройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіе обѣдни: травы сіи хранятся дома для лѣченія отъ разныхъ болѣзней, а тройная свѣча дается въ руки умирающему при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни почти праздники духовъ: впрочемъ тамъ также завиваютъ и развиваютъ вѣнки въ Троицкую недѣлю, на коей поютъ:

Ой завью вѣнки, да на всѣ святки!
Ой на всѣ святки, на всѣ праздничкы,
Да рано, рано на всѣ праздничкы!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

(215) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія; въ сію-то ночь они сбира-ютъ вѣдемскія травы, снимаютъ съ неба звѣзды и держатъ ихъ въ кувшинахъ на по-гребахъ: въ Малороссіи также вѣрятъ, что кому посчастливится сорвать цвѣтъ папо-ротия (папорошника, кочедыжника) въ Ива-нову ночь, тотъ найдетъ кладъ.

Какъ въ Бѣлоруссіи, Гродненской и Ви-ленской Губерніяхъ, Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почитается празд-никомъ *Паликопы*, такъ на Волынѣ Pantáleona Męczenika, а въ Малороссіи день *Палея*, т. е. Св. Пантелеймона: этотъ день проводится въ праздности изъ опасенія, чтобы за нару-шеніе оной не *спалилась* молніею копны хлѣба и стоги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабино лито*, которое въ Богеміи, по свидѣтельству Юнгманова Словаря, называется также Pawúčj léto, паутинное лѣто, отъ коего и поговорка: Babj léto ljta, бабье лѣто лета-етъ. см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *женитъ Семена* значитъ у ремесленниковъ: начинать работать при свѣчахъ вечера съ *Семена дня*.

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній, такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября); ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на златыхъ вратахъ установленъ въ

Кіевѣ въ подражаніе Греческому. Тамъ употребителенъ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тыбъ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бываютъ также земледѣльческія празднества: *Дожынки*, послѣдній день жатвы, *Оборки*, остальный день оранія, *Досѣвки*, послѣдній день сѣянія, и *Толоки* съ играми и *забобонами*. *Маслянница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не катаются на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называется тотъ день, въ который заложена церковь: онъ отправляется прихожанами съ большимъ торжествомъ, лѣтомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На етомъ праздникѣ, слывущемъ и тамъ *каноном*ъ, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареный. *Вечерницями* и *Досвѣтками* въ Малороссіи называются сходбища въ одну хату въ осенніе и зимніе вечера; тамъ работаютъ, поютъ, играютъ, *жартуютъ* (шутятъ) и *женихаются*.

(216) Рускіе въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.
(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ этомъ сочиненіи только простонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣтимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстные, произшекшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности туземцевъ, которые вѣроятно чествовали свои отечественныя божества, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волосъ и ш. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣстные подъ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, нерѣдко соединяются съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, отправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подъ именемъ *Коледы* въ Чермной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаньемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа вспоминается на Поволжьѣ; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новагорода* и пр.; что̀ свидѣтельствуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Іоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уѣздѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою *воспѣвается Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Святкахъ ребятишки слѣдующею пѣсней напоминаютъ западный праздникъ *трехъ Королей:*

Двоимъ, троимъ,
Давно спонимъ:
Пожалуйте копытце;
Вамъ спасенье,
Намъ прибыльнѣе.
Пожалуйте *Королю* и т. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1го Января бываетъ *застьвъ*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ сѣятъ изъ рукавицы зерны хлѣба яроваго, кои сбираются спарухами и берегутся до посѣва осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугѣ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ сіе игрище подъ названіемъ *Коккуй*; см. выше стр. 90. Въ старой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣтельству Ходаковскаго, его купальское ликованіе ежегодно совершается въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева объ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. *Бантыша-Каменскаго*. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ той сторонѣ *живымъ огнемъ*, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по просторѣчію Купальницы, слывешъ въ народѣ *Купальницею*. *Иванъ Купало*, празднуемый отъ Днѣпра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Костромской Г. недѣли съ Богоявленьева дня до Масляницы у крестьянъ называются *свадебными*; потому что они всегда около этого времени играютъ свадьбы. Отъ этого же вѣроятно и Февраль въ лѣтописяхъ означенъ *Свадьбами* (219).

Красная горка, столь извѣстная въ Великой Россіи и по празднеству оной въ опредѣленное время и по многимъ урочищамъ, означаетъ мѣсто и время: въ Смоленской Г. именуется *Толпищемъ*, и напоминаетъ древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гулянье на Святой недѣлѣ, въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почитается временемъ свадебъ и сопровождаема бываетъ *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей части, начинаютъ *играть въ*

(219) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 222, 386.

горѣлки; а когда станутъ распускаться листья на деревьяхъ — *играть хороводами*. *Семикъ*, или семицкій четвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и завиванія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется *Поляною* отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ *витязей бѣлоризцевъ* (220). Позорищемъ Семика бываетъ кладбище и роща. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Костромѣ и Твери подъ именемъ *Ярилы*; въ Нерехтѣ — *Конюковки*, а въ Ярославлѣ — *Солонины*. — *Бабье лѣто* въ однихъ мѣстахъ начинаютъ съ 1го Сентября, или Семена дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слыветъ въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ *Пасиковымъ днемъ* отъ уборки ульевъ; въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ *Луковымъ днемъ* отъ сниманія съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовымъ* и *Спосовымъ*, вѣроятно, *отъ Спаса* или отъ другаго неизвѣстнаго доселѣ слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подъ Великъ день жители *заклинаютъ морозъ*, губителя овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!
Приходи кисель ѣсть.

(220) *Вѣстникъ* Европы, 1814, No 14.

Морозъ, морозъ!
Не бей нашъ овесъ,
Ленъ, да конопли
Въ землю вкодопи!

Окончивъ такія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачиваетъ его водою старшая изъ женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской Г. послѣднее воскресенье, называемое тамъ *прощальнымъ*, а въ Сибири *Цѣловникомъ*, молодежь проводитъ въ катаньи по улицѣ, одѣляетъ пряниками окликальщиковъ, которые носятъ въ рукахъ вѣнки еловаго дерева. Ето окликанье и вѣнокъ означаютъ богатую и роскошную жизнь; ель ставятъ также на дворѣ у хозяевъ, которые еще болѣе угощаютъ окликальщиковъ, возглашающихъ: *О Лелѣ! О Лелѣ! Прощальнымъ*, или *Цѣловникомъ* Воскресенье ето наименовано потому, что предъ наступленіемъ Великаго поста цѣлуются со всѣми въ знакъ Христіанскаго примиренія и ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками. Тамъ же въ Ѳомину недѣлю, именуемую *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта, распѣвая подъ окнами: *Юница, молодица, подай яицо въ перепечу!*

Тогда подаютъ парнямъ вино, пиво, ладыцки, казанки, а дѣвкамъ пряники и красныя яица. Епотъ *Юнецъ* или *Вьюнецъ* упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: „и на Радоницѣ „Въюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свистопляски*, который совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Устюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячъ (221). Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и дѣлаемыя нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свистки и цари, коими бросаютъ другъ въ друга, спановясь по обѣ стороны рва, и свистятъ. Липовская Swistoplaska описана въ Виленскомъ Денникѣ. — Въ верстахъ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ есть въ лѣсу на полянѣ могила воина Аники, на которую прохожіе кидаютъ сломленныя вѣтки деревъ. Отъ

(221) Записка Преосвящ. Кирилла, бывшаго Епископа Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго.

этого шамъ накопляется большой ворохъ, который сжигается въ одинъ лѣтній день собравшимся народомъ. На этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ, въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи, бываетъ народный праздникъ *Маргостье*, во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на мешлѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ., въ этожъ время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ *крещеніе кукушекъ*, которое состоитъ въ томъ, что въ рощѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на птичку кукушку или на травку тогожъ имени, кладутъ ихъ на разостланный платокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами своими, цѣлуются и съ прочими подругами ѣдятъ яишницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ *Савинѣ городкѣ*, въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ, а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для *погребенія Костромы*, во Владимірѣ для *погребенія Лады*, а въ Твери недавно прекратился праздникъ *погребеніе Ярила*, совершавшійся 24 го Іюня близъ Трехъ-святскаго сада.

Въ етомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Петрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кои продолжаются по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водятъ хороводы змѣйкою, держась за конецъ плапка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбравъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладутъ ее на доску, на коей несутъ ее на рѣку, гдѣ сложивъ ее, купаютъ другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращаются, домой и, нарядясь, выходятъ на улицу играть въ хороводы до вечера. Сія миѳическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, спроивали жители села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласитъ преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени — внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ болвана изъ

дерева, или соломы, одѣтаго въ богатое мужское и женское платье. Около шалаша сбирались знамощніе жители, принося съ собою опборную, пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали *сколько душѣ было угодно*. Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго состоянія, на Троицынъ день сбирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать* вѣнки, а на другой день сходились *развивать*. Обыкновенный припѣвъ въ пѣсняхъ при семъ праздникѣ, или лучше сказать, съ самаго открытія весны до 25 Іюня, есть: *Лядо, диди и Лядо*. Въ Орловской Г. есть обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое состоитъ въ томъ, что приготовляется одинъ общій каравай для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣтовъ, съ коими стояли обѣдню и вечерню въ Троицынъ день, обмешаютъ могилы родительскія; сіе называется: *глаза у родителей прочищать*. — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣньемъ Петрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь *Яри-*

ла, который, по словамъ его Архипастыря, „въ сихъ странахъ за бога почитаемъ „былъ, пока еще не было тамъ Христіан„скаго благочестія.“ Сію игрище соединялось съ плясками и пированьемъ; также съ кулачными боями, на коихъ случались и смертоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣньѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. простой народъ около Петрова дни стекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называются *Баш* и *Башиха*; одни ихъ почитаютъ за мущину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бывалъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключь* (223), начинаемый водосвятіемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предается онъ забвенію.

---

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. *Митрополита Кіевскаго Евгенія*. изд. 2. М. 1820, въ 8.

(223) Сѣверная Пчела. 1827, No 24.

У нынѣшней Мордвы, потомковъ Ростовской Меры, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою во время крещенія земли Ростовской, донынѣ лѣтомъ совершается языческій праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Вель-Оскъ*; а близъ Нерехты, также Мерянскаго поселенія, среди рѣки Нерехты лежитъ чудный *камень*, похожій на большую бочку съ обручами. Просполюдины вѣрятъ, что кто осмѣлится брать воду близъ этого камня, тотъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Меря покланялась Велесу подъ видомъ камня; то сіе даетъ поводъ почитать этотъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскѣ и Верховажьѣ, начиная отъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходятъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, *со звѣздою*, которая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хожденіе съ такою звѣздой и пѣніе *виноградья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабье лѣто, въ Серпуховѣ на полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ торжественно *хоронятъ мухъ* въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женихи смотрятъ себѣ невѣстъ: что̀ бываетъ

(224) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

и въ другіе праздники и пр. д. см. стр. 32. Въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, совершались *обряды Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю *обрядъ хожденія на осляти*, а 1 Сентября *чинъ лѣтопровожденія*.

Въ Оспашковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывильскѣ сборища дѣвицъ на веселье называются *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; потому что день С. Параскевы, 28 Октября, временно приходится въ пятокъ. Въ Кинешемскомъ округѣ торжествуется *Обжорная Суббота*, а въ Буевскомъ *Обжорная Пятница*, на третьей недѣлѣ Великаго поста, когда зятья тещей и тещи угощаютъ кисслемъ съ масломъ, который привозится туда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Вагѣ простой народъ ежегодно отправляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Петрова поста *Девятой Пятницѣ*, или въ честь С. Параскевіи, нареченной *Пятницы*, особенно у

(225) *Древняя Росс. Вивліоѳика*, ч. VI. М. 1788. 8.

древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья, куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе, сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни составляютъ два круга, кои постоявъ нѣсколько времени въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, потомъ сходятся вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чету дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Сія игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обыченскомъ, въ *Ильинъ день*, по свидѣтельству Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коихъ съѣдаютъ всемъ міромъ (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепріимствомъ и веселіемъ, которое продолжается обыкновенно три дни. Около Галича и Буя, на монастырѣ, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашицей, варенымъ мясомъ и пивомъ; сіе

(226) *И. Лепехина* Дневныя Записки. Спб. 1768 — 69. ч. I. въ 8.

намъ называется: *угощаться у праздника*. Самая поговорка *на нашей улицѣ праздникъ*, выражаетъ всю полноту удовольствія и торжество, какое доставляетъ поселянину его праздникъ, приносящій ему отдыхъ отъ трудовъ, разгулъ и веселье въ жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь развившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: то, вѣроятно, откроется еще болѣе мѣстныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, отлившійся намъ въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подтверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норовъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье*.

Въ этомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсматриваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ относящимися къ нему пѣснями.

---

§ 6. По отношенію къ мѣсту, народные праздники также могутъ быть раздѣлены на *сельскіе* и *городскіе*. Въ Древности,

въ епоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка, при постепенномъ переходѣ Язычества къ Христіанской вѣрѣ въ Россіи, они стали разнишься своимъ содержаніемъ и цѣлію, кои измѣнялись въ епохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды истекши изъ внутренней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общества, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженныя съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ отечественнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главныя потребности жизни. Поетому вѣроятно, что селы имѣли свои средоточія, гдѣ бывали т р е б и щ а, м о л ь б и щ а, и г р и щ а, призницца. *Погосты* и *городища* составляли такое средоточіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, сбирались *мужи* и *жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

шѣхъ и другихъ предполагаетъ сношеніе между ещими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вятичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя, „умыкаху жены себѣ, с нею „же кто совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляются на двѣ стороны, изъ коихъ каждая поетъ попеременно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ ею коней* (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жертвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владимірѣ I и торжественной клятвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминаютъ о *позорахъ*, *игрищахъ*, *русальяхъ* и *тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

Когда жъ Хрістіанская вѣра съ X вѣка стала выпѣснять изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда тамъ съ перемѣною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и катанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между шѣмъ древнія повѣрья и завѣтные обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ пріютахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ народностію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцестояніе, прилетаніе и отлетаніе птицъ, развертываніе и паденіе листьевъ древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праотеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣтныхъ обычаевъ почиталось у простолюдиновъ преступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напасть: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимостію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Хрістіанскую епоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о торжествахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірѣ I въ Язычествѣ и Христіанствѣ упоминаютъ лѣтописи наши и старинныя пѣсни:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владиміръ, по сказанію Макарьевской Минеи, „памяти „святыхъ въ церквахъ творяше пѣніемъ и „молитвами, и праздноваше свѣтло праз„ники господскія: и при трапезы поставляше, первую Митрополіту съ Епископы, „и съ черноризцы и съ попы, вторую ни„щимъ и убогимъ, третью себѣ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.“ Великій Князь Владимірскій Константинъ Георгіевичь, по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба, сотворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милостыню. Изъ Печерскаго Патерика видно, что братія Печерскаго монастыря вкушали трапезу въ

обители Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и обѣдали съ боярами въ Выштородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ *учрежденіе веліе*. Князья Святославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Ѳеодосія на обѣдъ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Исторіи Россійской Іерархіи. Со временъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успенія Богоматери донынѣ дается въ Кремлевой палатѣ обѣдъ, слывущій *Царскимъ*. Въ Древности Государи и вельможи творили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались уставы воздержанія и приличія, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна: „Иже в манастырехъ часто пиры творятъ, „съзываетъ мужа вкупѣ и жены, и в тѣхъ „пирѣхъ другъ другу преспѣваютъ, кто лучи „творитъ пиръ. И оже сихъ творяшъ и собѣ

(228) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 80.

(229) *Constantini porph.* de cerimoniis aulae Byzantinae, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Библіотека. ч. VI.

„иже с ними пьютъ чернѣци и съ черньчѣ „погубляютъ, и мнѣтъ, чтю добро творятъ „нищелюбія (230)".

Древняя Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что Государи, по случаю знаменитыхъ побѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и другихъ великихъ событій, дѣлали народу празднества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при торжественномъ перенесеніи кивота во градъ, „раздалъ онъ мужа даже до жены коемуждо по „укруху хлѣба печенаго и по части печенаго „мяса и по *сковрадному млину* (231)".

Въ отечественныхъ лѣтописяхъ встрѣчаются примѣры народныхъ обѣдовъ, какіе давали Великіе Князья. В. К. Владиміръ I далъ народу свѣтлый праздникъ послѣ спасенія своего отъ Печенѣговъ: „сотвори праздникъ великъ, варя 40 про„виръ меду и съзываше боляры своя и по„садники, старѣйшины по всѣмъ градомъ и „люди многи, и раздая убогимъ 40 гривенъ." Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мстиславичь сдѣлалъ великолѣпное пиршество народу на Городищѣ, по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

---

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(231) *II Царств.*, VI, 19. Млинъ тоже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Ростиславичь и сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пиръ Князю Давиду Смоленскому, который угостилъ тамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе съѣзды оканчивались пиршествами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннъ Васильевичь, 1552 г., сдѣлалъ пиршество воинству, народу, Духовенству и Сановникамъ. Петръ I праздновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и поставленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „вси царстѣй „трапезѣ пріемники бываютъ, пиру же зѣло „честну и велику сотворяему новымъ Ца„ремъ — и вси люди весели бываютъ, и мнози „и честніи дарове отъ Царя износятся (233)". Извѣстно, что и донынѣ въ день коронованія своего Государи Россійскіе даютъ на-

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.

(233) *Карамз.* И. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными потѣхами, или какъ говорится, *пиръ на весь міръ—пиръ горой.*

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, происшекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ источниковъ; чтожъ касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, то они еще удерживаютъ остатки древняго своего характера; потому что бытъ поселянина донынѣ мало измѣнился въ существѣ своемъ.

На погостахъ и доселѣ въ праздники бываютъ сборы или торги, на кои спекаются гости изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостъ* значитъ округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, тоже что прежде извѣстно было подъ именемъ *вервь*, упоминаемомъ въ Руской Правдѣ (234), также бѣлую землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почти всегда бываетъ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погосты, такъ какъ Сербія на жупанства. *Погостъ* сроденъ въ Греческимъ *πάγος* холмъ, деревня, и съ Лапинскимъ ра-

(234) Руская Правда, изд. *А. Шлецера.* Спб. 1767. въ 8. — Въ Славенороссномъ Лексиконѣ Памвы Берынды гробъ и гробище толкуется *жупище.* Что у Сербовъ было *жупа* (Zupa, Juppa), по замѣчанію *Князя* М. А. Оболенскаго, то у Рускихъ погостъ, *какъ средоточіе* селенія или волости.

gus (235), отъ коего произошло и paganus (ἰδιώτης, κωμητικὸς) поганый не только по производству, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Хрістіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались pagani (236); потому что они укрывались въ весяхъ, селахъ (in pagis) и тамъ на привольѣ совершали запрещенные законами обряды Язычества. Отъ этого paganus значилъ также сокровенный, тайный (237). Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово παγάνοι употреблялось для означенія *некрещеныхъ деревенскихъ обывателей*. Вѣроятно, оно въ этомъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ находится въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

---

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi* dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παγαί appellantur.

(236) *Augustin.* Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, *paganos* vocamus.

(237) Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. *Б. Розенкампфа*. М. 1829. 8.

(238) de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.

ное прозвище невѣрнаго человѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Еспляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значитъ нечистый, скверный. Въ Кормчей, Номоканонѣ, Спюглавѣ, Требникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Святителей именуются *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно отправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались Paganica; а Paganalia праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранителя окружнаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именуются Paganiа (239). По етому, не безъ основанія, простонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими,* какъ удѣломъ черни, необразованныхъ просполюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца услаждается весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора,* у него соединенась особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнивомъ и послѣ жнива бываютъ крестные ходы съ св. образами. Начатки житъ и первые сопы, такъ равно и первые

(239) *Strilteri* memoriae populorum. t. IV. in 4.

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ, по окончаніи жнитва, весь народъ сбирается въ поле дожинать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ: то нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несутъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ ихъ пивомъ и виномъ, поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ, напр. Костромской, когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день Ѳеклы *Заревницы*, 24 Сентября): тогда *овинъ* нарекаютъ *именинникомъ* и варятъ для него кашу молотильщикамъ, которые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ, приговариваютъ: *Хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.* — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи, въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью*: малосемейные зажиточные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда, для угощенія помощниковъ, ставятся на дворѣ кадки съ пивомъ и столы съ хлѣбомъ и солью, калачами, пирогами. На *сиротскую* и *вдовью Помочь* не требуется никакого иждивенія; но сиротъ и вдовъ снабжаютъ всѣмъ тѣмъ, что нужно для такого пиршества: имъ безмездно помогаютъ не только сжать хлѣбъ, но

и запасши на цѣлый годъ дровъ и лучины (240). Въ Яранскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинаютъ удобреніе полей съ Петрова дни *Помочами;* ето называется тамъ: *назьмы грать*, т. е. играть (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣстны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхенъ въ Лифляндской Исторіи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ крашкаго лѣта, во „время жатвы щѣ, которые имѣютъ обширную ниву, обыкновенно сзываютъ довольное число сосѣдей для того, чтобы съ ихъ „помощью скорѣе окончить жатву; етимъ „помощникамъ ввечеру они дѣлаютъ угощеніе, которое тамъ называется *Талкомъ* „(Talckus). Слово сіе происходитъ отъ древняго Естскаго, или Прускаго Talck, значащаго работу не за какую либо плату, но „за кушанье и питье, и хотя приглашенные „на толоку занимаются цѣлый день шя„госпными трудами; однако слѣдующую за

(240) *И. Лепехина* Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналъ Министерства внутр. дѣлъ, 1836, *№ 4. стр.* 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣніи, пляскахъ и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ тамъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе, есть *пастушескіе*, какъ мы замѣтили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октября, бываетъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верстъ по Иртышу ѣздятъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собираніе винограда, такъ въ Россіи *рубленіе и сѣченіе капусты*, или *капустницы*, составляютъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ сбираются дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ хозяева (243).

---

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами постоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и торжественныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на стр. 51, еще *чрезвычайные* или *заповѣдные*, *обык-*

---

(242) Liefländiſche Historia, oder kurze Beſchreibung der denkwürdigſten Kriegs u. Friedens Geſchichte Eſth-Lief u. Lettlandes. Rudolſſt. 1695. 4.

(243) *Письма* Рускаго Офицера, Ѳ. Глинки. М. 1821. ч. 3.

ные: они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю, во время мора или другой напасти. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье*, или *Коровья смерть* во время скотскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами, которыя собираются у околицы, извѣстивъ напередъ, чтобы никто изъ мущинъ не выходилъ на улицу. Шествіе обыкновенно начинается дѣвкою съ образомъ св. Власія; за нею слѣдуетъ женщина верхомъ на помелѣ, съ распущенными волосами, въ одной рубахѣ: она сопровождается толпою бабъ и дѣвокъ съ ухватами и кочергами, косами и серпами, коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами, въ срединѣ ея нагая старуха въ хомутѣ, запряженная въ соху, коею прежды опахиваютъ всю деревню и тѣмъ самымъ, по ихъ вѣрованію, пересѣкаютъ путь коровьей смерти (244). Между простолюдинами встрѣчались примѣры самопожертвованія, или обреченія на вольную смерть, въ случаѣ моровой язвы: по суевѣрному мнѣнію, для прекращенія мора, избранную міромъ по жребію женщину, или даже мущину, зарывали живыхъ въ землю съ пѣтухомъ и кошкою.

(244) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, *изд. В. Броневскаго.* Москва, 1828, 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ *временныхъ, обытныя Пятницы*, въ кои крестьяне зарекаясь работать, обѣщаются праздновать: ето бываетъ по случаю безведрія, неурожая, падежа и другихъ напастей. Для етого даже писались отъ міра такъ называемыя *заповѣдныя записи*; въ собраніи грамотъ И. Н. Царскаго есть двѣ записи *заповѣдныя* XVI вѣка, въ томъ, чтобы по воскресеньямъ и „пятницамъ ра„боты не работати, дѣла не дѣлати ника„кого чернаго, ни угодья, ни бѣлки, ни лѣ„совати, ни рыбы ловити, ни ягодъ, ни „губней не носити.“

---

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни человѣческой, *рожденіе, свадьба* и *смерть*, у всѣхъ почти народовъ ознаменованы особенными праздниками и обрядами. Торжественныя сіи дѣйствія у Русскихъ Славянъ происшекли изъ древняго ихъ быта и вѣрованія, обратились въ обычаи и отчасти привились къ Христіанскимъ обрядамъ, коими сопровождаются сіи при акта жизни семейной. По связи оныхъ съ простонародными праздниками мы ограничимся здѣсь только очерками етихъ семейныхъ праздествъ, кои требуютъ подробнаго мѣстнаго описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству лѣтописца, въ Язычествѣ *игры*, (*ὕγρα*, см. выше), на коихъ они себѣ *брали* (умыкаху) женъ; отсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій лѣтописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо „законъ и обычаи браныи въ нихъ (Славенахъ): „не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху „вечеръ, а утре приношаху по ней, что уза„конено. А Древляне потомъ начаша жити „звѣрьскимъ образомъ скотьски: убиваху дроугъ „друга, ядуще все нечисто, и бракъ въ нихъ „не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, „и Вятичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: „начашя же по малѣ и тіи ясти, нечисто „живоуще въ лѣсехъ, и срамословне и несты„дение діаволоу угажающи възлюбишя, и прѣдъ „отци, и снохами, и матерми, и мраци (браци?) „не возлюбиша, но игрища, межи сѣлъ и ту слѣ„гахоуся рищюще на плясаніа, и отъ плясанія „познаваху, которая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Лѣтопись Несторову по Лаврент. сп., изд. Р. *Тимковскимъ*. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, изд. *Княземъ М. А. Оболенскимъ*. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похотеніе имашь, и опъ очного воззрѣнія,
„и опъ обнаженія мышца и опъ прьстъ руч-
„ныхъ показаніа, и опъ прьстней даралага-
„ніа на прьсты чюжая, шажъ попомъ це-
„лованіа съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ
„ражедгшися слагахоуся, иныхъ поимающе,
„а другыхъ поругавше, мешааху на насмѣа-
„ніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г,
„жены: зане слабъ соущи женскый обычаи,
„и начаша дроуга предъ другою червити лице
„и белимъ прьпи абы оуношя въжелелъ ея
„на похопь.“ Извѣстно, что свадьбамъ предшествуютъ общія гаданія, какія бываютъ о Святкахъ, когда дѣвицами призываетсп *суженой ряженой*. *Свадьба*, по Чешски Weselí, весѣлье, состоитъ изъ *помолвки*, *рукобитья*, или сговора, *дѣвишника* и *вѣнчанія*; симъ обрядамъ предшествуютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюденіе разныхъ примѣтъ. Въ Костромской Г. свадебные пиры: *пропой*, *гостинцы*, *сговоръ* на канунѣ бракосочетанія, то что на Московщинѣ *дѣвишникъ*; а столъ въ первый день брака — *Княжій*. Въ старину употребительно было еще *осыпаніе хмѣлемъ* жениха и невѣсты предъ вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше упомянули мы о *куничномъ*, или *вѣнечной ку-*

(246) *Древняя Росс.* Вивліоѳика, ч. XIII. —

нищѣ, стр. 116, что̀ доселѣ сохраняется у простолюдиновъ, или упоминается въ свадебныхъ пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи. Въ Костромской Г., болѣе въ крестьянскомъ быту, невѣста сирота, за день до вѣнчанія, ходитъ ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться* съ родителями на кладбище; тамъ помолясь на могилахъ, она приговариваетъ: *родимые батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра, прошу родительскаго благословенія!* Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую, т. е. заплетаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы и надѣваютъ повойникъ или кокошникъ: етотъ обрядъ сопровождается *окрутильнымъ обѣдомъ*. Сvмволическими явствами на свадьбѣ бываетъ *коровай*, *перепеча*, *сыръ* и *яишница*. Въ Вельской округѣ и по Вагѣ тещи приносятъ въ Петровъ день на второй годъ брака *сыръ въ почесть зятьямъ*, которые по сему случаю дѣлаютъ пиршество (247). Вѣнчальныя свѣчи служатъ предметами загады-

---

• Moscoviae ortus et progressus. auth. *D. Printz a Bucchau.* Gubenae. 1679. 12. Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 г. Февр. 5 при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Ѳеодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною. М. 1810. 4.

(247) *Карамз.* И. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.

вания о долголѣтіи молодыхъ и зажигающъ во время трудныхъ родовъ для облегченія родильницѣ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „отчасти Славянскіе, „отчасти Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко отгадать: нѣкоторые изъ нихъ обра„зовали любовь, согласіе, чадородіе, богат„ство; другіе должны были удалять дѣйствіе „злаго вещества.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчаются различные свадебные обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравственное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, отъ коего отказалась Рогнѣда Полоцкая, невѣста В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой ночи или торжественное свидѣтельствованіе невинности дѣвической, какое бывало у восточныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Петромъ I, и т. д.

Подобные обряды, оставшіеся теперь у сельскихъ жителей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.
(249) *Iahn Archaeologia biblica*. Viennae, 1814. въ 8.

ских и боярских свадьбахъ, какъ видно изъ описанія оныхъ (250).

Родины празднуются пиршествомъ, на коемъ главное блюдо занимаетъ *каша*. Что жъ касается до обычая *класть на зубокъ*, то вѣроятно оный есть подражаніе принесенію даровъ волхвами рожденному І. Христу. Кромѣ суевѣрныхъ обрядовъ, примѣтъ и предзнаменованій, предшествующихъ и послѣдующихъ родинамъ, извѣстны *розмываніе* рукъ *роженицы съ бабкою* на девятый день, и *опоясываніе младенца* черезъ шесть недѣль послѣ рожденія. Въ Славянскихъ земляхъ издревле существовалъ обрядъ, вѣроятно языческій, перваго обрѣзанія волосъ, или *Постриги* и *Посажденіе на коня* младенцевъ мужескаго пола отъ 4 до 7 лѣтъ: что донынѣ наблюдается у козаковъ (251): у нихъ отецъ и мать, посадивъ на коня младенца, у котораго прорѣзывались зубы, возили его въ церковь, гдѣ служили молебенъ Св. Іоанну воину о томъ, чтобы сынъ ихъ былъ *храбрымъ козакомъ*. Древнѣйшій Польскій Историкъ Мартинъ Галлъ

(250) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россіи, *Г. Успенскаго*. Харьковъ, 1818, 2 ч. въ 8.

(251) Руская старина, изд. *А. Корниловичемъ*. Спб. 1825, въ 16. — Сюда вѣроятно относится пословица: *Невѣста* водится, а женихъ на конѣ садится.

свидѣтельствуетъ, что два странника, угощенные Пястомъ, *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовита. Кадлубко говоритъ, что этотъ рыцарскій обрядъ вступленія дѣтей въ бытіе гражданское раждалъ между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сестрой постригающаго. Послѣ Постригъ, говоритъ Татищевъ, свидѣтель оныхъ, дѣти переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (252). Изъ лѣтописей отечественныхъ видно, что торжественные *Постриги* Великихъ Князей совершались въ церкви, какъ сдѣлалъ В. К. Всеволодъ III въ Суздалѣ съ сыномъ своимъ Юріемъ; Князь Михаилъ въ Новгородѣ у Софіи съ сыномъ Ростиславомъ и Князь Константинъ Всеволодовичь съ дѣтьми своими Власіемъ и Всеволодомъ. Этотъ обрядъ съ XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами.

День плотскаго *рожденія* у Русскихъ не столько празднуемъ былъ, сколько день духовнаго, или *именины*; однако лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Царь Иванъ Васильевичь праздновалъ въ Коломенскомъ селѣ день своего рожденія пиршествомъ: „праздникъ

(252) *Татищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„творяше рожденію своему ; тамо бо во вся „лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древній обычай давать особенныя имена и прозванія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи : отъ етого встрѣчаются въ Исторіи лица, имѣющія по два имени, какъ бывало у Евреевъ (254). Знатные люди писывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ *Дружинами, Истомами, Неудачами, Невѣжами, Тишинами* и т. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣтилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени, одно, полученное при рожденіи, а другое при крещеніи ; послѣднее они таили изъ опасенія, чтобы ихъ не испортили колдовствомъ или чародѣйствомъ (255). Въ доказательство приведемъ здѣсь слѣдующіе примѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л. сказано : „родися у В. Князя Всеволода сынъ „Ѳеодоръ, а прозванъ бысь Ярославъ 6698 г.“ Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г: „родися „Князю Константину Всеволодичю сынъ „Иванъ, глаголемый Всеволодъ.“ Царь Иванъ

(253) *Карамз.* И. Г. Р. т. VIII, прим. 409.

(254) *Iahn* Archaeologia biblica. Viennae. 1814. въ 4.

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и *Древн.* Росс. ч. III.

Васильевичь названъ былъ также Варѳоломеемъ.

Одинъ изъ торжественныхъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины*, или *Тезоименитство* (ἐπωνυμία): послѣднее происходитъ отъ Чешскаго слова tés или téz, *тотъ же*, соотвѣтствующаго Рускому: *тёзка*. Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ этого и пословица: *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежностью имениннаго пира есть пирогъ, который, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предзнаменованіе благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачь* значитъ: *итти на именинный пиръ*, который у нихъ также празднуется три дня: первый называется *краснымъ*, другой — *поутріемъ*, третій — *уставцемъ*. Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ сгибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичь въ день своего тезоименитства носилъ именинный пирогъ къ Патріарху; послѣ поднесенія пирога Свя-

(256) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

пипелю, онъ жаловалъ пирогами Патріаршихъ бояръ и дьяковъ (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ трешины, девяшины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдаются въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, старинные обычаи и примѣты, кои суевѣріе и право давности приобщило къ Христіанскимъ обрядамъ.

Катаніе яицъ и возліянія на могилахъ, въ Родительскія, скаканіе и пѣсни скоморошескія послѣ плача на кладбищахъ, наконецъ попойки представляютъ сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присутствовавшіе при поминкахъ *скоморохи*, коихъ толпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ отъ *Скамаровъ*, народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радуница*, или *Навій вторникъ*, и Троицкая суббота соединялись въ Древности съ *окличками мертвыхъ*. Установленныя православною Церковью для поминовенія усопшихъ *семь вселенскихъ пятни-*

(257) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66. Отъ Скамаровъ происходитъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. скомрахъ и Руское скоморохъ (latro, *nebulo*).

хидъ, а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрѣ, безъ сомнѣнія, имѣли цѣлію и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскѣ и вообще въ Смоленской Г. у простолюдиновъ въ родительскія сбираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и дѣвки свыкаться, оправдывая дѣломъ Гускую пословицу: *Начинаютъ за упокой, а кончатъ за радость.*

Къ домашнимъ праздникамъ причисляется также *Новоселье*, сопровождаемое особенными обрядами и примѣтами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль*, какъ знаменіе спорыньи, довольства и хлѣбосольства — Русской патріархальной добродѣтели. *Ѣздить на пиры, братчины и свадьбы* было въ Русской древности какою-то повинностью, отъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамотами (259); въ нихъ запрещается „намѣстничимъ людямъ и воло„спельнымъ и помѣщиковымъ незваным ѣз„дить на свадьбы, пиры и братчины.“

(259) *Исторія* Росс. Іерархіи, т. I—VII.

§ 9. Самородная поезія есть главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающаяся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій происпекаютъ праздники и обряды съ обрядовыми и миѳическими пѣснями, приговорами и причитаніями. Сіи гласные, самородные памятники Словесности, не смотря на всѣ измѣненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ народнымъ безсмертіемъ, составляютъ завѣтную стихію отечественности. Во всѣхъ населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ языкахъ гласъ радости и печали превращался въ пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные народы пѣснями выражаютъ свои моленія и прокляпія; ибо пѣть — для сердца человѣческаго значитъ жить. У древнихъ изкони пѣсны были законы, бытія племенъ, похвалы богамъ и богатырямъ (260). Пѣснь предшествовала письму. Всякое наставленіе въ религіи и мудрости, воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

(260) Отъ сего νόμος значитъ пѣснь и законъ, также carmen принимается въ смыслѣ пѣсни, молитвы и словъ закона. Encyclopédie des gens du monde, t. V. à Paris. 1835. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ устъ въ уста и пѣвались съ игрою на музикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія стариннихъ обычаевъ и народныхъ пѣсенъ у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наставительными для народа (261). Въ остаткахъ древнихъ пѣсенъ увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія епохи Рускаго народа; что умалчиваетъ лѣтопись, то иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня быль*, сходная съ Нѣмецкою: Die Sage lebt im Geſang — свидѣтельствуетъ, что въ пѣсняхъ сохранялись *былины древнихъ лѣтъ*.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоитъ въ пѣсняхъ, коими онѣ отличаются предъ всѣми другими народами свѣта: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе странники брали съ собою въ путь

---

(261) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*. à S. Pet. 1795. въ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсенъ. Ч. 1 — 4. Москва, 1780, въ 12.

(262) *Stritteri* Memoriae populorum. t. II.

гусли (киѳары), а не оружіе. Неизвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаетъ о *вѣщемъ Боянѣ*, *соловьѣ*, *пѣснетворцѣ стараго времени*, а Волынская лѣтопись о *словутномъ пѣвцѣ Митусѣ*. Когда Кн. Даніилъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Хрістіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, *пѣснь славну пояху има*. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владиміромъ Рюриковичемъ торжествовали *древними пѣснями*. Въ сихъ завѣтныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключаются бытія, мнѣнія, мысли, чувства, надежды народа. — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Хрістіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поезіи, внутренняя сила поетическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ отклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ (263). Народная пѣснь находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣснопѣній: въ чемъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсенъ, миѳическихъ думъ и сказаній

---

(263) *Карамзина* И. Г. Р. т. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства, которое оставило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсенъ носятъ на себѣ миѳическій цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсненные. Въ остаткахъ немногихъ миѳическихъ пѣсенъ и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣты, на пр: *Ладо*, *Дидиладо*, *Купало*, *Туръ*, *Ярило*, *Таусень*, *или Авсень — Дунай*, *Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ хрістіанскими понятіями, на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Вѣнокъ сплести,
Ой дидъ Ладо (265)! —

---

(264) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, ч. II, М. 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, *изд. В. Броневскаго*, 2 ч. Москва, 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣтствуютъ въ Россіи *солнце* на Петровъ день, подобно какъ въ Липовскомъ Секминѣ. См. спр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дождикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсни, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плетней вокругъ Майскихъ деревъ, относятся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По отношенію пѣсенъ къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочныя* (подблюдныя), *колядскія*, *весеннія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладовыя*, по названію Карпато-Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсенъ миѳологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплетися плетень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляютъ мѣстныя оттѣнки по своему содержанію и выраженію, достойныя изслѣдованія;

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, соч. *А. Глаголева*. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ утратили въ одномъ мѣстѣ, то сохраняютъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Руссія *заклинательныя пѣсни*, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть остатки древней восточной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ временъ. У Финновъ *чародѣйныя пѣсни* (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ стихотвореній; на Англосаксскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Литовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ *пѣсни русалокъ, вѣдьмъ* и *солнцевыхъ дѣвъ*.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяков„скій, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ „богослужители были первенствующими сти„хотворцами. Стихами не только прославляли „они божество; но и достоинство свое от„мѣняли симъ родомъ рѣчи отъ общаго и про-

---

(268) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре„цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму„щество имѣли, и были главные и лучшіе, „въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ. „И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновен„нымъ въ составленіи стиха, долженствуетъ „быть самое древнее стихотвореніе наше. „Неподозрительными и живыми свидѣтелями „*простонародныя пѣсни* наши сіе точно свой„ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На„родный составъ стиховъ есть подлинный „списокъ съ богослужительскаго. Воззримъ те„перь на начало нашего Хрістіанства: ви„димъ мысленно сущую нужду его, токмо то „изтребить у насъ, что непосредственно „касалось до богослуженія ложнаго: на народ„ныя, гражданскія и дружескія употребленія „не съ толикимъ съ начала ревнованіемъ оно „взирало. — И такъ, многодѣльное тогда „первое наше Хрістіанство, хотя искоренило „всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя про„славленія богамъ и богинямъ; однако, съ „пренебреженія, или за упражненіями, „не коснулось къ простонароднымъ обыкно„веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве„селительныхъ пѣсенъ, а съ ними способъ „сложенія стиховъ. Сіе точно и есть перво„*родное* и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ простонарод-
„ныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣ-
„сняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Хрі-
„стіанство, истребившее всѣ идольскія бо-
„гослуженія и уничтожившее вконецъ спле-
„шенныя пѣсни стихами въ похвалу идоламъ,
„лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочти-
„тельнаго стихотворенія. Пребывало двою-
„родное родство его токмо, чтобъ, такъ
„сказать, какъ въ залогѣ у самаго онаго про-
„стаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и пре-
„ходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ престa-
„рѣнія“ (270).

Изъ Исторіи Саксоніи и Польши извѣстно, съ какимъ стараніемъ истреблялись тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣняемы были хрістіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности къ Православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію, называютъ старинныя пѣсни, какія пѣвались о праздникахъ простонародныхъ, *сатанинскими*, *бѣсовскими*, *отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ*. Объ нихъ упоминаютъ Номоканоны и

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, въ Спб. 1755, Апрѣль.

(271) *Miscellanea* Cracoviensia, an. 1806. fasc. XI.

Стоглавъ. Препод. Памфилъ, при описаніи Купальскаго праздника, въ посланіи своемъ къ Намѣстнику Псковскому, говоритъ, что тогда „егда не весь градъ возмятется и въ „селѣхъ возбѣсятся въ бубны и сопѣли и гу„деніемъ спруннымъ, и всякими неподобными „играми сатанинскими, плесканіемъ и пля„саніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами кива„ніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, всѣ„скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе“ (272).

Въ *свадебныхъ пѣснях*ъ, нашихъ епиталамахъ, столь обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще непроспывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая картина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ нерѣдко проникнуты бываютъ глубокими и умильными чувствованіями. Едва ли есть народъ, кромѣ Рускихъ, особливо Малороссіанъ, у коего можно бъ было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсенъ. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами настоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла столь естественное происхожденіе.

---

(272) *Карамз.* И. Г. Р. ш. I.

Похороны и поминки сопровождаются *причитаніями* или *голошеньемъ*, въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы сиротѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими *ἐλεμοί*, съ Римскими laudes funebres, naeniae и Литовскими заупокойными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Латыши Балтійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Ступай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не тобою Нѣмцы, но ты Нѣмцами бу„дешь повелѣвать! Вотъ тебѣ на дорогу за„пасъ, оружіе и деньги.“ — Сарницкій говоритъ: „на Руси пѣвались елегіи въ па„мять двухъ храбрыхъ братьевъ Спрусевъ, „павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами.“ „Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія „со словами, они иногда сопровождаютъ пѣніе „оныхъ печальными звуками свирѣли (274).“ Въ нашихъ лѣтописяхъ, умильныхъ повѣ-

(273) Liefländische Historia. Rudolfstadt. 1695. 4.
(274) Annales regni Poloniei. II.

стяхъ, сказаніяхъ и въ иностранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились остатки таковыхъ причитаній, кои и доселѣ употребляются между просполюдинами и старовѣрами. *Пѣсни дьявольскія* (carmina diabolica), какія простой народъ имѣлъ обыкновеніе пѣть ночью надъ усопшими, запрещаются пастырскимъ посланіемъ къ пресвитерамъ Епископа Веронскаго Рашерія (275).

Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсенъ почти всѣ заунывные и часто торжественные: они отзываются не звуками рабства Татарскаго, какъ думаютъ иностранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ тономъ, тоскливостію о прошедшемъ и будущемъ, какъ таинственные отголоски умиленной души. Если всѣ онѣ будутъ собраны и изданы отчетливо: тогда только съ достовѣрностію можно вывести изъ нихъ заключенія о духѣ самородной поэзіи Руской.

Что касается до *игръ*, говоритъ О. Миллеръ (276), то „надобно допустить такое время въ древней Исторіи народовъ, когда

(275) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. II. Halae, 1773. 8. v. vox *carmen*.

(276) Die Etrusker von O. Müller. Breslau, 1828. 8.

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, такъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жертвенною трапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и постепенное отдѣленіе. Также въ его раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все составляетъ съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда стали отдѣляться или входить въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу отпадали отъ своего цѣлаго." Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности ludi составляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Рускаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что Γυρά (ὄρχησις), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками отъ Персовъ (277). Степенная книга, Стриковскій и Герберштеинъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, l. VIII.

въ Волховъ, кинулъ Новгородцамъ на мостъ палицу съ слѣдующими словами: *Храните ее, граждане, въ память мою!* (278). О подобной игрѣ говорится въ правилахъ Кирилла Мипрополита Рускаго, какъ о *бѣсовскомъ позорѣ треклятыхъ Еллинъ*; и въ договорѣ Гопландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в., гдѣ сказано, что „неистовая забава, въ коей „люди бьются дрекольемъ, не должна быть „терпима на улицѣ между дворами Нѣмец„кими; чтобы Россіане и гости не имѣли „повода къ ссорамъ.“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами; по мнѣнію М. Я. Діева, похоже на Самоѣдскій Пендеръ, описанный Бруиномъ въ путешествіи. — Что жъ касается до *игрушекъ*, или *игръ*: то онѣ были родъ богатырскихъ потѣхъ, или турнировъ, о какихъ говорится въ лѣтописяхъ. Волынская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что когда Князь Роспиславъ въ XIII вѣкѣ споялъ у Ярославля, *сотвори игру* предъ градомъ. Кіевская лѣтопись говоритъ, что „Угри на фарѣхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (279).“

---

(278) *М. Евгенія* разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, *т.* II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на „коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Велико„княжескаго пѣстуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ потѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Спиридовскій и сочинитель Сунопсиса называютъ *дьявольскою стѣю* (281). Изъ лѣтописей, Номоканона и Пролога видно, что въ святки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ Латинскаго scurra шутъ. Въ харатейной Кормчей XIII в. маскированье святочное называется: „ѡбличья игрьць и ликъсвеникъ.“ Въ Патерикѣ Печерскомъ упоминается о *лудѣ на бѣсѣ въ образѣ Ляха* (282): отсюда и *Москолюдство*, состоящее, по мнѣнію Р. Тимковскаго, изъ словъ *маска* и *лудъ*. Въ харатейномъ Прологѣ 1432, въ листѣ, хранящемся въ Императорской Публ. Библіотекѣ, говорится въ житіи Преп. Нифонта, что „въ церковные празд-

(280) *Карамз.* И. Г. Р. т. V, прим. 251.

(281) *І. Рацча* Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. въ 4.

(282) см. Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort luda? eine antiquarische Abhandlung von A. J. *Sjögren*. S. Petersb. *1834*. 4.

„ники ови бьяху в бубны, друзіи же въ ко-
„зицѣ и в сопѣли сопяху, иниже възложив-
„ше на лица скурапы, идяху на глумленье
„человѣкомъ, и мнози оставивше церковь на
„позоръ шечаху, и нарекоша игры тѣ *Ру-*
„салья.“ Русальные сіи хороводы въ харатей-
номъ спискѣ Нестора названы *Русальче*, по
изъясненію Карамзина, игрище (283). Кромѣ
кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*,
или *Слѣпа баба*, извѣстныя въ Кіевской Г.
подъ названіемъ *Желѣзной бабы*, *Горѣлки*, *Гу-*
лючки и проч. Описаніе игръ Рускаго народа
составитъ особенный отдѣлъ, занимательный по своему содержанію и немаловажный въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія Гг. Голембовскаго, Нарбута, Гюпри и И. П. Сахарова могутъ быть руководствами въ этомъ предметѣ народности.

При обозрѣніи Рускихъ простонародныхъ праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами открывается, что большая часть оныхъ относится къ Славяно-Руской Миѳологіи, которая образовалась въ ту эпоху человѣческой мысли, когда неопредѣленность оной равняетъ

---

(283) *Карам.* И. Г. Р. т. II, прим. 113.

ся ея смѣлости и когда собственная Исторія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Отечественныя божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣстности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и мнѣніямъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: то и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духѣ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ: то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и произшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и протекая сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣстности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растѣній часто заносятся вѣтромъ на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перераждаясь, принимаютъ особенные виды и цвѣты.

Изслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія человѣчества и народности, коимъ столь же сродно вѣрованіе и богопочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни человѣчества и отличительныя черты народности въ завѣтныхъ ея стихіяхъ: однѣ объясняются другими.

Различіе же въ простонародныхъ Рускихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія стихій народности, какія входили въ оные, въ предъисторическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Рускія преобладающія стихіи миѳическаго міра *Восточная*, *Греческая* и *Скандинавская* проявляются въ трехъ главныхъ средоточіяхъ, или узлахъ Россіи: Кіевѣ, Новгородьѣ и Московщинѣ, гдѣ разселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя стихіи народности нерѣдко у Рускихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: то отъ сліянія оныхъ вѣроятно происпекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у старожиловъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Востока; слѣды оныхъ остались въ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жили Финны, Меря, Мурома и прочіе народцы, исчисленные у лѣтописцевъ нашихъ. Самыя сказки наши намекаютъ о появленіи *Руси* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Рускаго духа слыхомъ не слыхано, и видомъ не видано.* Хотя, при постепенномъ переходѣ Рускихъ Славянъ отъ отечественнаго Язычества къ Хрістіанству, живыя нѣкогда вѣрованія и суевѣрные обряды время отъ времени истреблялись, или замѣняемы были другими вновь введенными обычаями; однако они, какъ завѣтныя стихіи древней народности, обращались въ игру жизни, и подъ видомъ привычныхъ и срочныхъ потѣхъ и увеселеній, сквозь ряды вѣковъ и переворотовъ, достигли нашихъ Временъ, допускались, скажемъ словами Петра Великаго, *для народнаго полированія.* Просполюдины, живущіе болѣе по отеческимъ преданіямъ и не перемѣняющіе своего древняго быта, не хотѣли и не могли разстаться съ оными и замѣнить старые обычаи другими новыми, имъ чуждыми. Они тѣмъ болѣе старались удержать древнія отечественныя празднества, что онѣ соединены были съ различными играми и увеселеніями, что онѣ составляли стихію его *жизни* общественной и семейной.

Доказательства жъ о происхожденіи народныхъ Рускихъ праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Рускаго Язычества находятся:

1) Въ свидѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, которые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими требами* и т. д.

2) Въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко вспоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце, свѣтелъ мѣсяцъ, мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаѣ дѣлать чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ-то: при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки; въ представленіи избранными отъ міра лицами *Ярилы* (284), *Тура* (285), *Костромы*, *Масляницы*,

(284) На празднествѣ Ярилы въ Костромѣ, по свидѣтельству старожиловъ, въ Всесвятское заговѣнье одинъ мужикъ нашивалъ изображеніе мущины, украшеннаго лентами съ большимъ дѣпороднымъ удомъ, въ ящикѣ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плачевными причётами зарывали въ землю. Это похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Общество. *Туръ* вѣроятно тотъ же *Ярило*.

Пятницы и т. д. Сюда же отнести должно особенное въ народѣ благоговѣніе (восточнаго происхожденія) къ нѣкоторымъ огромнымъ *камнямъ*, къ старымъ дуплистымъ *деревьямъ* и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Миѳологія представляетъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, такъ равно дуализмъ въ Бѣлбогѣ и Чернобогѣ, въ Купалѣ и Купальницѣ, Дидѣ и Ладѣ, Царѣ-огнѣ и Царицѣ-водицѣ и т. д.

4) Въ благоговѣніи къ первенствующимъ, *царственнымъ* стихіямъ, *огню* и *водѣ*, олицетворяемымъ то *Перуномъ*, то *Зничемъ*, то *Купалою*, то *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои боготворимы были собственно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Что-жъ касается до перескакиванія черезъ огонь и омовенія или обливанія, то онѣ не столько произошли изъ обоготворенія рѣкъ и огня, сколько изъ идеи очищенія, какую находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельству Плано-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Татаръ при Батыѣ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣтахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйствахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

нены *Святки* и *Семикъ*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. *И. Сахарова*. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что нѣкоторыя кощунства и примѣты возникли во время борьбы Христіанства съ Язычествомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игрищъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычествѣ: *берега рѣкъ и озеръ*, проводниковъ народонаселенія на Сѣверѣ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ идолослуженія—*горы* и *курганы*, сіи колыбели и могилы (287) человѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — *дубравы*, первые его пріюты и кущи языческихъ требищъ. Когда же развилась общественная и семейная жизнь въ селеніяхъ: тогда и праздники народа вышли *на улицу*, тогда само-

---

(286) Изъ ругательствъ воиновъ Ростиславовыхъ на Григорія Чудотворца видно, что встрѣча съ монахомъ почиталась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдствія. см. *Патерикъ Печерскій*. Владиміръ Мономахъ въ духовной тоже говоритъ. *Въ Потребникѣ*, М. 1639, упоминается: о вѣрованіи *въ чохъ и встрѣчу*.

(287) Многія старинныя кладбища и жальники на горахъ: въ Ярославлѣ и въ Костромской Г. *Туговы горы* отъ слова *туга* — тужить.

бытность и общежительность высказались въ пословицѣ: *На нашей улицѣ праздникъ.*

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились въ епоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особливо относящіеся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Рускаго Хрістіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ, шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго истреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣтные, отеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ ету епоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ хрістіанскимъ, коль скоро не противорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Хрістіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ — природы, только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило отъ чувственнаго къ духовному, другое напротивъ того низводило отъ духовнаго къ чувственному; одно спремилось къ единству, другое къ многообразію и многочастности,

какія проявились въ миѳахъ физическихъ и религіозныхъ; одно было чисто нравственное, другое, обращаясь въ кругу жизни чувственной, покланялось и стихіямъ міра и страстямъ своимъ, представляло божественное въ слiяніи съ силами природы. Мысль о первообразномъ, священномъ въ символѣ имѣетъ своимъ источникомъ древнее народное вѣрованіе, которое одушевляя весь міръ, его силы и явленія, сближаетъ человѣка съ духовными, сверхъ-естественными силами, ему содѣйствующими или противодѣйствующими, кои обращаются въ предметы его благоговѣнія. Если бы въ символахъ не было историческаго, нравственнаго и священнаго знаменованія: то они не возбуждали бы одинакихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ понятій, не были бы повсемѣстными. Большая часть оныхъ просты и разрѣшаются на три составныя нача́ла, соотвѣтствующія тремъ стихійнымъ цвѣтамъ: землю, воду и огонь. По такой общности символовъ, грубое суевѣріе нерѣдко облекало въ свои пелены чистѣйшія Христіанскія понятія: отъ сего удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Христіанства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы* и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ, *празднуемыхъ* Церковію, заимствованныя отъ

годовыхъ временъ, отъ сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей, превратились въ какія-то знаменія, имѣющія цвѣтъ миѳическій, напр: *Лѣтопроводецъ* (св. Симеонъ), *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ), *Запрягальникъ* (св. Іеремія), *Заревница* (св. Ѳекла), *Колосяница* (св. Ѳеодосія), *Гречишница* (св. Акилина) и т. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры, чтобы отвлечь простой народъ отъ языческихъ празднествъ, противопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ, напр: въ день Семика обычай погребать и поминать убогихъ собраній на убогихъ домахъ, или отеческихъ скудельницахъ и т. д. Такъ въ Римскихъ областяхъ проповѣдники Евангелія при Константинѣ Великомъ иногда снисходили тѣмъ языческимъ обычаямъ, съ коими не могъ или не хотѣлъ разстаться народъ, закоснѣвшій въ отеческихъ повѣрьяхъ, если они не представляли явнаго нечестія и разврата (288). Тамъ, вмѣсто нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, установлялись крестныя хожденія.

Патріархъ Вальсамонъ въ XII в. такъ описываетъ Греческіе обряды, совершенно

(288) Обозрѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ, соч. *Барона Розенкампфа*. М. 1829, въ 8.

сходные съ Рускими купальскими и свя-
тошными: „Язычники въ 23 день Іюня;
„ввечеру, сбирались на берегахъ рѣкъ, и въ
„нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены укра-
„шали перворожденную дѣву на подобіе не-
„вѣсты. Притомъ пировали и плясали, кру-
„жились, совершая предпразднество въ честь
„богини Весты. Между тѣмъ бросали разныя
„вещи въ сосудъ, наполненный водою. Наря-
„женная дѣвица, по вынутіи каждой вещи,
„предсказывала будущее тому, кто клалъ
„оную. На другой день, съ музыкою и пля-
„ской всѣ выходили за водой и кропили оною
„свои домы, а потомъ во всю ночь прыга-
„ли чрезъ зажженные костры. Церковные
„учители, постепенно отклоняя новыхъ Хрі-
„стіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за
„нужное при водоосвященіи сочинить для
„онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Ма-
„ріи“ (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣ-
дующее о позорищахъ въ Рождественскихъ свят-
кахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху:
„Въ церквахъ совершаются позорища и не толь-
„ко вводятся для потѣхи чудовищныя личины;

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясне-
ніе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепи-
скопа Веніамина*. Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкоторыхъ праздникахъ участ-
„вуютъ сами діаконы и пресвитеры. “ Таковы были въ Римской церкви *праздники ослій, дураковъ, пьяныхъ дьяконовъ* и т. п. Св. Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату Меллиту замѣчаетъ слѣдующее объ Англосаксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ), сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Славянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ,
„что у Англовъ отнюдь не должно истреб-
„лять капища, но только уничтожать на-
„ходящіеся въ нихъ идолы и, по окропленіи
„св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари.
„Такимъ средствомъ надобно обращать на-
„родъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію
„истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда
„онъ издавна привыкъ стекаться. А какъ при
„жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно
„убивали многихъ быковъ; то и сіе пирше-
„ство должно также измѣниться: пусть въ
„праздники церковные дѣлаются шалаши изъ
„древесныхъ вѣтвей вокругъ св. храмовъ, пре-
„вращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ
„дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, снѣдая
„мясо животныхъ во славу Божію и за насы-
„щеніе принося благодареніе Подателю благъ.“

Такія пиршества въ храмовые праздники имѣли *связь* съ торгами или ярмарками,

такъ что промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ ἀγορά значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслѣ торга, а πανήγυρις торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ: въ Корелiи при храмѣ Золотой Бабы, на Ругенѣ при капищѣ Святовида, въ Росповѣ *сборъ* вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянскаго Волоса, такъ какъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно сбираются торги и ярмарки и извѣстныя десять *торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, что на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды сего остались въ мірской сходкѣ.

Нигдѣ столько не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полнотѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характеристику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностію. Рускіе народные

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 8. стр. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, отличаясь своею веселостью и игривостью, превышаютъ ихъ своею разгульностію, какой предается простолюдинъ во дни своего покоя и свободы отъ трудовъ. Онъ ждетъ праздника какъ дня жизненной отрады, и являясь на ономъ въ праздничномъ кафтанѣ, веселится съ упоеніемъ, оправдывая свою отечественную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свету пьянъ.* Въ его понятіи праздникъ есть льгота и веселье, въ коихъ онъ почерпаетъ новыя силы къ тягостнымъ трудамъ и къ борьбѣ съ суровою своей природой. Такъ праздники народа, поезія его жизни, имѣютъ тѣсную связь съ его семейнымъ бытомъ и нравственностію, съ его прошедшимъ и настоящимъ.

Исторія всякаго извѣстнаго народа обыкновенно начинается темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнительными. Осторожная критика не отвергаетъ однако етихъ древнихъ сказаній изъ предъисторическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что нерѣдко невозможное дѣлается вѣроятнымъ, а вѣроятное несомнительнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и остатки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія физіогномію древней народности. Предметы сіи всегда подстрекаютъ ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ отдаленные памятники Миѳологіи и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяютъ кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поезія, которая обогащается изъ сего источника. По такому-то отношенію Руской Еортологіи къ Археологіи, Исторіи и Филологіи отечественной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣтныхъ стихій жизни народной, развивавшихся въ разныя ея епохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московщина* употреблено мною потому, что я въ такомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамотахъ, а *Новгородье* въ Супрасльской рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ стр. 67. Въ странахъ *Латинскихъ* означаетъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскерадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Bál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаетъ также strues lignorum, rogus, руга.

Къ стр. 73. Sankt H. A. Св. Іоанна вечеръ.

На 78 стран. стр. 13: вм. der читай den.

Къ стран. 85. стр. 14. Sialudagr, по Ислан.: Sáladagr, а по Датски Sjaeledag.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался Bruna-old вѣкъ сожженія и Haug-old вѣкъ погребенія. Потомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Голштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ стран. 61. 'Ar по Ислан. annus, annona.

Къ стран. 87. Taka есть старинное Исландское слово. Кофобъ Анкеръ въ объясненіи Ютландскаго права говоритъ: *tak* cautio fideiiussoria, порука, поручитель.

Къ стран. 91. *Mara* по Исландски incubus, ephialtes, Kobold, *κόβαλος*. *Мара* по Малоросс. призракъ; по Польски то же; по Нижнесаксонски: Mahr; отшого Mährchen. Польск. пословица: Sen mara, bóg

wiara, сонъ — мечта, а вѣришь должно Богу. Сюда же принадлежитъ Marzana, которую Кромеръ сравниваетъ съ Церерою.

На стран. 93, вм. подъ именемъ Жмуди, читай: подъ симъ именемъ и Жмуди.

Къ стран. 93. У Католиковъ съ Стефану празднуется 26 Дек.

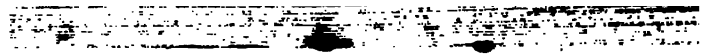
На стран. 173, на стр. 10 вм. Орловской читай: Въ Орловской.

На стр. 218, въ концѣ слова *сказаній* поставишь точку.

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

I. СВЯТКИ.
II. АВСЕНЬ.
III. МАСЛЯНИЦА.



РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ II.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1838.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 19 го дня 1838 года.

Цензоръ В. [illegible]ровъ.

I.

СВЯТКИ.

Святки, или *Святые вечера*, составляютъ народный зимній праздникъ, коимъ оканчивается одинъ годъ и начинается другой; онъ продолжается 12 дней, отъ Рождества Хрістова до Богоявленія. *Святками* въ просторѣчіи называются дни праздника Рождества Хрістова, съ 25 го Декабря по 5 е Января; они слывутъ также *Святыми вечерами* и по названію своему соотвѣтствуютъ *священнымъ ночамъ* у Нѣмцевъ (Weihnächten). На другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *Святки* (Swatki) значатъ *праздники*, какъ мы замѣтили въ 1 й части етой книги. Кромѣ сего, ни одинъ изъ церковныхъ и народныхъ праздниковъ въ великой Россіи не именуется *Святками*, между тѣмъ какъ въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Польшѣ другіе праздники извѣстны подъ именемъ *Святокъ* (Swiątki), на пр: *Зеленыя Святки*, или Троицкая недѣля. По етому заключить можно, что и названіе и большая часть святошныхъ игрищь перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россіи.

Ни въ одномъ праздникѣ народномъ не заключается столько обычаевъ, обрядовъ, примѣтъ, сколько отношеній къ жизненскимъ потребностямъ и времени года, какъ въ Святкахъ. Въ немъ представляется странная смѣсь совершенно разнородныхъ стихій: тутъ мы видимъ и суевѣрные языческіе обычаи и нѣкоторыя Христіанскія воспоминанія о Рождествѣ Спасителя міра. Къ первымъ относятся *гаданье*, *наряжанье* и разныя *игры*, отличающіяся сценическою изобразительностію; ко вторымъ *славленье*, или хожденіе дѣтей по домамъ съ рацеями, вертепомъ, звѣздою и т. п. По имени и цѣли своей Святки собственно должны святить благочестіемъ великое и отрадное для Христіанскаго міра событіе; но какъ незапамятная давность ввела въ сіи торжественные дни обычаи и обряды, ведущіе начало свое отъ древняго Славянорускаго Язычества и извѣстные во всемъ Славянскомъ мірѣ подъ разными именами: то мы и обратимся къ тѣмъ временамъ и мѣстамъ, гдѣ они проявлялись, потомъ изложимъ описаніе Святокъ въ Древности и въ новѣйшія времена у Рускихъ въ разныхъ областяхъ великой Россіи.

Въ малой и бѣлой Россіи и у Славянскихъ племенъ Святки именуются *Каледою*, или *Коледою*, *Колядками*, кои, по видимому, сходны съ Римскими Kalendae отъ καλεῖν называть,

или kalare опредѣлять *время*, по Санскр: Kâla. „Кала́нди, по толкованію Кормчей книги, „суть первіи въ коемждо мѣсяцѣ дніе, въ нихъ „же обычай бѣ Еллиномъ творити жертвы „и воны, и врумаліи: еллинстіи бяху празд„ницы.“ Въ харатейной Кормчей, XIII в., хранящейся въ Патріаршей библіотекѣ, подъ No 8 (132), упоминаются: „сице глаголемыя „Коляды.“ Въ 62 правилѣ Стоглава то же повторяется съ нѣкоторыми дополненіями, относящимися къ отечественнымъ обычаямъ, именно: „Празднованіе веліе торжественно „сотворяюще, и игранія многа содѣвашеся по „еллинскому обычаю.“ Хотя Каланды, Калапты, Kalcandach, т. е. Календы, въ Кормчей и Стоглавѣ называются *еллинскими* праздниками; но извѣстно, что не у Грековъ, а у Римлянъ были календы въ мѣсяцахъ и что Св. Отцы именовали *Еллинами* всѣхъ язычниковъ въ противоположность какъ православнымъ Грекамъ, такъ равно Іудеямъ (1): слѣдственно здѣсь разумѣются подъ именемъ Еллинскихъ языческіе *поганскіе* обычаи.

Въ Египетскомъ, Индѣйскомъ, Греческомъ и Римскомъ мірѣ Исторія открываетъ слѣды подобнаго Славяно-Рускому праздне-

(1) J. C. *Suiceri* Thesaurus ecclesiasticus. Amstel. 1772, f.

ства, которое состояло въ маскированіи, переряживаніи и гаданіи: что̀ вѣроятно, перешло черезъ всю Европу и повторилось въ Скандинавіи. Египетскіе жрецы, празднуя возстаніе Озириса, или новый годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣвъ на себя личины и подъ видомъ различныхъ божествъ, шествовали по стогнамъ города. Пляски и пиршества слѣдовали за празднованіемъ таинствъ, о коихъ мы не имѣемъ совершеннаго понятія. Барельефы и гіероглифы на стѣнахъ храмовъ Мемфійскихъ и Ѳивскихъ доказываютъ, что сіи маскарады были дѣйствіемъ священнымъ для народа и что они отправлялись въ новолѣтіе (2). — Тогда же праздновалось у Персовъ рожденіе Миѳры, у Индѣйцевъ Перунъ-Понголъ и Угады (Ougadhy).

Греки, народъ веселый и изобрѣтательный, дали этому празднику, означавшему переходъ отъ стараго года къ новому, видъ болѣе радостный и торжественный: у нихъ при этомъ случаѣ юноши переряжались въ дѣвицъ, а жены въ мужей; и три дня, посвященные на празднованіе начала года, у Византійцевъ названы были праздникомъ Календовъ

(2) *Krausers* Symbolik, I t. p. 164—275. W. Wachsmuth Hellen. Alterthumskunde. 2 Th. Halle. 1830. 8. — Замѣчанія о Календахъ Барона Розенкампфа, въ рукописи.

(*Καλανδῶν ἑορτή*). Между гаданіями у Грековъ, которые нѣкогда имѣли въ Смирнѣ и храмъ *κληδόνες*, было *κληδῶν*, похожее на наше святошное съ подблюдными пѣснями. Молодыя Гречанки, въ Іюнѣ, собравшись въ одно мѣсто, клали свои кольцы, перстни, серьги и монеты въ сосудъ, наполненный водою и, при пѣніи гадательныхъ пѣсенъ, вынимали ихъ, и чья вещь вынется при какой пѣсни, тому то, по ихъ мнѣнію, и сбудется. Это подтверждается словами Валсамона. см. ч. I сей книги, стр. 240.

У Римлянъ также распространились такія торжества и таинства, кои сдѣлались у нихъ болѣе шумными, чѣмъ у Грековъ, обращены были въ важнѣйшіе гражданскіе праздники, въ дни обѣтные (dies votivae), кои имѣли характеръ политическій и религіозный. Календы даже поощажены и терпимы были Константиномъ великимъ, который тогда, видя невозможность совершенно изтребить сіи обычаи, укоренившіеся въ народѣ, старался, по крайней мѣрѣ, прекратить безчинства слѣдующимъ закономъ, изданнымъ за четыре года до Никейскаго собора (3):

(3) Sicut indignissimum videbatur *dies solis* veneratione sui celebres altercantibus jurgiis et noxiis partium contentionibus occupari, ita gratum ac jucundum est iis diebus, quae sunt maxime votivae compleri. Atque ideo emancipandi et manumittendi die festo cuncti licentiam habeant.

„Какъ постыднымъ казалось въ *дни солн-ца* (такъ назывался въ Древности етотъ праздникъ у Римлянъ, прежде чѣмъ онъ перенесенъ былъ на 1 Января подъ именемъ Январскихъ календъ), „именитые по уваже-„нію къ нимъ, заниматься тяжбами и непоз-„волительными состязаніями: такъ, напро-„тивъ того, приятно и благородно поздрав-„лять въ сіи дни, кои суть обѣтные. Также „всѣмъ позволяется въ праздникъ отпускать „на волю и освобождать отъ власти отцов-„ской.“ Подъ словомъ contentiones partium, по мнѣнію Б. Розенкампфа, разумѣлись безчин-ства маскарадовъ, въ коихъ участвовали мущины и женщины. Въ концѣ IV вѣка Императоръ Валентиніанъ издалъ особен-ное постановленіе о Январскихъ календахъ, именно: „Повелѣваемъ во всѣ дни чинить „судъ и расправу. Однако же надлежитъ „оставаться праздничными пѣмъ днямъ, „кои даются въ продолженіи двухъ мѣся-„цевъ года, для успокоенія отъ трудовъ по „причинѣ лѣтнихъ жаровъ и осенью для „снятія плодовъ земныхъ и древесныхъ, „также освобождаемъ отъ трудовъ въ извѣ-„стные дни Январскихъ календъ. Къ нимъ „присоединяемъ дни основанія знаменитѣй-„шихъ городовъ Рима и Конспантинопо-„ля, также священные дни Пасхи, пред-

„ществующіе и послѣдующіе въ числѣ се-
„ми, день Рождества и Богоявленія Хри-
„спа“ и пр. (4).

Св. проповѣдники Хрістіанства, утверждая благоговѣйныя торжества и праздники, поставляли ихъ въ противуположность съ языческими, кои замѣнялись оными, и понятія народа, относившіяся къ предметамъ чувственнымъ, обращали къ духовнымъ. Такъ учрежденіе Церковію въ 24 д. Декабря высокаго праздника рожденія Свѣта міру, Солнца правды, смертію смерть поправшаго, было противоположностію языческимъ Врумаліямъ и празднеству Солнца, рождеству Непобѣдимаго (Natales Invicti sc. solis), которое отправлялось въ Римѣ 24 и 25 Декабря, и рожденія Миеры, коему подъ разными именами поклоня-

---

(4) Въ VI вѣкѣ только Юстиніанъ опредѣлилъ праздникъ Р. Х. слѣдующимъ закономъ: Omnes dies jubemus esse juridicos. Illos tamen manere feriarum dies fas erit, quos geminis mensibus ad requiem laboris indulgentior annus excepit: aestivis fervoribus mitigandis: et autumno fructibus discerpendis; kalandarum quoque Ianuarinarum consuetos dies otio mancipimus. His adjicimus natalitios dies urbium maximarum Romae et Constantinopoleos. Sacros quoque Paschae dies, qui septenno numero vel praecedunt vel sequuntur. Dies etiam natalis, atque Epiphanarium Christi и т. См. Обозрѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ. соч. *Б. Розенкампфа*. М. 1829, въ 8.

лись отъ Днѣпра до Парижа (5). Вотъ почему иногда дѣлается примѣненіе и сравненіе рожденнаго Христа съ возраждающимся и объюнѣвшимъ солнцемъ, какъ сказано въ словѣ на Р. Х. „*Сіяла Августови показа дѣвицу младенца на руку держащую* (6). Яснѣе еще сдѣлано такое примѣненіе въ слѣдующемъ древнемъ пѣснопѣніи Римско-Католической церкви, гдѣ оно называлось Koledo (7):

Солнце на зимнюю грань едва лишь стало — внезапно
Новое съ нимъ возшекло свѣтило, бури смиряя:
Воплотился Христосъ! и лучь проливая спасенья,
Днямъ растущимъ велѣлъ питаться добычею ночи!

Календы принадлежали еще народу, который съ перемѣною религіи и законовъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ старыхъ обычаевъ и увеселеній, не смотря на всѣ старанія Духовенства отвратить его отъ етихъ обычаевъ, кои часто превращались въ безчинства. Тертулліанъ вооружался противъ Календскихъ бѣснованій и особенно противъ маскированія. С. Іоаннъ Златоустъ укоряетъ Христіанъ въ томъ, что „они вѣ-„ряютъ, что если проведутъ новолуніе сего „мѣсяца въ удовольствіи и весельи, то и

(5) Réligions de l'antiquité, par Dr. *Creuzer*, refondu en partie et complété par *J. D. Guigniaut*. t. I. à Paris. 1826.

(6) Четьи Минеи, Декабрь. (7) прелож. *А. И. Муравьева.*

„цѣлый годъ будетъ для нихъ такимъ же.“ Таковая примѣта соединялась съ трапезою наканунѣ Рождества Хр. у Славянскихъ племенъ. Етотъ языческій обычай встрѣчается въ древности, какъ видно изъ словъ Пр. Исаіи, г. 65 ст. 11: „Вы же оставшіи мя, „и забывающіи гору святую мою, и *уготов-* „*ляющіи демону* (*Gad*) *трапезу* и исполняю- „щіи *щастію раствореніе*, и пр.“ Въ объясненіи на ето мѣсто блаж. Іеронимъ пишетъ, что „во всѣхъ городахъ, особенно въ Египтѣ и Александріи существуетъ древній языческій обычай: ставитъ въ послѣдній день года трапезу, наполненную всякаго рода кушаньями, и чашу вина въ знаменіе плодородія прошедшаго или наступающаго года.“ Папа Захарій въ декретѣ своемъ запрещаетъ „отправ- „лять Январскія календы по языческому обы- „чаю и учреждать трапезы въ домѣ своемъ.“ Бонифацій, Апостолъ Нѣмцевъ, етому Папѣ доноситъ, что „въ ночь Январскихъ календъ язычники ходятъ по улицамъ въ хороводахъ съ восклицаніями и нечестивыми пѣснями.“ То же встрѣчается и въ Скандинавіи. — Блаж. Августинъ въ бесѣдѣ своей de Kalendis Januariis (8) говоритъ, что они происходятъ отъ Яна, вождя язычниковъ, котораго они боялись, какъ

(8) Homelia B. Augustini de kalendis Ianuarii. Parisiis. *1611, in 12.*

„бога; его представляютъ они съ двумя ли„цами, однимъ спереди, другимъ сзади. Въ „дни праздника его одѣваются въ кожи звѣ„риныя, придѣлываютъ на себя головы ско„повъ и т. д. Въ Календы Январскія также „совершаютъ гаданія, никому не даютъ огня „изъ своего дома, а нѣкоторые невѣжды на„крывъ столы со всякимъ кушаньемъ, остав„ляютъ ихъ на цѣлую ночь, воображая, что „Календы могутъ доставить имъ такое же „изобиліе на цѣлый годъ.“ Переряжаніе сіе выражается у бл. Августина и другихъ словами cervum и cervolum facere: что̀ значитъ представлять, играть оленя; оно сходно съ Рускимъ: *козу играть*. см. *Масляница*.

Етотъ обычай произошелъ отъ того, что язычники представляли любовныя дѣла̀ своихъ боговъ; *рога̀* же (*κέρατα*, cornua) суть символы прелюбодѣянія: поетому и Юпитеръ называется рогатымъ любовникомъ (cornutus amator); ибо онъ похитилъ Европу въ видѣ тельца и забавлялся въ образѣ Сапира. *Tertull.* in Apologet. dist. 94. Артемидоръ въ книгѣ о снахъ, кн. 2 гл. 12, утверждаетъ, что издревле говорилось *приставить рога̀* о женахъ, измѣнившихъ въ цѣломудріи мужьямъ: *ὁ τε ἡ γυνὴ σου πορνεύσει καὶ τὸ λεγόμενον κέρατα αὐτῷ ποιήσει*, т. е. если прелюбодѣйствуетъ жена, то говорится: „рога дѣлаетъ.“ *Ето* дало поводъ къ извѣстной поговоркѣ:

Cornua qui faciunt, cur cornua ferre recusent? По сей то причинѣ язычники иногда изображали боговъ своихъ съ оленьими головами. У Франковъ употреблялось слово Chervali и Chermari о вступающихъ во второй и препій браки, подверженныхъ болѣе измѣнѣ.

Хотя всѣ такія игрища въ Хрістіанскомъ мірѣ запрещались Церковію; однакожь привычка ихъ столько укоренила въ народѣ, что онѣ не могли совершенно искорениться; ибо переряжанье вошло въ обычай и у самыхъ церковнослужителей. Таковъ былъ праздникъ иподіаконовъ — не отъ того, чтобы дѣйствительно одни иподіаконы совершали сіе нечестивое празднество; но потому, что въ народѣ подъ симъ шутошнымъ наименованіемъ слылъ этотъ праздникъ, въ коемъ участвовали и пьяные клирики. Праздникъ иподіаконовъ, по свидѣтельству Белета въ XII в. извѣстенъ также былъ подъ именемъ *праздника дураковъ, фатюевъ* (stultorum, fatuorum), отправлявшійся иными въ день Обрѣзанія, другими въ Крещеніе. Обычай переряжаться существовалъ болѣе на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Въ 16 правилѣ восьмаго собора, непринятаго Восточною Церковью, мы читаемъ, что были тогда „такіе міряне, которые изъ ко„щунства одѣвались попами и Епіскопами, „*выбирая* себѣ начальника“ и пр. Въ Римско-

Католической Церкви введено было неприличное празднество въ концѣ Декабря подъ именемъ *Декабрской вольности* (libertas Decembrica), которая дозволяла Епископамъ съ подчиненными своими въ киновіяхъ потѣшаться разными играми, по примѣру язычниковъ, у которыхъ въ этомъ мѣсяцѣ пользовались свободою рабы, рабыни и пастухи, участвуя вмѣстѣ съ господами въ общихъ праздествахъ по собраніи жатвы. *Beletus*, с. 120 (9). Таковъ *Керегунъ вечеръ* у Карпатороссовъ. Папа Иннокентій III (1198 — 1216) такъ писалъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху касательно позорищъ въ церкви о Р. Х.: „Поелику въ церквахъ совершаются позорища и не только вводятся для потѣхи чудовищныя личины (monstra larvarum), но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами діаконы, пресвитеры и поддіаконы участвуютъ въ безчинныхъ играхъ: то тебѣ возлюбленному о Христѣ брату надлежитъ искоренять въ подвѣдомственныхъ церквахъ подобные обычаи, да не обезчестится домъ Господень таковою мерзостію.“ Праздникъ дураковъ, отправлявшійся въ Парижской и другихъ церквахъ, запрещенъ былъ Парижскимъ соборомъ 1212 г. и другими. Однако въ описи Іоркской

(9) Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von J. C. Augusti. Leipz. 1822, 6 t. in 8.

церкви 1530 г. читается слѣд.: „Малая мипра „съ каменьями для Епіскопа дѣтей; также „одинъ перстень и двѣ панагіи на подобіе „креста, осыпаннаго каменьями“ и пр. Что же касается до Франціи, то Парижскій богословскій факультетъ въ 1444 г. приговоромъ своимъ способствовалъ къ совершенному уничтоженію этого праздника, во время коего „священники и клирики, выбравъ „Архіепіскопа или Епіскопа, или Папу, именовали его *Папою дураковъ*: ибо тогда уже „начинали въ Европѣ возставать на Римскаго Первосвященника. Даже во время „самаго священнодѣйствія они плясали въ „чудовищныхъ личинахъ и въ одеждахъ женскихъ или шутовскихъ и въ кожахъ львиныхъ, пѣли срамныя пѣсни, на алтарѣ ѣли „блины (offas pingues), и бѣгали по всей церкви.“

Вѣроятно, ототъ обычай Западной церкви узналъ Петръ I въ Франціи или Германіи и, по возвращеніи своемъ въ Россію, наряжалъ Зотова Папою, а другихъ любимцевъ своихъ Кардиналами, діаконами и церемоніймейстерами, и въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о Святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домамъ славить (10). см. ниже.

---

(10) I. Haigold's (A. L. Schlözer) Beylagen zur verändert. Russland. Leipz. 1769 — 70, II Th. p. 79.

Въ Кормчей книгѣ, на основаніи XXII гл. сп. 5 Второзаконія (11), подобныя переряживанія запрещаются слѣдующими словами: „Да „отвержены будутъ отъ вѣрныхъ житія и ко„мическая и сатирическая и козляя лица. С. „Отцы не повелѣваютъ мужамъ облачатися „въ женскія ризы, ни женамъ въ мужескія, „еже творятъ на праздникъ Діонисовъ пля„шуще: ни лицъ же косматыхъ возлагати на „ся, ни козлихъ, ни сатирскихъ. Косматая „убо лица суть наруганіе нѣкимъ ухищрена, „козляя же, яко жалостна и на плачь подви„зающа“ и пр. Валсамонъ, Патріархъ XII в. свидѣтельствуетъ, что, не смотря на запрещеніе церкви, „на Западѣ продолжалось наряжанье въ шутовское платье, въ сатировъ, комедіантовъ и трагиковъ или въ скоповъ, кумировъ и чудовища, и вмѣсто сего представляли рожденіе Сына Божія, явленіе Ангеловъ пастырямъ, Обрѣзаніе, звѣзду, трехъ Царей и тому подобное “ (12). Что, какъ увидимъ, перешло и въ Россію.

Константинъ багрянородный въ описаніи церемоній Византійскаго Двора упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, кои отправлялись

---

(11) „Да не будетъ ушварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску. “

(12) *Balsamo* synodi Trullensis, c. 62.

о Рождествѣ Хр. при Дворѣ, въ присутствіи Императора: „Назначенные для такихъ потѣхъ люди — пишетъ онъ — являлись въ личинахъ и въ шубахъ, вывороченныхъ на изнанку: бѣгали, вертѣлись, ударяли жезлами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музыку.“ По свидѣтельству Кодина, святочныя потѣхи въ Византіи отъ того назывались *Готскими*, что Греки, перерядясь Готами, какъ можно странѣе, приходили къ Императору съ поздравленіемъ и за то получали отъ него деньги.“ Въ праздникъ Р. Х. — продолжаетъ Кодинъ — подходили къ Императору вельможи и чиновники; потомъ Варанги и другіе иноплеменники, составлявшіе Царскихъ тѣлохранителей, возглашали многолѣтіе Государю; а пѣвчіе пѣли кондакъ: *Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ* — и оканчивали многолѣтіемъ.“ Двору, вѣроятно, подражали и вельможи. Въ продолженіи близкихъ сношеній Россіи съ Византійскимъ Дворомъ могли сіи обычаи перейти въ нее, если еще они прежде не были извѣстны въ племенахъ Славяно-Рускихъ, изъ коихъ находились тѣлохранителями при Византійскихъ Императорахъ то подъ именемъ *Варяговъ*, то *Готовъ*, или вообще *Варваровъ*. Въ епихъ *Готскихъ играхъ* мы узнаемъ наши *Святки*, кои подъ разными именами извѣстны у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ.

„Готскія игры встрѣчаются у насъ, говоритъ Саксонецъ Рейске, подъ именемъ die Jacht Jagette, Робертовы воины. Въ продолженіи 12 дней праздника Рождества Христова молодые люди одѣвались въ звѣриныя шкуры, съ рогами на головѣ, марали себѣ лица сажею, а въ зубы брали горящіе уголья, бѣгали по улицамъ съ мѣшками, въ кои стращали запрятать дѣтей, ударяли съ крикомъ въ цимбалы“ и т. д. (13).

Въ Скандинавіи Рождественскія Святки извѣстны подъ именемъ Іольскаго или Юльскаго праздника (Iuul, Ioel), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ: онъ отправлялся въ Норвегіи въ честь Тора среди зимы, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жатвы и скораго возврата солнца. Обыкновенно начинался онъ въ полночь 4 Января и продолжался цѣлыя три недѣли. Первые три дня сего празднества провождаемы были въ благотвореніяхъ; а послѣднее время въ пиршествахъ и весельи. Названіе Iuul, вѣроятно, произошло отъ Hjul, по Датски колесо; потому что годъ тогда поворачивался колесомъ. Въ послѣдствіи времени, говоритъ сочинитель Сѣверной Миѳологіи Мэн-

(13) *Constantini porph.* l. 11, de caeremoniis aulae Byzantinae, *ed.* I. Leichii et Reiskii. Lipsiae. 1754. f.

нихенъ, тоже самое названіе дано введенному на мѣсто языческаго Христіанскому празднику. Древность Іоль на Скандинавскомъ Сѣверѣ усматривается изъ того, что объ оном упоминаетъ Прокопій, писатель Византій. VI в. Долгайшая и мрачнѣйшая ночь въ году, которая предшествовала и содѣйствовала рожденію Фрейера, или Солнца, называлась у древнихъ Англо-Саксовъ *Материнскою ночью* (Moedrenecht); ибо почитаема была матерью солнца, или солнечнаго года. Въ сіе время, по вѣрованію сѣверныхъ народовъ, являлся духъ Юлеветтенъ въ образѣ черноликаго юноши, съ женскою повязкой на головѣ, закутаннаго въ черный плащь длинный: въ такомъ видѣ является онъ ночью въ домы, какъ у Русскихъ *суженый ряженый*, принимаетъ подарки. Сіе нынѣ на всемъ Сѣверѣ обратилось въ забавную игру безъ всякаго суевѣрія (14). Почти такую же ролю играютъ на Германскомъ Сѣверѣ Филліи. На Іольскомъ праздникѣ убиваемъ былъ въ честь Фрейера большой вепрь въ присутствіи Короля; надъ симъ священнымъ животнымъ, положивъ руки, клялись въ ненарушимой вѣрности подданные его. По окон-

(14) Edda Saemundina, t. III. p. 326.

чанiи жертвы, всѣ предавались Iольскимъ весельямъ, кои состояли въ ѣдѣ, питьѣ, пляскахъ и разныхъ играхъ: онѣ продолжались семь дней. Даже донынѣ о Святкахъ убиваются свиньи и пекутъ пироги на подобiе свиней (15). Остатки сего празднества не только на Скандинавскомъ Сѣверѣ, но и въ Англiи и Германiи сохраняются по различнымъ областямъ въ играхъ, пляскахъ и пѣснях, къ коимъ присоединяются многiя суевѣрныя примѣты и гаданiя. см. ч. I.

Въ Англiи, за нѣсколько дней до Р. Хр., начинаются въ большей части городовъ ночное пѣнiе и музыка по улицамъ. Въ Голландiи 8 ночей предъ праздникомъ и 8 ночей послѣ *Клапперманъ*, или сторожъ, возглашая часы, подъ утро прибавляетъ къ ѣтому смѣшную пѣсню, въ коей совѣтуетъ обывателямъ ѣсть кашу съ маюмомъ, по случаю праздниковъ, и класть въ нее папоки, отъ чего она будетъ еще вкуснѣе. Обряды, какими сопровождается канунъ Рождества, и какiе были прежде общеупотребительны на Западѣ Европы, дышатъ веселiемъ, представляющимъ пріятную противуположность съ печальнымъ временемъ года. Домы и церкви

(15) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. Znaim. 2 B. 1827, 8.

украшаются вѣтвями зеленыхъ деревъ, веселыя пѣсни раздаются въ деревняхъ, слышится музыка ночныхъ сторожей; въ полночь начинаютъ звонить въ колокола. У простаго народа бездна смѣшныхъ преданій по случаю этого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельницей множества суевѣрныхъ наблюденій. Въ цѣлой Англіи существуетъ повѣрье, что если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя наступающій день праздника. Это повѣрье распространилось по всей Католической и Протестантской Европѣ (17). Вечеромъ женщины ни за что не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобы чортъ не вздумалъ вмѣсто ихъ сѣсть за работу. Молодыя дѣвки даютъ этому другой толкъ: онѣ говорятъ, что, если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь при вѣнчаніи и мужья ихъ подумаютъ, что они Богъ-вѣсть какія лѣнтяйки. Если не досугъ допрясть: онѣ, по крайней мѣрѣ, солятъ кудель, чтобъ сохранить и отъ сатанинской силы. Если нитки останутся на мотовилѣ, ихъ не снимаютъ, какъ обыкно-

(17) Poetical works of *Sir Walter Scott*, v. IV. Edinb. 1823, въ 12.

венно, а разрѣзываютъ. Сіе торжество было у народовъ сѣверо-западной Европы порою великихъ жертвоприношеній. Датчане приносили тогда человѣческія жертвы; Готѳы кабана, потому что сіе живопное посвящено солнцу, какъ у Персовъ конь. И до сего времени крестьяне въ сихъ краяхъ пекутъ въ Рождество кабановъ изъ тѣста, ставятъ ихъ на столъ вмѣстѣ съ другими яствами и не трогаютъ во весь праздникъ, думая, что отъ этого зависитъ ихъ благополучіе. Печеный кабанъ называется Iulagalt. Въ другихъ мѣстахъ довольствуются печенымъ поросенкомъ. Въ Шотландіи берегутъ послѣднюю горсть хлѣба, сжатую лѣтомъ, и раздаютъ ее лошадямъ и коровамъ утромъ въ Рождество, чтобы предохранить ихъ на годъ отъ болѣзней. Въ старину, первое блюдо, которое подавали въ этотъ день у каждаго добраго Англичанина, была кабанья башка въ уксусѣ и съ лимономъ въ пастѣ. При этомъ пѣли пѣсню, которая и нынѣ еще сохранилась въ одномъ Оксфордскомъ коллегіумѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи есть примѣта, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Юля, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ; потому что онъ впустилъ Юля. Для этого языческаго божества иные по-сю-пору накрываютъ при-

боръ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой-нибудь напитокъ, такъ какъ дѣлали Восточные народы. см. выше стр. 9. Каждый гость долженъ отвѣдать етой жертвы; если жъ уйдетъ безъ етого, дурная примѣта. Объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый Январскій понедѣльникъ и 3 го Мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и порчи, какъ древніе Римляне. Въ западныхъ областяхъ Англіи объ Рождествѣ кланяются яблонямъ, чтобы онѣ на слѣдующій годъ были плодоноснѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовитымъ садамъ и кланяются одному какому-нибудь дереву, произнося родъ заклинанія или заговора; послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ етимъ напиткомъ — все для урожая. Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки, такія толстыя, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня, и если погаснутъ прежде, ето предзнаменуетъ несчастіе въ семействѣ. Въ сѣверной Шотландіи лавочники даряютъ Юлевыя свѣчи своимъ покупщикамъ: строгіе на блюдатели суевѣрныхъ обрядовъ даютъ имъ горѣть до пѣхъ поръ, пока онѣ сами погаснутъ; другіе напротивъ задуваютъ ихъ

прежде, и берегутъ огарки въ видѣ талисмановъ. Тамъ есть также ночное гаданье Taghairm, на волоньей кожѣ, сходное съ Рускимъ, какъ увидимъ ниже. Въ Англіи въ Святки (Christmass holy-days) есть множество другихъ суевѣрій, изъ коихъ ограничимся двумя или тремя примѣрами. Кто-нибудь изъ членовъ семейства встаетъ въ Рождество ранѣе всѣхъ другихъ и приготовляетъ завтракъ, который они должны скушать на постели. Завтракъ этотъ обыкновенно состоитъ изъ пирожковъ съ яйцами. На каждаго человѣка въ домѣ печется по пирожку, и чей пирогъ развалится во время печенія, тому не дожить до будущаго праздника. Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь преполстое полѣно, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно, и долѣе. Для зажженія его стараются имѣть головню, сбереженную отъ прошлогодняго полѣна, подобно Сербскому *Бадняку*, и служившую предохранительнымъ средствомъ отъ всякой напасти. Пока Рождественское полѣно не потухнетъ, всей домашней челяди отпускается къ столу пиво. 29 Декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ царемъ Иродомъ, вспарину обыкновенно будили дѣтей плетью, чтобы хорошенько *вбить* имъ въ память сіе кровопролитіе.

День, въ который приходился этотъ праздникъ, почитали *черным* во весь годъ и боялись больше, нежели Русскіе понедѣльника (18).

Въ Германіи во время священныхъ ночей (Juelfeſt, Weihnacht) простолюдины наряжаются. Между многими повѣрьями существуетъ одно, будто наканунѣ Рождества Христова говорятъ скоты, и обычай ставитъ для дѣтей дерево, обвѣшенное плодами, конфектами и игрушками (Weinachtsbaum), представлять въ лицахъ исторію рожденія І. Христа и пр. д. „Въ Саксоніи, въ деревнѣ Шолбекѣ, по свидѣтельству Кранца, юноши и мужи съ женщинами проводили навечеріе Р. Хр. на погостѣ С. Магна въ безчинныхъ пляскахъ и въ нечестивыхъ пѣсняхъ.“ Тоже мы читаемъ въ Стоглавѣ, гдѣ описывается, что „на навечеріи Р. Христова и Крещенія „сходятся мужи и жены на нощное плещо„ваніе, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни.“ Нѣкоторые способы *вороженія* (Wahrſagen) у Нѣмцевъ сходны съ Славяно-Рускими; у первыхъ доселѣ дѣвушки для узнанія судьбы своей льютъ воскъ и олово (Wachsgießen, Bleygießen), дѣлаютъ пшеницеволхвованіе и пр.

„Декабря 24 — пишетъ Карамзинъ — „Язычники Рускіе славили Коляду, бога тор-

(18) Библіотека для Чтенія, 1836 г. № II.

„жествъ и мира. Еще и въ наше время, на„канунѣ Рождества Христова, дѣти земле„дѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами „богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина „въ пѣсняхъ, твердятъ *Коляды* и просятъ „денегъ. Святочныя игрища и гаданія ка„жутся остаткомъ сего языческаго празд„ника“ (19). Хотя многіе производятъ *Коледу* отъ Римскихъ *Календъ* по тому, что празднованіе оной приходится въ одно почти съ ними время и самыя слова созвучны между собою; но *Календы* у Римлянъ были не въ одномъ Январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ. Что жъ касается до замѣченнаго нами сходства въ нѣкоторыхъ частяхъ этого праздника Янусова съ Славяно-Рускимъ: то вѣроятно оно произошло отъ Славянскихъ племенъ, бывшихъ подъ Римскимъ владычествомъ и въ послѣдствіи передавшихъ этотъ обычай своимъ переселенцамъ на Западъ и Югъ Россіи, гдѣ донынѣ воспѣвается *Коледа* и продолжается *Коледованье*, а на Сѣверъ, полагать надобно, онѣ перенесены Балтійскими Славянами. Какъ народъ, принимая и усвоивая себѣ чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищетъ

(19) *Харамз.* И. Г. Р. I, стр. 61 и 101. Въ рукоп. XVI вѣка въ жизни С. Бориса и Глѣба день кончины ихъ означенъ *Календами*.

въ нихъ сходства внѣшняго или внутренняго съ кореннымъ своими понятіями и вѣрованіями: то и *Коледа* у разныхъ Славянскихъ племенъ и Рускихъ получила разное знаменованіе и производство, болѣе соотвѣтственное ихъ духу, мѣстности и обычаямъ. У Виндійцевъ Koléda почитается за божество празднествъ, или нѣкоторые религіозные обряды; а Kolédowati выражаетъ: хожденіе крестьянскихъ дѣтей по домамъ съ пѣснями и плясками. Koliado, или Koleda, также wanočnj pisničky, по свидѣтельству Словарей Бернолака, Юнгманна и Вука Стефановича, у Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ значитъ святошная пѣснь; chodiť po Kolede, поздравлять съ новымъ годомъ и за ето получать подарки. Koléda у Словаковъ знаменуетъ благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ около праздника Трехъ Царей, а kóledowat, благословлять домы. Богемская Исторія объясняетъ *Коледу* набожнымъ обычаемъ ходить священнослужителямъ по домамъ съ св. крестомъ и мощами о Рождествѣ Христовѣ; ето учреждено въ XI вѣкѣ Чешскимъ Княземъ Брепиславомъ, по изгнаніи всѣхъ колдуновъ и оборотней изъ своихъ владѣній. Кроаты, Босняки и другіе народы Славянскаго племени подъ *Коледою* разумѣютъ подарокъ въ Новый годъ: тогда въ Римско-Католическихъ церквахъ раздавались на-

роду сдѣланныя изъ тѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ мѣсту рожденія І. Христа: что̀ называлось *Календами*. И теперь Римское Духовенство разсылаетъ на канунѣ Р. Х. тонкіе изъ тѣста, какъ облатки, листки разныхъ цвѣтовъ съ выписнутыми на нихъ изображеніями, относящимися къ этому празднику, и хозяева, разговляясь съ семействомъ или гостями, берутъ вмѣстѣ такой листокъ съ обоихъ концевъ, и, разламывая вдругъ, съѣдаютъ каждый свою часть въ знакъ единовѣрства и братства Христіанскаго, и это собственно значитъ у нихъ поздравленіе другъ друга съ праздникомъ Рождества Христова. Подобный западному обычай существовалъ въ Шенкурскѣ до 1780 г: тамъ въ каждомъ домѣ приготовляли къ празднику Рождества Христова изъ пшеничнаго тѣста фигуры, изображающія маленькихъ коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ и пастуховъ. Такія фигуры ставились на окна и столы, посылались въ подарокъ роднымъ. Обычай этотъ, прекратившійся въ городахъ, сохраняется въ Шенкурской и Вельской округахъ (20).

---

(20) Свѣдѣнія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ М. *Мясникова*, въ рукоп. 1829.

Гваньини говоритъ, будто у Рускихъ боярскія дѣти часто получали отъ Великаго Князя *жіовую Календу*, т. е. палочный подарокъ. Линде въ Словарѣ своемъ производитъ *Коленду* отъ *колѣнѣ-даванія*, т. е. отъ колѣнопреклоненія предъ рожденнымъ Спасителемъ міра. Самый стихъ, поемый въ Западной церкви *Collaudemus, collaudemus* Christum regem, даетъ поводъ производить отъ него Colenda, соотвѣтствующее Малороссійскому *Коледованью*, или славленью, и средне-Греческому сл. *κολαδῶ* славлю, воспѣваю. Сверхъ того, по свидѣтельству Боёція и другихъ Западныхъ писателей, священнослужители Римской церкви именовались отъ colendo Colidei и Culdei, богочтецы, ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ (21). Наконецъ Г. Гнѣдичь производитъ Коледу отъ *χολάδεῖς* (кишки) колбасы, коей кольцо выпрашиваютъ себѣ Колядовщики въ Малороссіи. — На Рускомъ Югѣ и Сѣверѣ, гдѣ Декабрь назывался *Студенымъ*, *Коледа* получила другое знаменованіе и примѣненіе, соотвѣтственное климату, мѣстности, нравамъ и обычаямъ жителей; по отношенію къ времени года, она имѣетъ такое же значеніе, какъ Скандинавскій Юль (юла?), т. е. колесо; ибо въ ету пору годъ обращался колесомъ, копо-

(21) *Ducange* Glossarium mediae et infimae Latinitatis. VI v. 8.

рое на Славянскомъ называется *коло*, сходно съ Греч. *κύκλος* кругъ, колесо, отъ *κυλίω*, или *καλινδέω* катаю. Какъ во время Руской *Коледы колдуютъ*, такъ и Западное *коледованье* сближено на Рускомъ Сѣверѣ съ *колдованьемъ*.

Коледы не находится въ числѣ божествъ Владиміровыхъ, приводимыхъ Несторомъ и Макаріемъ; къ нимъ онъ присоединенъ въ Четьи Минеи С. Димитріемъ Туптолою, въ житіи В. К. Владиміра I, какъ богъ зимняго празднованія. Гизель, руководствуясь Стрыковскимъ, говоритъ: „Коляда шестый идолъ, „богъ праздничный, ему же праздникъ велій „мѣсяцъ Декемврій въ 21 день составляху.“ Послѣдователи ихъ сопричислили Коляду къ богамъ Славянскимъ, и внесли въ систему Миѳологіи, хотя нигдѣ въ древнихъ памятникахъ онъ не попадается въ такомъ значеніи. По этому вѣроятнѣе, согласно съ Копыпаремъ, *Коляду* признать можно не божествомъ, а праздникомъ, который олицетворяется въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ (22).

Коледа въ Южной и Западной Руси собственно есть канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на Сѣверо-Востокѣ Россіи болѣе подъ именемъ *Авсеня*, или

---

22) Россія въ истор. статистич. и геогр. и лит. отношеніяхъ, *Ѳ. Булгарина*. Спб. ч. 2. 1837, въ 12.

Таусеня, у Литовцевъ, *вечера колодокъ*, или *Блоккова*, въ которой почти вездѣ въ Славянскомъ и Рускомъ мірѣ готовится изъ зерноваго хлѣба *каша* и изъ пшена и плодовъ *кутья*, напоминающая Индѣйскій Перунъ-Понголъ и *Угады*, въ кои по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году. Коледа бываетъ *Васильевская* наканунѣ Новаго года и *Крещенская* наканунѣ Богоявленія, или *Водокрещей*, первая *богатая*, другая *постная*. Въ Малороссіи хожденіе съ вертепомъ и звѣздою, сдѣланною изъ бумаги, и пѣнье виноградья, извѣстно подъ именемъ *Коледы*. Даже около Москвы, гдѣ Колядою называется день, предшествующій Р. Христову, тогда поютъ:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества,

и возятъ на саняхъ дѣвку въ бѣлой рубашкѣ сверхъ одежды: сія дѣвка слыветъ *Коледою*. Во Владимірской Губерніи, особливо въ Муромскомъ уѣздѣ, тогда въ пѣсняхъ припѣваютъ *Коледа Таусень*.

О переходѣ сего праздника и имени изъ Новгорода въ Костромскую и другія Великороссійскія Губерніи, вѣроятно, во время *разводовъ* въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуетъ слѣд. пѣсня, которую тамъ поютъ о Святкахъ:

Шла Коледа
Изъ Новагорода и т. д.

У Румыновъ Святки именуются *Кречуномъ*, у Карпато-Россовъ канунъ Р. Христова— *Кречунъ*, который у нихъ почитается за божество, а *коледованье* за празднованье. *Корочуномъ* у Рускихъ въ старину назывался и Рождественскій постъ, по мнѣнію Карамзина, отъ *короткихъ* дней (23). Но *Корочунъ* созвученъ съ Сербск: *кора̀ити* ходить, шествовать, съ Рускимъ *корчить*, въ значеніи представлять изъ себя что или кого, и съ *Корсомъ*, или *Корсомъ*, однимъ изъ семи Кіевскихъ божествъ. Не относится ли также сюда упоминаемое въ Слоглавѣ *гародѣяніе* надъ *корчагами*?

Въ Великороссійскія Святки, кромѣ *славленья* дѣтей по домамъ, бываютъ *наряженья* въ разныя лица и въ разные костюмы, и *загадыванья*. То и другое совершается вечеромъ, а послѣднее болѣе въ самую полночь: сценою ихъ избираются домы и улицы, особливо перекрестки, двери церковныя, также погосты, или кладбища, проруби рѣкъ, поляны, гумны, овины, бани, куряшники и п. д.

§ 1. Святочное переряживанье есть Русскій народный маскарадъ, который издревле извѣстенъ на Руси, такъ равно и во всей

(23) *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, пр. 288. — см. I ч. сей книги.

Европѣ. Маски же, употребительныя въ глубокой древности, въ оргіяхъ Бахусовыхъ, какъ средства противъ очарованія, назывались у Рускихъ Славянъ *личинами*, а въ Кормчей рукоп. XIIIв. *обличьями иерѣць и ликѣственникѣ*, также *наличниками*, въ Споглавѣ *скаредными образованіями*, попомъ *лицами косматыми, козлими, сатирскими, окрутами, скуратами* и *лудами*, а самое маскированіе и переряживанье — *москолюдствомѣ* и *окручаньемѣ*: первое вѣроятно происходитъ отъ соединенія словъ Тосканскаго masca, *маска* и *люда* (24), а другое сходно съ Греческимъ *γρύτη, γρυτάριον* вѣтошь, рубище, въ какое *окручались* окрупники. Въ поученіи Архіепископа Луки, XII вѣка, запрещается *москолюдство цмѣти*. Упоминаемая въ Паперикѣ Печерскомъ *луда на бѣсѣ вѣ образѣ Ляха*, означаетъ личину, или маскерадное платье ludix (25). Въ Прологѣ подъ 25 Декабря *личины* и хари называются *скуратами* отъ Лат. слова scurra шутъ, или отъ стариннаго Рускаго *скора*, удержавшагося нынѣ въ сл. *скорнякѣ*, то же что шкура, Лат. corium, Чешское kura. см. ч. I. стр. 230. Перея-

(24) сравни: Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem I. 1024 vorkommende Wort луда? antiq. Abhandl. von A. I. *Siogren*. S. P. 1834. in 4.

(25) Рускія достопамятности, ч. I. М. 1815, въ 8.

живанье состояло, также какъ у Византійцевъ Готское, въ надѣваніи на себя вывороченныхъ наизнанку шубъ, или винчуръ, *гунь* (γοῦναι) и страшныхъ личинъ: *корчили* изъ себя разныхъ звѣрей: то медвѣдей, то козловъ съ рогами и другія пугалища; мущины переряжались женщинами, а женщины мущинами съ тѣмъ, чтобы другіе не могли ихъ узнать. Въ такомъ видѣ они хаживали, *колобродили*, вечеромъ по домамъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ. Въ Номоканонѣ, издан. въ Кіевѣ 1624 г., на стр. 36, говорится слѣд: „Нынѣ Христіанскія дѣти сія „творятъ: въ одежду женскую мужіе обла„чатся и жены въ мужескую; или налич„ники, якоже въ странахъ Латинскихъ „злѣ обыкоша, творятъ, различныя лица себѣ „претворяюще.“ Между Греками и Латинами, въ средніе вѣки, существовало мнѣніе, будто въ продолженіе осьми дней послѣ Рождества Христова дьяволы скитаются по земли, и, при наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые, въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и поперечныхъ. Переряженные, или святошники, умышленно представляютъ воплощенныхъ дьяволовъ, и исторія Тюрпеня называетъ ихъ *личинами брадатыми*, *рога-*

стыми и *похожими* на *демоновъ*. Одинъ древній писатель объясняетъ силу отвораживанія масокъ тѣмъ, что онѣ своимъ страннымъ и нелѣпымъ видомъ удаляютъ очарованіе отъ самыхъ лицъ, кои ихъ носятъ (26). Но какъ личины сіи оскверняютъ людей (ибо, по изъясненію Нантскаго собора, *маски* суть *личины демоновъ*): то посему тѣ, которые рядились на Святкахъ, имѣли обыкновеніе очищаться купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ Святки извѣстны подъ именемъ *Окрутниковъ*, которые со втораго дня праздника Р. Х. до Богоявленія наряженные ходятъ по городу въ тѣ домы, гдѣ въ знакъ приглашенія ставятся на окнахъ, зажженныя свѣчи, и тѣшатъ хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками. Въ Тихвинѣ о Святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на коихъ сидятъ верхомъ окрутники. Сію лодку занимаютъ подъ разноцвѣтными флагами святочники въ разныхъ личинахъ и нарядахъ: они тамъ называются то *окрутниками*, то

26) см. Maſken въ Allgemeine Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. VII B. Leipz. 1830. 8.

кудесниками, то *куликами* и *щеголями*. Во время поѣзда они поютъ, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разныя штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ. Въ Новгородской и Вологодской Губерніяхъ Святки донынѣ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, *арбуи* — *кудесниками* и *кобниками*, которые гадали и вѣроятно *кудесили*, какъ *колдуны*, и *кобенились*, какъ *Шаманы*; а въ 41 главѣ Стоглава запрещается *кудесы бить*. Архіепископъ Новгор. Макарій въ XVI вѣкѣ посылалъ инока Илію для истребленія *кудесъ* въ Новгород. пятинахъ и погостахъ. Новгородцы еще въ XII вѣкѣ ходили гадать къ *кудесникамъ* (чудесникамъ?), которые умѣли призывать бѣсовъ; ибо Чудь, или Финны и отъ самыхъ Скандинавовъ почитались величайшими колдунами и чародѣями, а земля ихъ — страною чудесъ и превращеній. По всему видно, что *кудесы* означали гаданія и чарованія, кои составляли часть языческой религіи у Чуди и Славянъ. Въ Торопцѣ, Псковской Губерніи Святки слывутъ *Субботками*. Тогда незамужнія дочери Торопецкихъ обывателей собираются въ домы бѣдныхъ, но честныхъ вдовъ, у коихъ дѣлаются къ етому случаю

нарочныя приготовленія: для посѣтительницъ устроиваются скамейки уступами съ полу до потолка, въ родѣ амфитеатра; посреди горницы вѣшается огромный фонарь, сдѣланный изъ цвѣтной бумаги, украшенный разноцвѣтными лентами и со множествомъ свѣчь. По сторонамъ горницы ставятся скамейки для мущинъ. Богатыя и бѣдныя Торопчанки, одѣвшись, какъ можно лучше, по своему стариннному обычаю, вмѣняютъ себѣ въ обязанность присутствовать на Субботкахъ. Когда всѣ мѣста въ этомъ амфитеатрѣ займутся дѣвицами: тогда отпираются заперныя до того ворота и начинается пріѣздъ холостыхъ мущинъ. При входѣ каждаго гостя, дѣвушки величаютъ его пѣснями, кои изстари поются на Субботкахъ, съ припѣвомъ къ каждому стиху:

Дунай, Дунай! многолѣтствуй
И съ твоею полюбовницей!

Гости должны платить за ету честь; собранныя деньги остаются въ пользу бѣдной хозяйки. На етомъ праздникѣ женихи высматриваютъ себѣ невѣстъ, а невѣсты жениховъ. Женатые и замужніе не допускаются на Торопецкія субботки (27). — Въ другихъ странахъ великой Россіи *церища свя-*

(27) Сообщено отъ Н. Н. Нефедьева.

точныя различествуютъ между собою только нѣкоторыми обрядами и обычаями мѣстными, кои къ нимъ примѣшиваются.

Святочныя игры издревле, какъ видно изъ Кормчей и Стоглава, состояли въ *безчинномъ говорѣ*, *нощномъ плещованіи*, *бѣсовскихъ пѣсняхъ*, *въ козлогласованіи и баснословіи*, *скаканіи* и такъ называемыхъ *бѣсовскихъ играхъ*, какими именовали церковные учители *переряживаніе*, *загадываніе* и т. п. Отечественная Исторія свидѣтельствуетъ, что и Царь Иванъ Васильевичъ съ опричниками своими маскировался, подобно скоморохамъ, и казнилъ К. Рѣпнина за то, что онъ не позволилъ надѣть на себя личины (28). Петръ I любилъ святочныя игрища, въ коихъ и самъ участвовалъ, какъ выше замѣчено нами. Въ его время святочныя игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ приютахъ, но и въ Царскихъ теремахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми сѣнными дѣвушками и боярынями. Патріархъ Іоакимъ въ 1684 году описываетъ Московскія Святки: „Тогда ненаказанніи мужескаго полу и женскаго собрався многимъ числомъ, отъ ста-

(28) *Карамз.* И. Г. Р. т. IX. 2 изд.

„рыхъ и молодыхъ мужи съ женами и дѣвки „ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ бѣсно„вапымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сложеннымъ „ими, многія сквернословія присовокупляютъ, „и плясанія творятъ на разженіе блудныхъ „нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и пре„образующеся въ неподобная отъ Бога соз„данія, образъ человѣческій премѣняюще, бѣ„совское и кумирное личатъ, косматые, и „иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные „образы надѣвающе, плясаньми и прочими „ухищреньми православныхъ Христіанъ прель„щаютъ; такожъ и по Рождествѣ Христовѣ „въ 12 днѣхъ до Крещенія Господа нашего І. „Христа таковаяжъ бѣсовская игралища и „позорища содѣваютъ.“ Въ Бѣлгородѣ и Обоянскѣ, по свидѣтельству М. Мясаила, въ XVII вѣкѣ о Рождествѣ Хр. и до Богоявленія сбирались по вечерамъ и въ нощи на *бѣсовскія игры*. — Такое изображеніе народнаго маскерада, или святочничества въ концѣ XVII вѣка сходно съ обрядами Римскихъ, Готскихъ, Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ подобныхъ игрищъ. Наряженые являлись въ домы, плясали, разсказывали прибаутки: или представляли какую нибудь сцену изъ жизни, или шутку. Напѣшивъ гостей въ одномъ домѣ, они переходили въ другой.

§ 2. Въ составъ святочныхъ обрядовъ особенно входитъ *гаданіе*, которое по естественнымъ и искусственнымъ знакамъ старается узнать будущій жребій человѣка. Вѣрованіе въ гаданіе основывается на отношеніи неизвѣстности судьбы, или рока, къ свободѣ воли человѣческой; у Славяно-Руссовъ было оно общее со многими народами древности и новыхъ временъ. Въ Язычествѣ оно составляло одну изъ главныхъ статей богослуженія, а при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, оно преслѣдуемо было какъ суевѣріе подъ именемъ *ворожбы;* въ Христіанскомъ же мірѣ удержалось подъ видомъ народной забавы, правомъ давности и силою привычки. Руское слово *гаданіе*, по производству и знаменованію, сродно съ Еврейскимъ словомъ Gad, или *Δαιμόνιον*, богиня счастія, какъ видно изъ выше приведеннаго мѣста Исаіи Пророка 65. 11 (29). Самое дѣйствіе, т. е. *гаданіе*, divinatio, есть служеніе *Гадѣ*, богинѣ счастія, отъ коей узнавали свой жребій посредствомъ различныхъ знаменій при жертвоприношеніи. Чешское слово Gadám значитъ испытывать, изслѣдовать: что̀ предполагается въ любопытствующихъ о своей участи. *Гаданье* есть видъ *ворожбы* (Wahrſagen); первое, основываясь

(29) *Рейфовъ* Словарь производитъ гадать отъ Санскрищ. Gad развѣдывать.

болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ или знакахъ, открываетъ тайное, будущее, а другая производится подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ, *враждебныхъ силъ* ко вреду однихъ и къ пользѣ другихъ. Въ старинномъ Рускомъ языкѣ *гадать* принимается въ смыслѣ *думать* (30). *Волхвованіе*, по толкованію Стоглава, *бѣсовское служеніе*, имѣетъ одинакое значеніе съ *колдованіемъ*; ибо то и другое относится къ Астрологіи, въ коей упражнялись *Волхвы* и *Халдеи*. См. выше на стр. 2 о хожденіи съ звѣздою. *Чарованіе* (Zauberey) и *обаяніе* сословны, но способами различны. „Чарованіе, по изъясненію мірскаго „Потребника 1639 г., есть, еже обаваніемъ и „призываніе бѣсовъ (чертей) нѣкое дѣяніе „яковолюбо, на вредъ инымъ“ (31).

Способы гаданія бываютъ естественные или искуственные, какіе встрѣчаются не только у Восточныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ. Къ первымъ принадлежатъ примѣты, наблюденіе естественныхъ явленій, на пр: *птицеволхвованіе* (auguria,

---

(30) *Карамз.* И. Г. Р. т. IV. прим. 380.

(31) *Волхвъ* на Скандин. Alfve, или Olfve, духъ, жрецъ. Въ Славенорос. Лексиконѣ *Памвы Берынды*, 1631 г., „Кудесникъ, *чортъ* или *чаровникъ* въ Москвѣ нарицается.“ По Богемски *Чартъ*.

auspicia), а къ другимъ производимыя искусствомъ, на пр: *Κηρομαντεία, литье воска* и пр. п.

Благопріятнѣйшимъ временемъ для гаданій почитается ночь, особливо полночь. Важнѣйшія изъ нихъ на канунахъ Новаго года, или въ *Овсень*, и Крещенія, или *Свѣти*.

Гадающіе собираютъ кольца, перстни, запонки, сережки и другія вещицы, кладутъ ихъ въ блюдо съ кусочками хлѣба и накрываютъ полотенцемъ, или ширинкою. Сначала поютъ *пѣсню хлѣбу и соли*, потомъ другія подблюдныя пѣсни; по окончаніи каждой, запустивъ руку въ накрытое блюдо подъ его покровъ, ловятъ что попалось. Къ етому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ коего выводятъ себѣ предвѣщаніе (32), на пр:

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой;
Сплеталися, цѣловалися,
Сизыми крыльями обнималися.

Послѣ присужалось, что дѣлать за выкупъ вещей. Послѣднему, когда оставалась одна вещица, пѣли обыкновенно свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо катили по полу, загадывая, въ какую сторону оно покатится: если покатится къ дверямъ —

---

(32) Dissertations sur les antiquités de la Russie, par *M. Guthrie*, à S. Pet. 1795, in 12.

дѣвушкѣ къ замужеству, мущинѣ — дорóга (32). За подблюднымъ загадываніемъ, по сущности своей столь сходнымъ, какъ мы замѣтили, съ Греческими *κληδών* и *κληδόνισμα*, слѣдуетъ *хороненіе золота*.

Въ Руской символикѣ золото играетъ важную роль. Изъ отечественной лѣтописи видимъ, что Рускіе, при договорѣ съ Греками, полагая золото предъ Перуномъ и Волосомъ, клялись, что если нарушатъ договоръ, то да *будутъ золоти яко золото*, и что Югорскіе Князья давали себя Великому Князю на *опасѣ* и въ знакъ вѣрности *пили воду съ золота* (33). Ето подтверждаетъ самая поговорка о чемъ либо имѣющемъ сбыться: *Съ твоего слова, какъ съ золотаго блюда.*—*Хороненіе жъ золота* должно быть однимъ изъ древнихъ повѣрьевъ и обрядовъ. Оно теперь состоитъ въ томъ, что сидящимъ дѣвицамъ и мущинамъ тихонько дается оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо, которое они тайкомъ передаютъ другъ другу: между тѣмъ одна или одинъ ищетъ его, при пѣніи обрядовой пѣсни, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ. Пой-

---

(33) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. стр. 58—67. (33) *Карамз.* И. Г. Р. VI, прим. 461. — Евреи также клялись *златомъ* храмовымъ, какъ видно изъ *Ев. Матѳея*, XXIII, ст. 16.

манный опять начинаетъ опыскивать и т. д. Дѣвушки также выходятъ ночью на улицу спрашивать перваго встрѣшняго объ имени, вѣря, что ѣтимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Изъ Стоглава видимъ, что *оклички* были древнимъ у народа суевѣріемъ. Гадальщики и гадальщицы ходятъ слушать подъ окны чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или непріятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную или скучную жизнь въ замужствѣ. Онѣ въ полночь у церкви слушаютъ подъ замкомъ; и если тамъ почудится имъ печальное или радостное пѣніе: то выводятъ изъ перваго предвѣщаніе себѣ смерти, а изъ другаго свадьбы. — Кромѣ ѣтихъ, бываютъ еще слѣдующія гаданія, во многомъ сходныя съ Римскими авгуріями, Скандинавскими и Германскими ворожбами и вѣроятно съ Мерянскими или Финнскими кудесами.

„Снявъ съ насѣсти куръ, приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлены въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, кольцы золотыя, серебряныя и мѣдныя. Если чья курица станетъ пить воду — мужъ будетъ пьяница; если станетъ ѣсть хлѣбъ — то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольце золотое — мужъ будетъ богачь, если серебряное — то средняго состоянія, если же мѣд-

ное — то нищій (34). Въ Костромской Губ. о Святкахъ холостые парни и дѣвицы ходятъ въ курячьи хлѣвы, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣсти (насѣдала). Какого цвѣта курица, такого будетъ, по примѣтѣ, суженый или суженая." Въ Сибири выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и замѣчаютъ, если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица храбрится передъ пѣтухомъ: то значитъ, что жена возьметъ верхъ надъ мужемъ."

„Выводятъ лошадей изъ конюшни чрезъ оглоблю или черезъ жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или жердь ногами: то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; еслижъ перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирной и житье счастливое. Такъ въ Ругенѣ предъ начатіемъ войны гадали жрецы объ успѣхѣ, переводя бѣлаго коня Свѣтовидова черезъ нѣсколько жердей, а въ Штетинѣ воронаго коня черезъ копья." Слѣды подобнаго гаданія находитъ въ Ярославской и Калужской Г. нашъ ученый юристъ Профессоръ Морошкинъ (35).

---

(34) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. *И. Сахаровымъ*. Спб. ч. 1 и 2. 1837, въ 8.

(35) Опытъ Исторіи Росс. Государственныхъ Законовъ, *соч. А. Рейца*, перев. *О. Морошкина*. М. 1836, въ 8.

„Выходятъ къ забору и говорятъ: „*Залай, залай, собаченька! Залай, сѣренькій волчекъ! Гдѣ собака залаетъ, тамъ мой суженой!*“ Въ которой сторонѣ дѣвушка услышитъ лай, въ той и будетъ жить за мужемъ. Чѣмъ ближе слышенъ лай, тѣмъ ближе будетъ жить: чѣмъ глуше, тѣмъ далѣе. Толстый, охриплый лай означалъ старика, а звонкій и тонкій — молодаго (36).“

„Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ смотрѣть: въ которую сторону обращенъ онъ носкомъ, тамъ и быть за мужемъ; еслижъ башмакъ лежитъ обращенный къ воротамъ дома: то сидѣть въ дѣвкахъ етотъ годъ.“

„Какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи, такъ и въ Россіи о Святкахъ льютъ воскъ и олово въ воду, и по вылитымъ фигурамъ узнаютъ свой жребій, счастіе или неудачу, урожай или голодъ (37). Въ Потребникѣ 1639 г. *восколѣй* и *оловолѣй* называются чародѣями.“ „Распопивъ олово, опущаютъ въ воду на имя того, о комъ загадываютъ: когда

(36) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. — Абевега Русскихъ суевѣрій и пр. соч. М. Ч. 1786, въ 8.

(37) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von D. *H. Klemm*. Dresden. 1836, въ 8.

выльется подобіе гроба, то предвѣщаетъ смерть въ тотъ годъ, если вѣнецъ — то замужство, еслижъ домъ — то перемѣну жилья."

„Если желаютъ дѣвицы знать, что̀ чится въ слѣдующемъ году; то взявши вещи: зборникъ, т. е. головной женс уборъ, часть хлѣба и штучку дерева, крываютъ ихъ горшкомъ съ разными приговорами. Та дѣвица, которая желаетъ узнать свою участь въ наступающемъ году, закрывъ себѣ глаза, подходитъ къ горшку и беретъ себѣ попавшуюся вещь. Зборникъ значитъ замужство, часть хлѣба — сидѣнье въ дѣвкахъ, а штука дерева — гробъ (38)." Такъ дѣлается у поселянъ въ Костромской Губ.

„Еще каждая дѣвица желая знать, проживетъ ли она етотъ годъ, беретъ въ руки березовую лучину, бѣгаютъ къ рѣкѣ или роднику, мочутъ въ водѣ лучину и возвратясь домой, зажигаютъ ее на огнѣ: у которой скоро загорится, той прожить етотъ годъ: а у которой не скоро загорается, той умереть."

„Также въ Вельской и Шенкурской округахъ гадаютъ о годовой судьбѣ слѣдующимъ

(38) Свѣдѣнія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ, рукоп. М. Мясникова, 1829.

образомъ: нѣсколько дѣвицъ взявши сполешникъ, хлѣбъ, ножикъ и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на прорубь, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ коемъ и садятся, закрывъ себя сполешникомъ, или скатертью, и ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобъ судьба возвѣстила имъ, что случится съ ними въ наступающемъ году — и въ таинственной тишинѣ полночи слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ со звономъ колокольчиковъ, другой чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и пр. (39). Что дѣлается не только въ Россіи, но и въ Шотландіи: по свидѣтельству В. Скотта, гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую воловью или коровью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, коими открывается будущее гадающимъ (40).

„Надобно ли узнать имъ жениха своего: дѣвушки берутъ по клочку соломы, вскло-чивъ и перепутавъ ее въ комъ, кладутъ на столъ, на солому ставятъ желѣзную сково-

(39) Poetical works of S. *Walter Scott*. XII v. Edingb. 1823, 21.

(40) Сатирическій Вѣстникъ, ч. V. М. 1790, въ 12, стр. 73. о *Святкахъ*.

роду, а въ нее полагаютъ камень и льютъ нѣсколько воды; потомъ начинаютъ медленно выдергивать изъ подъ сковороды по соломенкѣ, отъ сотрясенія сковороды бряцаетъ и въ бряцаніи гадающія воображаютъ слышать имена своихъ суженыхъ."

„Берутъ лучину, обвернутую льномъ, втыкаютъ ее въ щель и зажигаютъ; если лучина упадетъ на сторону, то примѣчаютъ, что туда же быть отданной въ замужство."

„Въ стаканъ воды выпускаютъ бѣлокъ яичный, который и ставятъ въ печь. Черезъ нѣсколько времени, вынувъ стаканъ, примѣчаютъ, что или бѣлокъ подымется въ видѣ башни: то быть браку, а когда въ видѣ четвероугольника, то приближеніе смерти; браку же не быть, если бѣлокъ не подымется."

„Въ сковороду наливается вода; потомъ на положенные въ нее камни кладутся растрепанные охлопки, кои, зажегши, накрываютъ горшкомъ. Если вода сильно заклокочетъ: то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ свекровь сварливая."

„Пятясь задомъ къ полѣнницѣ дровъ, и взявъ полѣно, идутъ домой. Сколько на полѣнѣ сучковъ, столько будетъ и людей въ

томъ семействѣ, въ которое вступитъ; если полѣно безъ сучьевъ, то будетъ жить въ бѣдности и одиночествѣ; еслижъ шероховато: то въ богатствѣ."

„Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ ихъ платкомъ, изъ подъ коего вынимаютъ: если вынется кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ — богачь, еслижъ крючекъ — бѣднякъ, *бѣдный крюкъ*."

„Дѣвка выходитъ на перекрестокъ; положивъ въ подолъ нѣсколько снѣгу, прясетъ его, приговаривая: „*Взлай, взлай, собака! „на моей сторонкѣ!*" Съ которой стороны услышится голосъ, туда, примѣчаютъ, и отдадутъ въ замужество."

„Ходятъ еще къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломинку; ежели она будетъ съ колосомъ; то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужство станетъ жить богато, а бѣдно, если соломина попадется безъ колоса."

„Также выходятъ дѣвки въ полночь на перекрестокъ и загадавъ о будущемъ своемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ, и стоя въ немъ, прислушиваются, и когда почудится имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ, или ве-

селое пѣніе, то заключаютъ, что быть за мужемъ; еслижъ послышится имъ плачъ, вой или унылое пѣніе, то значитъ умереть" (41). На перекресткѣ также смотрятъ и видятъ въ зеркалѣ суженаго и ряженаго (42).

„Садятся на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ ей волю итти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ за мужемъ."

Въ полночь гадающія дѣвицы садятся у оконъ, приговаривая каждая: „Суженой, ря-„женой! поѣзжай мимо окна". Ежели которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ: то предрекаетъ себѣ жизнь веселую и счастливую, еслижъ поѣздъ тихій: то замужняя жизнь будетъ въ бѣдности.

Въ началѣ еще XVII вѣка существовало въ Россіи *гаданіе на бобахъ*, какъ видно изъ вышеприведеннаго Потребника мірскаго, гдѣ запрещается *вѣровать бобамъ*, и изъ пословицы народной: *Чужую бѣду бобами раз-*

---

(41) см. Народные праздники и обычаи Костромской Губерніи, особенно въ Нерехотскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ, М. Я. *Діева* и Ю. Н. *Бартенева*.

(42) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва, 1786, въ 8.

веду, кѣ своей бѣдѣ ума не приложу. см: 1 часть сей книги, стр. 28.

По такимъ способамъ гаданія, узнавъ состояніе, нравъ и имя жениха, пытливыя невѣсты желаютъ еще видѣть своего суженаго въ лице и даже поговорить съ нимъ. Сіе важное и страшное гаданіе совершается въ самую полночь.

„Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ зеркаломъ зажженая свѣча. Дѣвица одна одинехонька входитъ въ покой, смотритъ черезъ свѣчу въ зеркало и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ *тутъ меня*: явленіе исчезаетъ.

Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго: передъ однимъ дѣвица сама ставила на столъ двѣ свѣчи, а другое позади себя, очертивъ лучинкою, коею зажженъ былъ огонь въ сочельникѣ, и глядѣла въ зеркало прилежно. Сначала будто зеркало подергивалось туманомъ, потомъ мало по малу прояснялось и суженой глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться, а не оглядываться (43).

---

(43) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837 г. въ 8. — Записки о нравахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Нерехотскаго уѣзда, М. Я. *Дѣева.*

„Накрывъ *столъ* или *ужинъ для суженаго*, о которомъ мы намекнули выше, при сравненіи съ Еврейскими и Скандинавскими древностями. Для этого ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка, пытающая судьбу свою, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: *Суженый ряженый! приди ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ будетъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣтуха для того, что если не поможетъ зачураньe и гость засидится: то надобно хорошенько давнуть пѣтуха — онъ запоетъ и все исчезнетъ.“ Признаки приближенія суженаго слѣдующіе: вѣтръ завоетъ и свистнитъ подъ окнами; въ ставни и дверь стучатся, понесетъ смрадный запахъ, предшественникъ суженаго. Разумѣется, что о подобныхъ гаданіяхъ есть въ народѣ много преданій и чудесныхъ разсказовъ, кои дѣйствуютъ на воображеніе.

Къ святошнымъ гаданіямъ принадлежатъ также *сновидѣнія* (44), кои почитаются тогда

(44) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

за предсказанія. Къ нимъ дѣлаютъ слѣдующія приготовленія:

„Собравъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ его подъ подушку. Дѣвушка ложась спать, приговариваетъ: „Кто мой суженой, „кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня „черезъ мостъ!“ Суженой является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.“

„Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ все и глотаютъ. Ложась спать, дѣвушка говоритъ: „Кто мой суже„ной, кто мой ряженой, тотъ мнѣ пить „подастъ“. Суженой пригрезится во снѣ и подаетъ пить.

„Также кладутъ подъ подушку гребенку съ такими словами: „Суженой, ряженой! „причеши мнѣ голову.“ Онъ будто является и чешетъ голову и т. д.

Подобныя жъ гаданія наблюдаются и въ другихъ Губерніяхъ, только съ нѣкоторыми отмѣнами.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старухъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. Особенный предметъ гаданій *суженый ряженый*, сходный съ Скандинавскимъ Iule-Vaetter, означаетъ роковаго, назначаемаго *суд-*

бою и *рядомъ*, т. е. опредѣленіемъ; ибо въ простонародномъ языкѣ и бракъ называется *судьбою*, какою располагала въ старину у Русскихъ не одна воля дѣтей, а воля родителей.

§ 3. Въ составъ святочныхъ игръ входятъ и *загадки*, кои передаются изъ рода въ родъ. Этотъ способъ представленія предмета околичностями, сходный съ символическимъ способомъ изображенія и столь благопріятный нравственной цѣли, имѣлъ отчизну свою на древнѣйшемъ Востокѣ; онъ сроденъ и Русскому народу, который гораздъ на выдумки и смѣшливъ — у него издревле ведутся загадки. Въ старинной сказкѣ XVI вѣка *о купцѣ Кіевскомъ* изображается *гордый Сміанъ*, который загадывалъ загадки странникамъ и кои разгадалъ Кіевлянинъ Борзосмыслъ (45). Особенно время годовыхъ гаданій бываетъ порою и загадокъ, кои нерѣдко имѣютъ форму шарадъ и логогрифовъ: обыкновенно ихъ предлагаютъ старые и *бывалые* молодцамъ и дѣвицамъ для испытанія ихъ догадливости и смѣшливости, напр:

„Мать толста, дочь красна, сынъ хоро-
„беръ въ небеса ушелъ." (Печка, огонь, дымъ.)

или „Выду я на гой, гой, гой, и Ударю
„я гой, гой, гой! Разбужу Царя въ Москвѣ,

(45) *Карамз.* И. Г. Р. т. VII, прим. 411.

Короля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитю въ колыбели, попа въ терему.“ (Колоколъ.)

Между загадками разсказывались и сказки о старомъ житьѣ-бытьѣ, присказки, и прибаутки, которыми обвеселялась бѣсѣда.

Какъ пѣсни, такъ и сказки и загадки различаются по мѣстности, которая вкупѣ съ временемъ кладетъ на нихъ свою печать (46).

§ 4. Выше замѣтили мы, что къ Святкамъ относятся нѣкоторые обычаи, родившіеся въ Христіанскомъ мірѣ у Славяно-Русскихъ и состоящіе изъ Христіанскихъ воспоминаній о Рождествѣ Спасителя. Таково *хожденіе* по домамъ съ *вертепомъ* и *звѣздою* и *славленье* дѣтей, сходное съ западною *Календою*, которое заключается въ чтеніи рацей, сочиненныхъ на этотъ случай. Хотя первое болѣе употребительно въ малой и бѣлой Россіи; однакожъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ странахъ Сѣверной Россіи и даже въ Сибири. Въ Шенкурской и Вельской округахъ съ 25 Декабря цѣлую недѣлю ходятъ ребятны со *звѣздою*, сдѣланною

(46) см. *Загадки* во 2 части Сказаній Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. И. *Сахаровымъ*. Спб. 1837, въ 8.

изъ бумаги, въ аршинъ величиною, съ разными прикрасами и освѣщаемою свѣчами. Пришедши подъ окны дома, сперва поютъ они тропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградье* (см. пѣсни): между цѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ виноградье, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божію;* етимъ они просятъ себѣ подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хожденіе съ нею и пѣніе виноградья вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *Коледы*.

Въ Сибири также ходили *съ вертепомъ*, который былъ ящикъ о двухъ ярусахъ: въ немъ представляли деревянными фигурами разныя сцены, относящіяся къ Рождеству Христову: явленіе Ангеловъ, поклоненіе Волхвовъ, бѣгство во Египетъ. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. При етомъ обыкновенно дьячекъ зажигалъ свѣчи, коими освѣщался вертепъ, а трапезникъ гасилъ ихъ; у одного былъ за плечами кузовъ, у другаго въ рукахъ тарелка, на которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ

сопровожденіи гудочника или скрипача (47). см. ч. I, стр. 166.

Хотя въ Россіи не было западнаго *праздника трехъ Царей;* но со временъ Царя Алексія Михайловича введено въ обыкновеніе ходить Государямъ о Святкахъ *славить* даже къ подданнымъ своимъ. Въ такомъ отношеніи слово *славить* значитъ хвалить, благодарить; соотвѣтствуетъ Греческому *ἐυχαριστεῖν*, и Лат. laudare, colere, такъ какъ *слава* созвучна съ переспановленными буквами въ словѣ laus. Славленье его начиналось по полудни праздника слѣдующимъ образомъ: Процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ, съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками, обвернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ Царь со всѣмъ клиромъ и съ толпою Князей и Бояръ: они ѣдутъ на саняхъ и посѣщаютъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ. По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ *Тебе Бога хвалимъ* и поздравляютъ съ новымъ годомъ. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свитою. Послѣ угощенія, они

(47) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

отправляются къ другому вельможѣ (48). „Московскіе Государи", говоритъ Бруинъ въ своемъ путешествіи (49), 1649 года, „по„сѣщаютъ знатнѣйшихъ изъ своихъ подданъ„ныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ „Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угоща„ютъ: и сіе называется *славленьемъ*. Царь „ходитъ, сопровождаемый Князьями, Боя„рами и другими царедворцами. Сія церемо„нія началась 1702 года Января 3. Перваго „Бранса Царь Петръ I посѣтилъ въ 9 часовъ „утра; съ нимъ пріѣхало около 300 человѣкъ „на саняхъ и верхомъ. Столы покрыты были „различными лакомствами, сперва подавали „холодныя, а потомъ горячія кушанья. Весе„лость была непринужденная и напитки ли„лись щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Ве„личество со всѣмъ своимъ дворомъ отпра„вился къ Лупсу, гдѣ было такоежъ угоще„ніе, потомъ въ другія мѣста, наконецъ вся „его свита поѣхала отдыхать въ домы, на„рочно для этого построенные." Изъ совре-

(54) *Constantini porphyrog.* libri II, de ceremoniis aulae Byzantinae, edit. I. Leichii et I. Reiskii, Lipsiae. 1754. f. — Haybold's Beylagen zur verändert. Russland. Leipz. 1769—70, I T. in 8.

(49) *Bruyn Corn.* travels into Muscovy, Persia and Eastindiens. London. 1737, 2 v. f.

менныхъ записокъ видно, что наказываемы были кнутомъ и батогами тѣ, которые уклонялись отъ славленья. У Желябужскаго въ лѣтописи внесено, что „Григорій Камынинъ „билъ плетьми за то, что былъ написанъ „въ *славленье*, да не ѣздилъ“(50). При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о Рождествѣ Христовѣ давалась придворнымъ пѣвчимъ дача, извѣстная подъ именемъ *славленаго* (жалованья). Это-то *Колядa;* и теперь, вмѣсто *колядовать*, по Руски можно сказать *славить*.

Петръ I съ Января 1, 1700 года, установивъ праздновать *новолѣтіе*, по Европейскому обычаю, велѣлъ украшать домы зелеными вѣтвями, освѣщать улицы и т. п. Но это уже было гражданскій Государственный праздникъ, а не народный, который изо всѣхъ особенно отличался множествомъ обрядовъ, примѣтъ и воспоминаній, въ коихъ представляется разнородная смѣсь языческихъ стихій съ христіанскими, коренныхъ отечественныхъ съ привитыми иноземными, древнихъ обычаевъ съ новыми.

---

(50) Дѣянія Петра I. т. 2. изд. 2. М. 1837, въ 8.

Какъ всѣ народные праздники въ началѣ своемъ были религіозные и болѣе или менѣе сходные между собою, кромѣ мѣстныхъ различій: такъ и *Коледа* и *Святки*, извѣстныя почти во всемъ Славянскомъ мірѣ, даже по формѣ своей заключаютъ въ себѣ не одну игру фантазіи младенчествующаго народа, но и миѳическое значеніе, заимствованное изъ Языческаго міра. Протекши разныя епохи Рускаго народа, етотъ праздникъ удержался въ преданіяхъ, получилъ отъ народной жизни и характера новое развитіе и новое названіе. Какъ на материкъ земли время накладываетъ разные новые слои: такъ и къ народности прививаются чуждыя повѣрья и обычаи, соотвѣтственно современнымъ понятіямъ. По сродной человѣчеству олицетворяемости и Коляда празднество, по примѣру Римскаго двуликаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество мира и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лѣто и начиналось новое (51); но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ отечественныхъ божествъ, Перуна, или Даж-

(51) Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Рускихъ, *Гавр. Успенскаго*, 2 ч. изд. 2, Харьковъ, 1818, въ 8.

ба, или Волоса, предъ которыми клялись, полагая *золото*, на которыхъ намекаетъ *хоронение золота* и *гаданіе*. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ мивическое лице и, какъ укоренившійся давностью обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и семейной.

Коледа и Купало, въ Славяно-Русскомъ мірѣ, имѣя связь съ солнцестояніями зимнимъ и лѣтнимъ, составляютъ два главнѣйшія и важнѣйшія празднества въ году, къ коимъ должны имѣть отношеніе и другія торжества. Славянское *коло*, или *колесо*, символъ солнечнаго оборота и коловратности судьбы человѣческой (52), въ Коледѣ выражается одинаково и Скандинавскимъ Iol, Iuel, (юла?) и Финнскимъ Ioulu и Индійскимъ Houli и Греческимъ *κύκλος*: такъ какъ въ *коледованіи* подобозвучными словами Новогреч. *κολαδεῖν* пѣть, Санскрит. Kalala воскликновеніе и Скандин. Kallada восклицать, проявляется дѣйствіе или движеніе болѣе духовное. По времени и сущности Святочныя игры соотвѣтствуютъ Египетскому празднику Озирида или Ора, сопровождавшемуся гаданіями о жребіи, Римскому Natalitia invicti Solis, Индійскому

(52) Eddae Saemundinae. v. V et VI. Havniae. 1828. in 4.

Перунъ-Понголъ съ *Угадами* и Англо Саксонскому *Moedrenecht*. О древности этого празднества на Сѣверѣ свидѣтельствуетъ Прокопій Византіецъ VI вѣка, какъ выше замѣчено нами. *Коледа* же перешла поздно на Сѣверъ Россіи съ Юга и Запада, гдѣ она съ незапамятныхъ временъ проявилась. Въ Святочныхъ обрядахъ — *гаданіи* и *переряживаніи* — замѣтно стремленіе къ общенію съ міромъ духовнымъ и внутренняя ихъ связь съ Демонологіею и Астрологіею. Какъ Язычество превращалось въ Демонологію, а языческія божества въ *демоновъ, чертей, оборотней*, какими онѣ называются и въ церковныхъ книгахъ и слывутъ въ народѣ: то и въ нашихъ Святочныхъ игрищахъ мы находимъ слѣды этого вѣрованія, какое встрѣчаемъ у Грековъ въ среднія времена. см. выше стр. 32. И нынѣшніе Греки также вѣрятъ, что въ мрачныя но́чи зимы, особливо со дня Рождества Христова до Богоявленія, шатаются оборотни (*καρκάντζαλοι*), *Савазій* (53), *Паганіи* (54), или

(53) *Ὁ λύκος Σαβατιανὸς*, волкъ-оборотень — происходитъ, по мнѣнію Свиды, отъ Савазій, то же что Вакхъ. см. *Потребникъ*. 1639 г. л. см. въ *Вѣстникѣ Европы* 1827, No 8, ст. Обычаи, повѣрья и праздники нынѣшнихъ Грековъ.

(54) *Паганій* Греки представляютъ тощими колдунами съ головою осла и хвостомъ обезьяны. ср. *Taciti* Hist. V. 3, 4.

Опокентавры, похожіе на черныхъ Алфовъ у Датчанъ, Шведовъ и Норвежцовъ. Нечистыя сіи твари, по мнѣнію простолюдиновъ, не что иное суть, какъ Жиды ослопоклонники, ищущіе Мессіи съ цѣмъ, чтобы погубить его въ колыбели. Что у Нѣмцевъ die Knecht Ruprecht, у Исландцевъ Púki, у Ирландцевъ Pooka, то у Рускихъ *Бука*, которымъ о Святкахъ пугаютъ дѣтей. Послѣ освященія воды въ Богоявленіе немедленно исчезаютъ сіи чудища и воздухъ очищается отъ заразительнаго ихъ дыханія. Вѣроятно по сему, наряжавшіеся страшилищами или святочниками для очищенія купаются въ Іорданѣ.

Предметъ Святочныхъ мнѣній природа и жизнь — предметъ гаданій главнѣйшія условія человѣка въ опредѣленномъ кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай и неурожай и другіе случаи житейскіе. Самый мракъ и безмолвіе роковыхъ святочныхъ ночей соотвѣтствуютъ таинственности обрядовъ, кои предшествуютъ такъ называемымъ въ лѣтописяхъ *Свадебнымъ недѣлямъ*, продолжающимся отъ Водокрещей до Масляницы. Святочныя игры развились на нашемъ Сѣверо-Востокѣ вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни. По мѣрѣ сближенія Рос-

сіи съ Европейскимъ Западомъ переселялись въ нее шамошнія *заморскія* повѣрья, мнѣы и обряды, напоминающіе о древнемъ сродствѣ съ Греками, Римлянами и Нѣмецкими племенами, и примѣшавшись къ кореннымъ, пузеннымъ обычаямъ, у насъ обрусѣли: отъ сего въ нашихъ Святочныхъ играхъ встрѣчаются *Готскія*, бывшія въ Византіи. При переселеніи Готовъ подъ предводительствомъ Одина III, онѣ могли перейти къ Славянамъ, если еще прежде не заимствованы первыми отъ послѣднихъ; ибо, по свидѣтельству Скандинавскихъ историковъ, иогда часть Готовъ, или Азовъ, двинулась отъ Азовскаго къ Балтійскому морю, а оттуда къ Сѣверо-Востоку.

Польскими жартами (55) именовалось особенно наряжанье козами, медвѣдями, журавлями и т. д. Нѣкоторыя изъ Святочныхъ игръ въ Россіи, какъ-то: *фанты* (fanty), *жмурки* (ślepa babka) и пр., сходны съ Польскими (56). Все сіе ведетъ къ заключенію, что *маскированіе* и *переряживаніе* о Святкахъ перешли къ намъ съ Запада и по сему-то личины, налич-

(55) фартами. см. Москва, или историческій путеводитель. ч. 3. М. 1831, примѣч. 3. въ 8.

(56) см. Ubiory w Polszcze, t. I. Lud Polski, t. II. Gry i zabawy, t. III.

ники, хари, маски называются *Латинскими*. Что̀ж касается до *гаданій*, то онѣ должны быть у насъ народными, древнѣе первыхъ, и проистекаютъ изъ кореннаго вѣрованія и быта, какъ видно изъ лѣтописей. Гаданія соединяются съ *пѣснопѣніями*, кои, не смотря на случайныя искаженія, носятъ на себѣ печать миѳическую и признаки древнѣйшаго сродства или сосѣдства Славянъ съ Греками, Скандинавами и Финнами, у которыхъ находимъ слѣды подобныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ святочныхъ пѣсенъ прямо свидѣтельствуютъ о переселеніи однихъ обрядовъ съ Дуная въ предъисторическія времена, а другихъ изъ Новагорода, союзника Ганзейскаго, на Московщину, вѣроятно, не прежде XVI вѣка; ибо въ первыхъ упоминается далекій отъ нашего Сѣвера *Дунай* и неизвѣстный у насъ въ Древности *виноградъ*, а въ послѣднихъ — *Новгородъ*; какъ-то:

Шла Коледа изъ Новагорода̀ —

Шла щука изъ Новагорода и т. д.

Одинаковыя въ сущности, онѣ получили отъ мѣстности нѣкоторыя особенныя различія въ словахъ и оборотахъ.

I.

КОЛЯДСКІЯ ПѢСНИ И ВИНОГРАДЬЕ.

1.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотички рыбья зубья, (α)
На дворѣ у него да три терема: (β)
Во первомъ терему да свѣшелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды:
Что свѣшелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ.
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки;
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить,
Да, дай, Боже, Улитѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъалтына. (*)

(*) См, Абевега Рускихъ суевѣрій. М. 1786, въ 8, стр. 224.

2.

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору приити,
Виноградье красно зеленое.
Прикажишко ты, хозяинъ, *коледу* просказать,
Виноградье и проч.,
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу,
Виноградье и проч.,
Уже ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградье и проч.,
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ;
Виноградье и проч..
На седьми верстахъ, на осьмидесятъ столбахъ,
Виноградье и проч.;
Что же около двора, да желѣзной тынъ,
Виноградье и проч.,
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Виноградье и проч.,
Что на всякой же по крестику;
Виноградье и проч.,
Что на всякомъ же крестику по жемчужку,
Виноградье и проч.,
А среди того двора, что три терема стоятъ,
Виноградье и проч., (*)

(*) Въ Устюгѣ Великомъ. см. Руководство къ физическому описанію областнаго города Устюга великаго; соч. Штабъ-лѣкаря *Я. Фриза*, 1793 г.

Что три терема стоятъ златоверховаты,
Виноградье красно зеленое.
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградье и проч.,
Красно солнце, то хозяинъ въ дому,
Виноградье и проч.,
Что въ другомъ терему свѣшелъ мѣсяцъ,
Виноградье и проч.,
Свѣшѣлъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,
Виноградье и проч.,
Что во третьемъ терему часты звѣзды,
Виноградье и проч.,
Часты звѣзды, то малы дѣтушки,
Виноградье и проч.;
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на раю,
Виноградье и проч.,
Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду:
Виноградье и проч.,
Малы дѣтушки, какъ олябышки,
Виноградье красно зеленое.

По окончаніи сего пѣнія одинъ изъ дѣтей, хозяина и хозяйку поздравляетъ съ праздникомъ.

3.

Коляда., коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества;
Мы .ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзной тынъ:
Середи двора три терема стоятъ,
Во первомъ терему свѣшелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды:
Свѣшелъ мѣсяцъ Петръ сударь,
Свѣтъ Ивановичь;
Красно солнце Анна Кириловна;
Частыя звѣзды — то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой
На долгіе вѣки, на многія лѣта!

4.

За рѣкою, за быстрою, ой колóдка!
Лѣсá стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скáмьи стоятъ,
Скáмьи стоятъ дубовыя,

На тѣхъ скáмьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни колѝодушки.
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ты, брáтецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали. (1)
Ой колѝодка! ой колѝодка!

---

1). Здѣсь изображается жертвоприношеніе, гдѣ насыпался песокъ, въ который у Сѣверныхъ народовъ изливалась *кровь* жертвы; ето выражаютъ слова: *пески сердце высосали*. См. сію пѣсню въ I части етой книги, стр. 103.

2). Здѣсь помѣщены только *пѣсни Колядскія* какія извѣстны въ Велико-Россіи, а Малороссійскія найти можно у Г. Максимовича въ собраніи, и у другихъ. Вѣроятно въ полнѣйшемъ собраніи Г. Киреевскаго, нетерпѣливо ожидаемомъ, найдутся и другія Колядки, открытыя имъ въ путешествіяхъ по Россіи.

II.

пѣсни святочныя.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей земли,
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному плашью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣнивашься,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава:
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!

2.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмицское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупень жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою.
Слава!
Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы (γ);
Слава!
Шубенка на немъ худенька;
Слава!

Одна пола во сто рублей,

Слава!

Другая пола въ тысячу,

Слава!

А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ;

Слава!

Цѣна ей у Царя въ казнѣ,

Слава!

У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

Слава!

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы;

Слава!

Несетъ кузнецъ три молота;

Слава!

Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ.

Слава!

Ты скуй мнѣ вѣнецъ и зóлотъ и новъ,

Слава!

Изъ осташочковъ золотъ перстень,

Слава!

Изъ обрѣзочковъ булавочку.

Слава!

Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться,

Слава!

Мнѣ шѣмъ перстнемъ обручаться,

Слава!

Мнѣ шою булавкою убрусъ пришыкать.

Слава!

5.

Летитъ соколъ изъ улицы,

Слава!

Голубушка изъ другой;

Слава!

Слетались, цѣловались,

Слава!

Сизыми крыльями обнималися;

Слава!

Ужъ и имъ добрые люди дивовалися,

Слава!

Какъ соколъ съ голубушкой уживалися.

Слава!

6.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночку,
Слава!
Не груздочекъ скачетъ, а боярской сынъ,
Слава!
Не бѣляночки ищетъ, а боярышни.
Слава!

7.

Ужъ какъ вышло пузище на рѣпище,
Слава!
Вынесло пузище осмину вшей,
Слава!
Осмину вшей, нолъ-осмины блохъ,
Слава!

8.

Расшворю я квашонку на донышкѣ,
Слава!
Я покрою квашенку чернымъ соболемъ,
Слава!

Ополшу квашонку краснымъ золотомъ.

Слава!

Я поставлю квашенку на сполбичкѣ,

Слава!

Ты взойди, моя квашенка, съ краями ровна,

Слава!

Съ краями ровна и совсѣмъ полна.

Слава!

9.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою (б),

Слава!

Живутъ мужики богатые,

Слава!

Гребутъ золото лопатами,

Слава!

Чисто серебро лукошками.

Слава!

10.

Шла щука изъ Нова-города,

Слава!

Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера;

Слава!

Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,

Слава!

Чшо серебряная, позолоченая,

Слава!

А головка у щуки унизанная!

Слава!

11.

На корыцѣ сижу,

Слава!

Я корысши кляжу;

Слава!

Я еще посижу.

Слава!

Я еще погляжу,

Слава!

Я глядь-поглядь,

Слава!

И корысшь пришла на дворъ,

Слава!

И корысшь на дворъ, женихи за столъ.

Слава!

12.

Чарочка поплывушечка,

Слава!

До чего тебѣ доплываши?

Слава!

Пора тебѣ вонъ выплывашь,

Слава!

Князьямъ, Боярамъ вино подносишь.

Слава!

13.

Ахъ! ты, маши, сѣй мучицу, пеки пироги.

Слава!

Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,

Слава!

Какъ нечаянные и невиданные,

Слава!

Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,

Слава!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ (*e*).

Слава!

14.

Жемчужина окашная!

Слава!

До чего тебѣ докашиться?

Слава!

Пора тебѣ выкашиться,

Слава!

Князьямъ и болрамъ на шапочку.

Слава!

15.

Стоятъ сани снаряженые,

Слава!

И полостью онѣ подернуты,

Слава!

Только сѣсть въ сани, да поѣхати.

Слава!

16.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку:

Слава!

Ты поди, моя кошурка, въ печурку спать,

Слава!

У меня у кота есть стклянница вина,

Слава!

Есть стклянница вина и конецъ пирога,
Слава!
Уменя у кота и постеля мягка.
Слава!

17.

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычинки серебряныя:
Слава!
Такъ бы вились Князья и Бояре,
Слава!
Около Царя православнаго.
Слава!

18.

Покачу я колечко кругомъ города,
Слава!
А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, милова найду.
Слава!

19.

Ласточка, касашочка,
Слава!
Не вей гнѣзда во высокомъ терему,
Слава!
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не лепываши.
Слава!

20.

Саночки, самокашочки,
Слава!
Они сами кашяшъ, сами ѣхать хошяшъ.
Слава!

21.

По огороду хожу, полотенцы стелю,
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю,
Слава!

22.

Ахъ! ты гнутое деревцо, черемушка!
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься.
Слава!

23.

Ты маши, маши, порода моя,
Слава!
И ты взгляни, маши, въ окошечко,
Слава!
И выкинь, маши, опушинку,
Слава!
Чтобы было чемъ опушать ясна сокола,
Слава!
Что ясна сокола, що моего жениха.
Слава!

24.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
У богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
И онъ сына-то женитъ,
Слава!
Дочь замужъ отдаетъ.
Слава!

25.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай красная:
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, видала;
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ! вы кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодова,
На правой на ручкѣ,

На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали,
Красныя гадали,
Да не отгадали;
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

26.

Золотая парча развивается,
Кто-то въ дорогу сбирается (*).

27.

Разцвѣли въ небѣ двѣ радуги,
У красной дѣвицы двѣ радости:
Съ милымъ другомъ совѣтъ
И расшворомъ подклѣтъ.

28.

Пошли гусли въ доль по лавкѣ,
Впередъ по скамейкѣ;
Мы дойдемъ до умника,
До разумника Ивана Михайловича:
Ты пожалуй намъ, умникъ,

(*) Телеграфъ, 1831, No 5. Въ Тул. и Орлов. Губерніяхъ.

Съ правой руки зóлотъ перстень,
Съ буйной головы золотъ вѣнецъ (*).

29.

Рылся кочетокъ на заваленкѣ,
Вырылъ кочетокъ жемчужинку.
Кому спѣли, тому добро.

30.

Катилася одонья ржи,
Кому прикатится,
Тому дóбро.
Кому вынется, тому сбудется, не минуется (**).

(*) Изъ Езоповой басни.

(**) Пѣсни подъ No 27—30 поются въ Симбир. и Пензен. Губерніяхъ.

Примѣч. Святочныя пѣсни взяты изъ собранія г. Сахарова и другихъ. До сихъ поръ лучшее напечаталъ изданіе Святочныхъ пѣсенъ В. С. *Алферьевъ*, который однакожъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ словахъ въ пользу музыки; оно вышло въ Москвѣ 1835 г. въ 8, подъ заглавіемъ: *Для Русскихъ Святокъ пѣсни, музыка и гаданіе.* Жуковскій прекрасно подражалъ святочнымъ пѣснямъ въ своей *Свѣтланѣ* и *Славѣ Царю*. А. Ѳ. Малиновскій изъ народныхъ обрядовъ и пѣсенъ написалъ извѣстную оперу: *Старинныя Русскія Святки*.

Дополненіе къ пѣснямъ подблюдными (*).

1.

Пѣсни хлѣбу и соли.

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ, слава
Государю нашему долѣ шого, слава;
Государь нашъ не старѣется, слава!
Его добрые кони не ѣздятся, слава!
Его цвѣтное платье не носится, слава;
Его вѣрные слуги не старѣются, слава!

2.

Еще ходитъ Никола по погребу, слава!
Еще ищетъ Никола не полнаго, слава!
Что не полнаго, не покрытаго, слава!
Еще хочетъ Никола дополнити, слава!
Да кому мы спѣли, тому добро, слава!
Кому вынется, скоро сбудется, слава!
Скоро сбудется, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
Да двѣ радуги,
Какъ у нашего хозяина
Двѣ радости:

(*) см. Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

Еще первая радость —
Сына женилъ,
А другая-шо радость —
Дочь замужъ отдалъ;
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ,
А за дочерью
Сундуки везутъ.
А кому мы спѣли, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

(Три послѣдніе стиха поются къ каждой пѣсни).

4.

Лѣпивая лѣнивица,
Лѣнилася она
Часто по воду ходить;
Она шаяла снѣгъ
На печномъ столбу;
Она вышаяла
Позолотъ пе́рстень,
О трехъ спавочкахъ;
Да кому ешимъ перстнемъ
Обручашися?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
Да греблася она на завалинѣ,
Еще выгребла позóлотъ перстень,
Позолотъ перстень о трехъ ставочкахъ.
Да кому ешнмъ перстнемъ обручашися?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку черéзъ ворота,
Что черезъ ворота, во высóкій терéмъ,
Изъ высокова терема на шесовую кровать.
Да кому на той подушкѣ спать, почивать?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

III.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ (*).

1.

(Одинъ ходитъ и поетъ. Кого онъ называетъ по имени, тѣ къ нему пристаютъ, покуда всѣ играющіе не сберутся. Тогда начинаютъ другія игры.)

Чижикъ, пыжикъ у ворощъ,
Воробушекъ маленькій!
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!
Максимъ, сударь, поди къ намъ,
Егоровичь приступись!
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!

2.

(Всѣ играющіе становятся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходитъ вокругъ и поетъ.)

Царевъ сынъ хороберъ,
Да ты что́ ходишь, гуляешь?

(*) съ No 1 по 8 Сибирскія пѣсни, а съ 8 по 13 Чухломскія.

Царевъ сынъ хоробѐръ,
Да ты что примѣчаешь?
Царевъ сынъ хоробѐръ.

*

Я хожу, хожу, гуляю
Я хожу, примѣчаю
Я свою, я Царевну,
Да свою Королевну;
А моя-то Царевна,
А моя-то Королевна
Въ Новѣгородѣ гуляетъ,
На ней вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный.

*

Ты войди, Царь, въ гóродъ,
Ты возьми ее за руку!
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько!

3.

Ходитъ Царь
Около города,
Около высока!
Ищетъ Царь,
Ищетъ Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
Кругомъ городà,

Я сѣку, рублю
Мечѐмъ вороша̀,
Еще все-ли я
Красну дѣвицу ищу;
Еще гдѣ я
Красну дѣвицу найду,
Тутъ ее
Златымъ перстнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущата̀я!
Ужъ какъ сѣрая утица
Попюпила малыхъ дѣтушекъ,
Во меду̀, да во па́токѣ,
Да во ѣствѣ сахарномъ,
Да во питьѣ медвя̀номъ.

6.

Подъ ко̀ренемъ олень,
Да подъ ду́бовымъ олень.
Тепло-ли те, олень?
Студено-ли те, олень?
Мнѣ не то тепло́,
Мнѣ не то студено.
Приодѣнься, олень,
Приокутайся!
Какъ со дѣвушки вѣнокъ,

Со мо̀лодушки платокъ,
Со старо̀й бабы шлыкъ,
Съ малаго ребеночка пеленочка,
Съ мужичка, бурлачка,
Полъ-корабличка (ε).

(Кто сидитъ въ кругу оленемъ, тотъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, и когда соберетъ со всѣхъ, то ему поютъ:)

Сиди, сиди, ящеръ — ладу̀, ладу̀!
На золотѣ стулѣ — ладу̀, ладу̀!
Грызи, грызи, ящеръ — ладу̀, ладу̀!
Орѣховы ядра — ладу̀, ладу̀!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ стороны.)

1.

Бо́яре! да вы по что̀ пришли?
Молоды̀е, да вы по что́ пришли?

2.

Кня́гини! да мы невѣ́стъ смотрѣшь!
Молодыя, да невѣ́стъ смотрѣшь!

1.

Бо́яре! покажите жениха,
Молоды̀е, покажите жениха!

2.

Кня́гини, во се на́шъ женишокъ!
Молоды̀я, во се на́шъ женишо́къ.

1.

Бо̀яре, покажи́те кафшанъ,
Молоды́е, покажи́те кафшанъ!

2.

Кня́гини! во се нашъ кафшанъ!
Молоды́я, во се нашъ кафшанъ!

1.

Бо̀яре! покажи́те кушакъ,
Молоды́е, покажи́те кушакъ!

2.

Кня́гини! во се нашъ кушакъ!
Молоды́е, во се нашъ кушакъ!

1.

Бо̀яре! покажѝте сапоги,
Молоды́е, покажѝте сапоги!

2.

Кня́гини! во се нашъ сапожокъ,
Молоды́я, во се нашъ сапожокъ!

1.

Бо̀яре! поздоровашься!
Молоды́е, со всѣмъ поѣздомъ!

8.

Соколъ ли мой, соколъ,
Залетная пташка.
Ты проѣзжій добрый молодецъ,
Привезъ меня молоду
Въ чужу дальню сторону;
Сушилъ, крушилъ три года,

Напишуль я грамо̀тку
По бѣлому бархату
Чистымъ, краснымъ золотомъ;
Отошлюль я ету грамоту,
Въ дальній городъ Астрахань,
Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимыя мату̀шкѣ.
Прикажетъ ли сударь батюшка,
Прикажетъ ли сударыня матушка
Скакать, плясать, танцовать?
Скачи, пляши, дитятко,
Танцуй, государыня,
Покамѣстъ старость не пришла!
Коли старость къ намъ придетъ,
Такъ мы ее пришибемъ
Сафьяниньким̀ъ башмачкомъ.

9.

Во полѣ, полѣ широкомъ, раздольѣ
Стояли три шатра, три полотняныи.
Во первомъ шатрѣ подъячіе пишутъ,
Во второмъ шатрѣ князья и бояре́,
Въ третьемъ шатрѣ гостинъ сынъ гуляетъ,
Самъ въ гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шубку и юбку и шѣлогрѣйку;

Еще шебѣ, дѣвица, монисту съ крестами,
Серги съ жемчугами.
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, ни юбки, ни шѣлогрѣйки,
Ни монисту съ крестами,
Ни серегъ съ жемчугами.
Ахъ! отпусти, молодецъ,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплешу.

10.

Тонка, гибка жестянка,
Черезъ рѣчушку жестяночка лежала,
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.

*

Еще шли, прошли молоды бабы;
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,

А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

*

Еще шли, прошли добры молодцы;
Еще смѣшь ли спросить добрыхъ молодцовъ:
Еще что въ городу вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки,
Со сту рублей красна дѣвушка,
А по тысячѣ дѣвицѣ на косицу.

11.

Что мои то ясны очи заглядчиваты!
Еще что очи завидятъ, то на очи берутъ?
Что мелка мука овсяна, мѣлко вытолчена,
Мѣлко вытолчена, въ сито высѣяна.
Что умна была дочь у честной у вдовы,
У честной у вдовы умно выучена;
Она въ теремѣ сидѣла, въ рукахъ пялички держала,
Всѣ узоры вышивала.

12.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мнѣ во лѣтѣ тепло, во зимѣ холодно.
Приодѣньте оленя, приокутайте:
Что со дѣвушки вѣнокъ, со молодушки плашокъ,
Со старыя старушки шелковый поясокъ.
Чей, чей ето вѣнокъ толочу, волочу,
Толочу, волочу по подлавичью, по залавичью?

Я не дамъ вѣнка шопшать, я не дамъ волочить!
Сама выскачу, сама выпляшу,
Я своимъ станкомъ, я хорошенькимъ.
* Хотя станъ корошокъ, назовутъ Королемъ Королевичемъ.
А гдѣ утка шла, тутъ и пыль прошла;
А гдѣ я млада, тутъ и рожь густа,
Уколотиста, умолотиста,
Еще съ колосу маленка, съ зерна пирогъ.

13.

Подлѣ рѣчки стоялъ часшъ ракшовъ кусшъ,
На шомъ кусшѣ соловейка пѣсни поешъ,

---

* Въ деревняхъ Чухломскаго уѣзда при играхъ употребляется пляска; конецъ сей пѣсни, начиная съ 12 го стиха, замѣченнаго мною, слѣдующій:

Хотя станъ коротокъ, да плечи широки,
А на эти плеча три рябиновыхъ дубца,
Три распаряные, три разжареные,
Подпояска-то долга, о семи сажень изба,
Повернуться нельзя, повернулася, пошла,
Будто ягода красна, какъ земляника хороша.
Обей чеботы, пробивай чеботы!
Мнѣ не мужъ ихъ купилъ, и никто не заводилъ,
Заводилъ Константинъ, на свои на шесть алтынъ;
Хоть истопчутся, изломаются,
Мой батюшка-та швецъ, а женихъ кузнецъ,
Моя матушка прядюшка, вервицу напрядетъ.

Молодой насвистываетъ:

У моего ли дружка, у сердечнаго
Былъ у него пиръ, да былъ пиръ превеселый,
Всѣ гости сошлися, гости съѣхалися;
Нѣту одной родимой матушки!
Ахъ! вонъ она идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи говоритъ, будто лебедь поетъ.

7.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала;
На той ли на калинѣ сидитъ соловейка,
Веселъ и пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, женишься;
Тебѣ красной дѣвушкѣ постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ наблшему тамъ атаману;
Чѣмъ меня государь батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.

Конецъ сей пѣсни измѣняютъ такимъ образомъ:

Подарилъ меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной,
Я за гудокъ, а она за пѣсни,

Я въ гудокъ играши, а она плясаши.
Не за чѣмъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно.

Въ заключеніе же представляю пѣсню, которую поютъ хозяину и хозяйкѣ дома, въ коемъ бываетъ игрище. Сіе знакъ благодарности.

Въ Казани было городѣ,
Протекала тутъ Волга рѣка.
Какъ по той-то по Болгѣ рѣкѣ
Проплывала осетръ рыба,
Что осетръ рыба свѣжая:
Какъ бы ета да осетръ рыба,
Хозяину да на столы дубовые,
Да на скатерти ткацкія,
Да на блюда на серебреныя!
Далече, далече въ чистомъ полѣ,
Разыгралися черные черные соболи.
Какъ бы ети да черные соболи
Хозяюшкѣ на шубу, да на бѣлы плеча.

Представляю три плясовыя пѣсни, которыя только и поютъ на Святкахъ въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, ошкуда сообщены мнѣ дѣвицею Т. К. Кашкадамовою:

8.

Ужъ вы кумушки, голубушки,
Вы которому святителю молились?
Вы которому чудотворцу обѣщались?
Какъ у васъ мужья молодые;
У меня младеньки старичище,

Не пускаетъ старичище на игрище.
Я уходомъ отъ стараго уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
Я у кумушки наряжалась,
У голубушки собиралась;
Я не долго млада вечера играла,
Со вечерней зари до бѣла дни.
Я не знаю, какъ старому показаться:
Ужъ я стукъ-стукъ у ворошицъ,
Ужъ я брякъ — за колечко;
Какъ не лютые медвѣди заревѣли,
Какъ не лютыя собаки заскучали,
Забрюжжалъ старичище на печищѣ;
Солезаетъ старичище со печищи,
Беретъ плетище съ крючища,
Онъ и бьетъ меня младу,
Меня по бѣлу шѣлу.

9.

Какъ за горницей, за повалушею (2
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти,
А меня ли молодешеньку
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,

Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду
И метлу изломлю
И гумно испопчу,
Сама ли молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

(Начальныя четыре строки повторяются.)

А меня молодешеньку
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровь машушка
Красенца шкать.
Ужь я въ сердце-то войду,
Красна изорву, бердо изломлю,
Какъ на игрище уйду,
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

(Повтореніе четырехъ начальныхъ строкъ.)

10.

Какъ во городѣ было во Казани,
Молодой чернецъ поспрягся,
Поизволилъ черничище погуляти
Какъ по тѣмъ ли по проулкамъ,
По закаулкамъ.
Какъ на встрѣчу черничищу стара баба,
Черничище клобучище принадвинетъ.

(Повтореніе начальнымъ 5 строкамъ)

На встрѣчу ему молодица,
Черничище клобучище приподнимешъ.
(Опять повтореніе упомянутыхъ 6 строкъ.)
Какъ на встрѣчу черничищу красны дѣвки, и пр.

Загадочная пѣсня.

Какъ на рѣчинкѣ, на рѣчицѣ
Красна дѣвица дары мыла,
Тонкіе, бѣлые полоскала.
Ужъ какъ ѣхалъ мимо рѣчки
Сынъ госпиный (если купецъ; если же дворянинъ, *дворянской*).

Богъ помощь шебѣ, дѣвица,
Дары мыши,
Тонкіе, бѣлые полоскаши!
Загадашь ли шебѣ дѣвица
Семь загадокъ?
Загадай шы, сынъ госпиной,
Хошь *десятокъ!*
Ужъ что у насъ, красная дѣвица,
Краше свѣша,
Чаще рощи,
Выше лѣса,
Безъ коренья,
Безъ умолку,
Безъ ошвѣшу,
Безъ премѣны?

Дѣвица отгадываетъ:

Краше свѣта, — красно солнце,
Чаще рощи, — частыя звѣзды,
Выше лѣса, — свѣшель мѣсяцъ,
Безъ коренья — горючь камень,
Безъ умолку, — течетъ рѣчка,
Безъ ошвѣшу, — конь во спойлѣ,
Безъ перемѣны, — воля Божья.

Молодецъ благодаритъ дѣвицу, что отгадала его загадки, обѣщаясь ее взять за себя. — (1)

---

(1) Сія пѣсня, собственно принадлежащая къ свадебнымъ и сообщенная мнѣ П. В. Шереметевскимъ, относится къ стр. 64 сей книги.

II.

АВСЕНЬ.

Какъ священный канунъ Рождества Христова у поселянъ въ разныхъ краяхъ Россіи называется *Коледою*, такъ канунъ Новаго года — то *Васильевымъ вечеромъ*, или *богатымъ вечеромъ*, то *Авсенемъ*, *Овсенемъ*, или *Усенемъ*, *Говсенемъ*, *Бауценемъ* и *Таусенемъ* въ Рязанской, Владимірской, Симбирской, Нижегородской и частію Пензенской Губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ сторонахъ *Коледою* и вмѣстѣ *Коледою* и *Таусенемъ*. Въ сіе время ходятъ по домамъ крестьянскія дѣти поздравлять хозяевъ пѣснями, а въ предвѣстіе урожая бросаютъ изъ лукошка или рукавицы нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба, особенно *овса* (1), кои сбираются старухами до весенняго посѣва. Въ Бѣлоруссіи, Украйнѣ, Подолѣ и Волыни встрѣчается подобный обрядъ. Великорускій Авсень, или Овсень, празднуемый во время Святокъ, есть старинный земледѣльческій праздникъ, или прообразовательный обрядъ *обсѣванія*, отчасти сходный съ древнимъ обрядомъ *осыпанія* при бракосочетаніи молодыхъ (2) и даже при

(1) На Словацкомъ овесъ Owsen, на Лат. avena. Замѣчательно, что овсомъ даютъ крестьяне и славильщикамъ.

(2) Древніе Пруссы осыпали невѣсту на свадьбѣ разными сѣменами. см. *Thorlacii* Antiqq. boreal. specim. IV, p. 203.

вѣнчаніи на царство Рускихъ Государей, въ предвѣщаніе изобилія благъ земныхъ. Авсень сопровождается особенными пѣснями, различными по мѣстности. Едва появятся звѣзды на небѣ, какъ начинается торжество молодыхъ поселянокъ, поющихъ предъ окнами каждаго:

Ой Авсень! ой Авсень!
Я ходилъ, я гулялъ
По святымъ вечерамъ и т. д.

Къ Авсеню въ деревняхъ чинятъ кишки, желудки и варятъ ноги свиныя, кои раздаются обсыпаламъ. Въ Нерехотскомъ округѣ, хотя не извѣстенъ Овсень по имени, но каждая бесѣда обоего пола ходитъ въ Васильевъ вечеръ ко всякому дому своего селенія сбирать небольшіе пироги и приговариваютъ: *Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка!* Въ Рязанской Губ. молодыя молодки и красныя дѣвицы, собравшись для прославленія Овсеня, приходятъ подъ окна дома; одна изъ нихъ называется маханоска и несетъ кошель для поклажи подарковъ. Они спрашиваютъ подъ окномъ или у дверей избы: „велитъ ли хозяинъ проклikать Овсень?“ Получивъ согласіе, поютъ:

1.

Среди Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.

2.

Свѣшелъ мѣсяцъ,
То Т . . . . . сударь,
Красное солнце
Н . . . . . его,
Частыя звѣзды,
То и дѣшки ихъ.

3.

Прикажите, не держите,
Собаками не правите,
Подайте намъ подачки!

Опять поютъ:

4.

Наша подачка
Въ дверь не лезетъ,
Въ окошки шлетъ.

5.

Кишки, да желудки
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли.

Опять повторяютъ хоромъ: подайте подачку!

6.

Колише доски,
Мостише мосты!
Намъ шуши, да ососки везшь.

Получивъ подачку, цѣлымъ хоромъ восклицаютъ:

„*Хозяина поздравляемъ съ праздникомъ,*
„*съ Новымъ водомъ.*“

Въ ето же время, въ Муромѣ и въ окреснностяхъ его, толпы заходятъ въ домы съ пѣснею: *Таусень! Таусень! дома ли хозяинъ?* Когда же получатъ въ отвѣтъ, что „*хозяина дома нѣтъ, уѣхалъ соли купить, мясо солить, чтобы сына женить, пашенку пахати, хлѣба промышляти* — онѣ просятъ пироговъ, съ припѣвами: *Подавай пирога! Коль не дашь пирога, разломаемъ ворота, двери, окна разобьемъ* и т. д. Получивъ пирогъ, онѣ пляшутъ подъ пѣсню:

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженыя.
Каледа!
Кому гусли налаживати?
Каледа!
Наладишь гусли
Зензевею Андрѣяновичу.
Каледа!

Зензевея дома нѣтъ;
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
Суды судить, ряды рядить.
Каледа!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Каледа!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Каледа!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Каледа!

Каледа въ пѣсняхъ также воспѣвается вѣспѣ съ Таусенемъ или Говсенемъ въ Мумскомъ округѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ старинныхъ пѣсенъ:

Говсень, Говсень! я шегерю гоню,
Говсень, Говсень! полевую гоню,
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ начла хвостъ,
Анъ денегъ горсть.

отомъ стучатъ въ окошко и просятъ пиговъ или чего нибудь другаго, и, вошедши домъ, поютъ:

Пешръ въ Орду собирается.
Коледа Тоусень!

Александръ у ногъ увивается.
Коледа Тоусень!
Ты не ѣзди въ Орду, не служи Королю.
Коледа Тоусень!
Служи бѣлому Царю.
Коледа Тоусень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя хлѣба соли не ѣдать.
Коледа Тоусень!
На постели не сыпать.
Коледа Тоусень!
Ужъ какъ спать въ тоскахъ, на голыхъ доскахъ.
Коледа Тоусень!
На горячей печи, на девятомъ кирпичѣ.
Коледа Тоусень! —

Таусень, или Овсень, подобно Коледѣ, долженъ быть не божествомъ, но мѣстнымъ праздникомъ народнымъ, въ коемъ главное дѣйствіе есть *обсыпаніе* или *обсѣваніе*, какъ видно изъ прообразовательныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ въ Бѣлорусіи и другихъ мѣстахъ. Соединеніе Овсеня съ Коледою намѣкаетъ на соединеніе миѳовъ разноплеменныхъ народовъ на Руси, у которыхъ етотъ знаменательный обрядъ проявился подъ разными именами, облекся въ разные народные миѳы и впадаетъ въ то самое время, когда совершаются гаданія о жребіи въ наступающемъ году. По существу сво-

ему Овсень сходенъ съ Коледою; потому что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ ходятъ поздравлять съ пѣснями и просятъ подарковъ за поздравленіе. Разница только въ томъ, что въ первомъ бываетъ обсѣваніе. Ежели Римская Frutis — Seja, Sejanna или Sejà (3) родственница съ Славянскою *Сѣванною*: то, по видимому, не чуждъ имъ *Авсень*, или *Овсень*, созвучный и подобозначущій съ старинными Нѣмецкими словами Awsten, Aussáen, посѣвъ, обсѣваніе (4), Самогитскою и Польскою богинею земли Sema или Zemina, Литовскою Zemmes mahti, мать-земля (5).

Какъ народы сіи были земледѣльческіе, и одинъ другому передавали искусство воздѣлывать поля: то вѣроятно у нихъ были и божества, покровительствовавшія оному, и праздники земледѣльческіе, къ коимъ можетъ относиться и *Овсень*. Самое слово ето, совмѣщающее въ себѣ разныя понятія,

---

(3) *Segesta* et *Segetia*, dea, quae praeerat segetibus et segetes laetas facere existimabatur. — *Plin.* II. N. XVIII, 2; Hos enim deos tunc maxime noverant, *Sejam* a serendo, *Segestam* a segetibus appellabant.

(4) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. 2 Th. Znaim. 1827, 8.

(5) *Сива* Славян. по мнѣнію Нарушевича, была покровительницею *дѣторожденія*; она должна быть сродственною Сѣваннѣ, богинѣ оплодотворенія земли.

при переходѣ сквозь разныя нарѣчія, получило разныя видоизмѣненія въ первомъ слогѣ слóва и является, какъ мы замѣтили, то *Усенемъ*, то *Таусенемъ*, то *Говсенемъ*, и посему можетъ производимо быть отъ различныхъ корней (6). По особенной наклонности Славянъ Рускихъ перелицевывать иностранныя слова̀ на свой ладъ, можетъ статься, Авсеню дано значеніе *обсѣванія овсомъ* и вообще яровымъ, какъ кореннымъ на Руси хлѣбомъ. Но какъ сѣяніе дѣлается на *авось:* то и предшествовали ему гаданія и умилостивительныя жертвы, къ коимъ, вѣроятно, отчасти принадлежитъ и обрядъ Авсеня. Заимствуя свое нача̀ло отъ народнаго быта и вѣрованія, онъ перешелъ въ народный обычай, принаровленный къ мѣстности, климату и къ времени года, когда запасаются хлѣбомъ на круглый годъ и отдѣляютъ сѣмена на весенній посѣвъ. Хотя въ другихъ странахъ Великой, Малой, Бѣлой и Красной Руси, кромѣ означенныхъ Губерній, и не встрѣчается намъ Авсень, но почти вездѣ совершаются подобные обряды на-канунѣ Новаго года, съ мѣстными особенностями и съ пѣснями.

---

(6) см. въ Енцикл. Лексиконѣ ст. *Великая Россія.* — Старое слово *таусинный* цвѣтъ едва ли не θαλασσινὸς морскій? —

АВСЕНЕВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! ой Овсень!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень! ой Овсень!
Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню,
Да новому году.

2.

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,

Ты нашелъ, ты взошелъ,
Къ Филимону на дворъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь ворота красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, застынетъ
Кипарисными тынами.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ!
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтленьки и красненьки
Золотые терема!
Первый теремъ
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ
Красно солнце;
Третій теремъ
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце
Жена его,
Часты звѣзды

Ихъ дѣвушки.

Ой Овсень! ой Овсень

3.

Мѣсяцъ, крушы рога,
У солнышка лучи ясные горяшъ,
У Ивана кудри русыя висяшъ,
По плечамъ лежашъ,
Словно жаръ горяшъ.
Тушъ ѣхали бояра изъ Новагорода,
Дивовались бояра Ивановымъ кудрямъ;
Ужъ чье ето дишяшко нароженный?
Породила его родна матушка,
Вспоилъ, вскормилъ родной башюшка,
Взлелѣяли его родныя сесшры.

4.

Каледа, Каледа,
Гдѣ была?
Коней пасла
Что выпасла?
Коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ.
Кони гдѣ?
За ворошы ушли.
Ворошы гдѣ?
Водой снесло.
Вода гдѣ?
Быки выпили.

Быки гдѣ?
За горы ушли.
Горы гдѣ?
Черви вышочили.
Черви гдѣ?
Гуси выклевали
Гуси гдѣ?
Въ тросшникъ ущли.
Тросшникъ гдѣ?
Дѣвки выпололи.
Дѣвки гдѣ?
За мужья ушли.
Мужья гдѣ?
На войну ушли.
Война гдѣ?
На печи въ углу.

III.

МАСЛЯНИЦА.

По окончаніи такъ называемыхъ *Свадебныхъ недѣль*, наступаетъ годовый, разгульный праздникъ у народа, *Масляница*, или *Сырная недѣля*, по Гречески *Τυρόφαγον*, *τὸ Ἀπόκρεως*, *Мясопустъ*, по Латинѣ Carniprivium, по Польски Zapust, Miesopust, по Сербски bilà nedela. Что мы называемъ Масляною, то у Словаковъ и Чеховъ Fasanek, или Masopûst; отсюда и пословица: po Fasanku Post búva, послѣ Масляницы бываетъ постъ, вмѣсто: послѣ сладкаго бываетъ горько, или, какъ выражаетъ простонародная Руская пословица: *Не всегда коту Масляница* (1). На простонародномъ Нѣмецкомъ языкѣ Масляница называется Faſenacht, въ Баваріи Faſſangen, а вообще Faſtnacht. Папа Григорій великій въ 600

(1) Non semper erunt Saturnalia. *Seneca* Apocoloc. Нѣкоторымъ угодно читать Рускую посл. такъ: „Не всегда *катанье* объ Масляницѣ“ и пр. Но принятое мною чтеніе находится въ рукописныхъ собраніяхъ пословицъ начала и половины XVIII вѣка и употребляется въ народѣ.

г. уставилъ Пепельную середу началомъ поста, и канунъ этого дня именовался заговѣньемъ (Faſtnacht); ибо въ полночь онаго собственно начинался постъ, коему предшествовали три дни, извѣстные подъ именемъ Бакханалій и бѣсовскихъ праздниковъ; ибо, по словамъ Церковныхъ Историковъ, въ сіи дни безумствовали: надѣвали на себя личины, мущины переряжались въ пугалища и женщинъ и наоборотъ, и позволяли себѣ всякое неистовство и распутство.“ Таково начало нынѣшняго Карнавала, который у Католиковъ продолжается отъ дня трехъ Королей до Пепельной середы (2). Древніе языческіе обряды Сатурналій облекались въ новыя формы; изъ Италіи они перешли во другія страны Хрістіанскія, гдѣ были образцами для подражанія и гдѣ смѣшивались съ ними отечественные обычаи. Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *Сырною недѣлею*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на коей въ среду и пятокъ ѣдятъ сыръ и яицы въ опвращеніе преданія Яковитскаго и Гетрадитской ереси (3).

---

(2) Allgemeine Deutſche Real-Encyclopedie. 10 B. Leipz. 1830, въ 8.

(3) Церковный Словарь *П. Алексѣева.* 3 изд. М. 1815. ч. 5, въ 8.

Масляница въ Россіи есть какъ бы осмидневное празднество послѣ вселенской субботы, въ которую поминаютъ усопшихъ. Тогда какъ въ Сырную недѣлю Церковь воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рая, приуготовляя Хрістіанъ къ Великому Посту; тогда народъ предается маслиничнымъ потѣхамъ: катанью съ пѣснями (на горахъ и саняхъ, кулачнымъ боямъ, попойкамъ и пиршествамъ, на коихъ главную роль играютъ блины, пряженцы, оладьи (4). Въ народномъ языкѣ Масляница слыветъ, подобно Семику, *честною*, а по разгульности, *широкою*. Веселая, изобильная жизнь называется *Масляницею: не житье, а Масляница*. Въ такомъ же почти смыслѣ употребляется и Французская поговорка: C'est un vrai carnaval (5). Въ старинномъ сказаніи народномъ на лубочныхъ картинахъ *о честномъ Семикѣ и честной Масляницѣ*, первый описываетъ послѣднюю слѣдующими словами: „Душа моя Масляница, „перепелиныя косточки, бумажное твое „тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя

(4) *Оладьямъ* не соотвѣтствуютъ ли пекущіеся во время прилетанія первыхъ птицъ жаворонки (alaudae), или оладьи не происходятъ ли отъ словъ: *отъ Лада?*

(5) Histoire générale des proverbes, par *M. C. Méry*. 3 t. à Paris. 1828. in 9.

„рѣчь; красная краса, русая коса, прядца-
„ти братовъ сестра, сорока бабушекъ внуч-
„ка, трех-материна дочка, кепочка, ясочка,
„ты же моя перепелочка“ и т. д.

Одинъ изъ иностранныхъ писателей, бывшій лѣтъ за 150 въ Россіи, какъ очевидецъ такъ изображаетъ этотъ народный праздникъ (6):

„*Масляница* потому такъ названа, что
„Рускимъ въ продолженіе этой недѣли поз-
„воляется вкушать коровье *масло;* ибо они
„во время поста, вмѣсто коровьяго, упот-
„ребляютъ конопляное въ кушаньѣ. Масля-
„ница начинается за восемь дней до Ве-
„ликаго Поста. Въ то самое время, когда
„бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ дол-
„женъ былъ приготовляться къ созерцанію
„страданій Христовыхъ, въ то время сіи
„заблудшіе люди предаютъ свою душу дья-
„волу. Во всю Масляницу день и ночь про-
„должается обжорство, пьянство, развратъ,
„игра и убійство, такъ что ужасно слы-
„шать о томъ всякому христіанину. Въ то
„время пекутъ пирожки, калачи и тому по-
„добное, въ маслѣ и на яицахъ; зазываютъ,

(6) Anhang von der Reußiſchen oder Moskowitiſchen Religion. Leipzig. 1698, in 12.

„къ себѣ гостей и упиваются медомъ, пи-
„вомъ и водкою до упаду и безчувственно-
„сти. Во все время ничего болѣе не слышно,
„какъ: того-то убили, того-то бросили въ
„воду. Въ бытность мою у Рускихъ, на
„епой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе ста
„человѣкъ. Нынѣшній Патріархъ давно уже
„хотѣлъ уничтожить епотъ бѣсовскій празд-
„никъ, но не успѣлъ; однакожъ онъ сокра-
„тилъ время его на 8 дней, тогда какъ пре-
„жде оный продолжался 14 дней. Масляница
„напоминаетъ мнѣ Италіанскій карнавалъ,
„который въ тоже время и почти такимъ
„же образомъ отправляется. Славный Папа
„Иннокентій XI хотѣлъ было его уничто-
„жить; но, подобно Патріарху Рускому,
„успѣлъ только сократить его на 8 дней.“
Иностранный писатель, изобразивъ Рускій народный праздникъ съ одной только стороны, не упомянулъ о существовавшей издавна у Рускихъ любимой забавѣ во время Масляницы: о катаньѣ съ ледяныхъ горъ на салазкахъ и лубкахъ, о катаньѣ на саняхъ и лыжахъ по снѣгу.

Масляница собственно состоитъ изъ трехъ частей: *встрѣчи*, въ понедѣльникъ, *разгула*, или *перелома*, въ такъ называемый *широкій четвергъ*, и *прощанья*. Какъ празд-

никъ народный, она начинается съ понедѣльника, какъ праздникъ гражданскій — съ четверга.

Главную роль играютъ въ Масляницѣ *блины*, которые пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и блинами вездѣ угощаютъ. Какъ всѣ народы пекли пѣсныя лепешки на угольяхъ прежде, чѣмъ дошли до заквaснаго хлѣба: посему блины наши должны быть древнѣе хлѣба. По обычаю народному, блинами поминаютъ усопшихъ; въ Тамбовской и другихъ Губерніяхъ первый блинъ, испеченный на Сырной недѣлѣ, кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ. *Блины* у народа, какъ обычная принадлежность поминовенія усопшихъ, какъ праздничное яствіе, встрѣчается и въ книгахъ С. Писанія подъ именемъ *млиновъ*, какіе раздавалъ Царь Давидъ народу по случаю празднества при перенесеніи Кивота Господня: *даяше по млину* (сковрадному) (7).

---

(7) II *Царствъ*, VI, 19. Въ Еврейской, Латинской Тремелліева изданія, Нѣмецкой и Англинской Библіяхъ: по флягѣ вина (lagenam vini, ein Maß Wein, flagon of wine). Но въ Греческомъ переводѣ и Вулгатѣ: καὶ λάγαγον ἀπὸ τηγάνου, similam frixam oleo. По новѣйшимъ толковникамъ, λάγαγον τηγάνου, есть placenta sartaginis, laganum, placenta tenuis. Блины на новогреч. λάλαγίτες. см. Исход. XXIX, 2. Καὶ λαγάνα ἄζυμα

Въ Германіи, особенно Католической, кромѣ копченыхъ мясъ, колбасъ и сосисекъ, на Масляницѣ пекутся обварныя оладьи, крендели (Kringeln, Pfannkuchen) и т. п. Сіи послѣднія суть какъ бы остатокъ spirae, кои приносили Бахусу, потому, можетъ быть, что онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ миѳографовъ, родился отъ Юпитера подъ видомъ змія и произошелъ отъ Прозерпины; вѣроятно, ето символъ теченія солнца. Такія-то лепешечки круглыя, извѣстныя въ Мекленбургѣ подъ именемъ Heetweggen, пекли изъ мѣлкой мукѝ на молокѣ и ѣли горячія. Блины у Литовцевъ на Хавтурѣ называются sikies wellonis pamislos, кои употреблялись и на другихъ праздникахъ. У Рускихъ слово *млинъ* изъ гречневой молотой муки, пекущійся на сковородѣ, подмазанной масломъ, перемѣнилось въ *блинъ*, который донынѣ сохранилъ свое употребленіе при поминкахъ и особенно на Масляницѣ, такъ равно и круглую фигуру.

Катанье на саняхъ по улицамъ начинается съ понедѣльника, а болѣе съ четверга Сырной недѣли: къ вечеру ѣздятъ цѣ-

---

κεχριμένα ἐν ἐλαίῳ, и *хлѣбы пресны* смѣшаны *съ елеемъ*. *Τήγανον*, таганъ, сковорода, sartago, слѣд. *сковородный млинъ* есть блинъ, печеный на таганѣ, на сковородѣ.

лыми вереницами, а просполюдины катаются съ веселыми пѣснями. Ледяныя горы для катанья строились на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной, отъ Воскренскихъ до Троицкихъ воротъ, гдѣ нынѣ Александровскій садъ, до конца XVIII вѣка. Контарини „въ 1473 „году видѣлъ на первой конскія ристанія и „разныя увеселенія“ (8). При Петрѣ I масляничныя потѣхи бывали въ Москвѣ у Красныхъ воротъ, гдѣ Петръ I самъ, въ понедѣльникъ на Масляницѣ, открывалъ празднество ея, нѣсколько разъ повертѣвшись на качеляхъ съ Офицерами (9). По случаю Нейштатскаго мира въ 1722 г. Петръ I далъ въ Москвѣ невиданный доколѣ маскарадъ и санное катанье. Въ четвертый день Сырной недѣли началось движеніе большаго поѣзда изъ Всесвятскаго села, гдѣ собрано было съ вечера множество морскихъ судовъ разнаго вида и разной величины, полсотни саней, запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетою сигналу сухопутный флотъ, напоминающій собою Олеговъ, на полозахъ и колесахъ, потянулся

(8) Библіотека Иностранныхъ писателей о Россіи, отдѣл. 1. Спб. 1836, въ 8.

(9) Старина Руская. Спб. 1825, въ 18.

длинною вереницей отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ тріумфальнымъ воротамъ (10). Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ кои впряжены были гусемъ шесть лошадей, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками. Въ другихъ саняхъ ѣхалъ Князь-Папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантію изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Вакхъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. Потомъ началось шествіе самаго флота, коимъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ требузцемъ въ рукахъ, везенной двумя Сиренами. Въ процессіи находился и Князь-Кесарь Ромодановскій въ Царской мантіи и Княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ, везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго на воду въ Мартѣ 1721 г. въ С-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ кораблѣ,

(10) Сѣверная Пчела, 1833, No 123.

везенномъ 16 лошадьми, сидѣлъ самъ Государь Петръ I въ одеждѣ флотскаго Капитана съ Морскими Генералами и Офицерами и маневрировалъ онымъ, какъ бы на морѣ. За етимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, которая была въ костюмѣ Остфризской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по Арабски (11). За гондолою появились настоящіе члены маскарада, извѣстные подъ именемъ *неугомонной обители:* они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и т. д. Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе черезъ Тверскіе ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на третій день и 2 Февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ, построенныхъ тогда купечествомъ. Епотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней Московскаго Карнавала участвовавшія въ немъ особы перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы.

---

(11) Сѣверная Пчела, 1833, No 125.

По свидѣтельству Штелина, Анна Ивановна собирала у себя на Масляницѣ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя тѣшились Рускими плясками; тутъ же бывали и другія народныя забавы (12). Кому не извѣстенъ въ С.-Петербургѣ предъ Масляною 1739 г. маскарадъ етнографическій по случаю свадьбы одного шута въ ледяномъ дворцѣ! —

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось катанье въ любимомъ ею селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ придворными каталась на саняхъ и на лыжахъ. Екатерина II, послѣ коронаціи своей въ Москвѣ объ Масляницѣ дала народу трехдневный блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на улицахъ городскихъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ *Торжествующей Минервы.* — Вѣроятно, въ подражаніе Римскому Карнавалу объ Масляницѣ рядились въ маски и въ разные странные и смѣшные костюмы, которые составляли подвижный маскарадъ уличный; потому что замаскированные и наряженные доселѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи катаются объ Масля-

(12) Haigold's Beylagen. II. 11.

ницѣ (13). Съ XVIII вѣка появились въ Москвѣ лубошныя комедіи, гдѣ представлялись иностранными фиглярами разные фокусы-покусы и диковинныя штуки изъ Faſtnachſpielen, Нѣмецкихъ игръ масляничныхъ. На игрищѣ масляничномъ бывали наряженные козою съ рогами, къ коимъ привѣшивались бубенчики; они *козу въ лѣшкѣ играли:* что значитъ на пословицномъ языкѣ Русскаго народа: „ману „въ глаза пускать, или морочить.“ Теперь маслиничное гулянье перенесено подъ Новинское, гдѣ урочище *Куковинка* напоминаетъ о Нѣмецкихъ фокусникахъ, которые издавна въ Москвѣ показывая свои райки и штуки, приглашали смотрѣть словомъ kucke, и гдѣ о Святой недѣли *кокались* красными яицами. Что нынѣ говорится: „итти или ѣхать *подъ* „*Новинское* на гулянье“, то прежде — *идти на Куковинку.*

Издревле извѣстные въ Россіи *борьба* и *кулачный бой* составляли одну изъ любимыхъ забавъ народныхъ, особенно въ Сырную недѣлю: на улицахъ и на рѣкѣ бьются *самъ на самъ*, или *одинъ на одинъ*. Ето *стѣн-*

(13) Похожденіе Ивана гостинаго сына и другія повѣсти и сказки, изд. Н. *Новикова*, 2 ч. Спб. 1785, 86, въ 8. Сатирическій Вѣстникъ. ч. VI. М. 1790, въ 12 (*Масляница.*)

ной бой, *стѣнка на стѣнку*. Такія предуготовительныя гимнастическія потѣхи называются въ лѣтописяхъ *играми*, *игрушками*, какія давали наши Великіе Князья. Ватаги скомороховъ, Задунайскихъ переселенцевъ, бродившихъ по Россіи, вѣроятно, ввели у насъ потѣхи, какъ-то: пляски, разныя фиглярства и фокусы, противъ коихъ вооружается Стоглавъ и грамоты Святительскія и Царскія.

Мѣстность наложила свои отпечатки на этотъ праздникъ народный, который въ разныхъ странахъ Россіи отличается особенностями въ обычаяхъ и обрядахъ. Замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя отступленія въ празднованіи Масляницы отъ общаго, главнаго ея характера.

Въ Переславлѣ-Залѣскомъ, Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, на огромныхъ саняхъ въ 12 лошадей возятъ наряженнаго мужика, который, подобно Кроду Нѣмецкихъ Славянъ, сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди саней, въ рукахъ держитъ полштофъ съ виномъ и калачи. Его сопровождаютъ наряженные музыканты, которые играютъ и поютъ, также обыватели въ саняхъ. Подобное олицетвореніе Масляницы встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ

Россіи. Въ Зарайскомъ уѣздѣ тогда же возятъ на саняхъ большое дерево, обвѣшенное лоскутками и бубенчиками.

Въ Симбирской Губерніи Ардатовскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Карсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской Губерніи, особенно въ Сараповскомъ уѣздѣ, объ Масляницѣ, обыкновенно снащиваютъ 8 или 10 дровней (ето подсанки), въ срединѣ дровней утверждается высокое, довольно толстое дерево въ видѣ мачты; на верхъ его вдѣвается колесо, на которое садится какой-нибудь деревенскій наряженный весельчакъ, и представляетъ различные фокусъ-покусы, свойственные деревенскому Рускому мужику. Етотъ обрядъ называется *проводами честной Масляницы*. Обыкновенно ету всю сплоченную массу возятъ по всѣмъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запряжено бываетъ нѣсколько разряженныхъ и уродливо, безъ всякаго вкуса, испещренныхъ людей, которые наряжаются въ видѣ лошадей. Предъ ними прыгаютъ и пѣютъ скоморохи и колоброды изъ деревни или села. Обрядъ етотъ совершаемъ былъ послѣдній день Масляницы въ прощеное воскресенье.

Въ Архангельскѣ, подобно какъ въ Парижѣ, мясники возятъ по городу, о Сыр-

ной недѣлѣ, быка на огромныхъ саняхъ кои запряжены нѣсколькими десятками лошадей и связаны съ другими санями (14). Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ середы. Въ етотъ день изъ окрестностей пріѣзжаютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набѣленныя, особенно новобрачные, и катаются отдѣльно отъ мущинъ, до самаго вечера. Въ четвертокъ и пятокъ здѣшніе жители не катаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь продавъ напряденную въ ту недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера. Въ округѣ, масличныя попѣхи начинаются въ экономическихъ селеніяхъ со вторника, а въ помѣщичьихъ съ четверга. Ежедневно катаются отъ одной деревни къ другой: при чемъ новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые отдариваютъ ихъ мыломъ. Въ большихъ вотчинахъ, въ Сыропустное воскресенье сбираетсѣ съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *околка*. При етомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, наряжен-

(14) Encyclopedie des gens du monde. t. 1 — 5. à Paris: 1823, 8. — Записки Рускаго путешественника, *А. Глаголева*, 4 ч. Спб. 1837, въ 8.

ные въ соломенныхъ колпакахъ и кафтанахъ. Ввечеру того дня молодые обоего пола въ своемъ селеніи на улицѣ поютъ пѣсни; послѣ сего, взявъ каждый съ своего двора по снопу соломы, вмѣстѣ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Етотъ обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣстахъ Россіи, называется *сожигать Масляницу*, или *соломеннаго мужика*. Съ вѣроятностью заключить можно, что его обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ, есть остатокъ отъ языческихъ требъ и обрядовъ, примѣшанный къ увеселеніямъ Сырной недѣли. Подобный встрѣчается у Нѣмецкихъ Славянъ (Todaustreiben), которые перваго Марта выносятъ изъ селеній соломенное чучело въ образѣ смерти и сожигаютъ его въ память усопшихъ, или, бросаютъ въ воду, какъ Римляне нѣкогда въ Маѣ м. брасывали въ Тибръ свои простниковые болваны (simulacra scirpea, *εἴδωλα ἀνδρεῖκελα*) (15). Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, въ етотъ день хаживали съ факелами на кладбища (16). Догадка сія, замѣчаетъ М. Я. Діевъ, утверждается и тѣмъ, что въ воскресенье Сырной

(15) *Ovid.* fast. V, 621, 679. *Dionys. Hal.* I, 19.

(16) *Харамз.* И. Г. Р. ч. I.

недѣли, которое, по большей части, приходится около 1 го Марта, донынѣ ходятъ и Нерехотскіе жители на кладбище прощаться и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ, въ воспоминаніе истребленія идоловъ 965 года Марта 7 го, въ воскресенье Сырной недѣли (Laetare, Tod-Sonntag) бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Это примѣнилось къ смерти, къ зимѣ, къ Масляницѣ, кои замѣняли языческое божество (17), уже преданное забвенію въ народѣ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ увидимъ, сохраняемое завѣтнымъ преданіемъ. Въ восточной Пруссіи и Польшѣ, во вторникъ Масляницы крестьянскія ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ съ плясками, играя на скрыпкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ имъ по два или по три гарнца овса, который они послѣ мѣняютъ на горѣлку и съ нею забавляются цѣлую ночь. На другой день женщины ходятъ сбирать ленъ или рожь, которые назначаются для

(17) Maslographia, oder Beſchreibung des Schleſiſchen Maſſel, von L. D. Hermann. Brieg. 1711, in 4. — Handbuch der Germanischen Alterthumskunde v. D. G. *Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

такогожъ употребленія. Первое называется: chodzié z konſkiem, а другое chodzié z pieńkiem.

Въ Сибири, о Масляницѣ сплочивались нѣсколько огромныхъ саней и устроивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тутъ садились и люди и медвѣдь *и госпожа Масляница* и разные паяцы: все ето вообще слыло *Масляницею;* въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За етимъ поѣздомъ слѣдовали толпы ребятъ съ пѣснями и разными прибаутками. Тамъ блины замѣняются *хворостами* — родъ пирожнаго (18). Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ субботу на Масляницѣ, крестьянскіе ребята строютъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ городка съ башнями и двумя воротами, между коими находится прорубь. Игра начинается такъ: ребята раздѣляются на двѣ партіи — на конницу, которая осаждаетъ городокъ, и на пѣхоту, которая защищаетъ его. Устроясь въ боевой порядокъ, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыть на взятіе городка, гдѣ пѣшіе, вооруженные помелами и метлами, стараются маханіемъ испугать лошадей, чтобы не допустить къ городку.

---

18) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1817, въ 8.

Но нѣкоторые изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорываются сквозь пѣхоту и на всемъ скаку въѣзжаютъ въ ворота снѣжной крѣпости: что̀ и значитъ *взять городокъ*. Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ рапоборцевъ, отличившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Потомъ, сломавъ крѣпость, возвращаются въ деревню съ пѣснями. Этою игрой, основанною на какомъ-либо событіи, оканчивается и Масляница (19).

Въ Ярославлѣ на Масляной недѣлѣ, кромѣ угощенія блинами и катанья на горахъ и по улицамъ, есть обыкновеніе, вѣроятно, остатокъ временъ языческихъ, *пѣть Коледу*, которую обыкновенно воспѣваютъ въ Россіи о Святкахъ (20). Съ четверга этой недѣли толпы фабричныхъ съ бубнами, погремушками, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами ходятъ по домамъ, и пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *Прикажи, сударь, хозяинъ, Коледу пропѣть!* Получивъ позволеніе, поютъ:

---

(19) Записки дѣвицы *Т. К. Кашкадамовой.*

(20) Сынъ отечества, 1837, No 15. стр. *И. Петровскаго.*

Ужъ какъ шли ребяша коледовщики.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабрищики.
Виноградъ, зеленая моя!
(Ещопъ припѣвъ поется послѣ каждаго стиха)
Мы искали двора господина своего,
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе:
Въ первомъ терему красно солнышко,
Во второмъ терему часты звѣздочки,
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высокомъ,
Молодыя дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя!

Послѣ сего, хозяинъ подноситъ имъ вина и одѣляетъ деньгами; коледовщики въ знакъ благодарности поютъ:

Благодарствуй, хозяинъ, на хлѣбѣ, на соли и на жалованьѣ!
Виноградъ, виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, съ двора спустилъ.
Виноградъ, красно зеленая моя!

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ сваренное общимъ иждивеніемъ пиво, которое вмѣстѣ и распиваютъ, такъ какъ и въ другіе праздники, называется *братчиною*.

Сцены Руской Масляницы заключаются *провожаньемъ* и *прощаньемъ*. „На Масляницѣ— „пишетъ очевидецъ Маржеретъ въ началѣ „XVII вѣка — Рускіе посѣщаютъ другъ „друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если „оскорбили другъ друга словомъ, или дѣломъ; „вспрѣтясь даже на улицѣ — хотя бы ни„когда прежде не видались — привѣтствуютъ „другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости „меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Богъ тебѣ „проститъ!* отвѣчаетъ другой. При этомъ „должно замѣтить, что не только мущины, „но и женщины считаютъ поцѣлуй знáкомъ „привѣтствія, когда готовятся въ путь, „или вспрѣтятся послѣ долговременной раз„луки. По окончаніи Масляницы, всѣ идутъ „въ баню.“ — Что и до нынѣ, чрезъ два вѣка послѣ Маржерета, между родными и знакомыми наблюдается болѣе у просмолюдиновъ. Въ Нерехтѣ, въ Сырное Воскресенье вечеромъ, а въ Зарайскѣ утромъ, ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками, къ Священникамъ своимъ духовни-

камъ, а новобрачные носятъ пряники къ родственникамъ (21). Повсемѣстно, предъ тѣмъ, какъ ложишься спать, семейные прощаются другъ съ другомъ: при чемъ дѣти кланяются въ ноги родителямъ, а слуги господамъ. Подобный обычай, происшедшій изъ Христіанскихъ источниковъ, ведется между народомъ во всей Россіи. Прощальное воскресенье въ Сибири слыветъ отъ цѣлованья *Цѣловникомъ*. Въ XVII вѣкѣ, Царь въ этотъ день самъ хаживалъ къ Патріарху съ Боярами, Окольничими и Думными людьми на прощанье и при этомъ случаѣ угощаемъ былъ медами и романеею (22).

Въ этомъ пестромъ праздникѣ народномъ, оканчивающемъ зиму, ясно открывается смѣсь стихій древняго языческаго обряда съ Христіанскимъ обычаемъ, отечественнаго съ чужестраннымъ, стариннаго съ новымъ: олицетвореніе и сожженіе Масляницы, соломенный мужикъ, мѣстное воспоминаніе о Коледѣ, скоморошскія игры, заморскія и народныя, относятся къ остаткамъ отъ міра языческаго, а прощаніе другъ

(21) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты, К. И. Аверина изъ Зарайска и И. И. Тычинкина изъ Галича.

(22) Древняя Россійская Вивліоѳика. ч. VI, М. 1788, въ 8.

съ другомъ и съ усопшими заимствовано отъ миролюбиваго Христіанства.

Остатки Масляничныхъ яствій слывутъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ Губерніяхъ *поганымъ хлѣбомъ*, который жители отдаютъ бѣднымъ кочевымъ Калмыкамъ (23). Въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, на первой недѣлѣ Великаго поста, начинаемой у просвѣщенныхъ *полосканьемъ ртовъ*, т. е. похмѣльемъ, въ субботу пекутъ блины постные: сіе называется *Тужилкою по Масляницѣ*, коей сцены возобновляются на Ростовской ярмаркѣ.

(23) Подсѣльщина. Спб. 1769, въ 16.

Примѣчанія къ пѣснямъ.

α) *Рыбья зуба.* Такъ въ XXI пѣснопѣніи древнихъ Рускихъ стихотвореній: „И стоитъ бѣсѣда — „дорогъ *рыбій зубъ*.“ Великій Кн. Роспиславъ въ 1159 г. дарилъ Святослава Олговича *рыбьими зубами*. Герберштеинъ говоритъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки. см. *Карамз.* И. Г. Р. ш. III, стр. 328.

β) *Теремъ* однороденъ съ Греч. *τέραμνος* и *τέρεμνον*, или *νυμφίδιον ἀπὸ τερέμνων* дѣвичьи свѣшелки, вышки и отдѣльные покои для новобрачныхъ; у Лукіана они называются *ὑψηλὰ τέρεμνα высокіе теремà*, о коихъ не рѣдко вспоминаютъ народныя Рускія пѣсни. Въ теремахъ живали дѣвицы и женщины: что̀, кромѣ свидѣтельства лѣтописей, подтверждаетъ и пословица: *Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы.* Самыя святочныя игрища принадлежатъ къ *теремнымъ* потѣхамъ.

γ) Сл. *кузнецъ* (cusor) ковáчь, кóваль обширнѣйшее имѣлъ прежде значеніе, чѣмъ нынѣ — почти такое, какое золотыхъ дѣлъ масперъ. *Кузнь*

принимается у лѣтописцевъ нашихъ въ смыслѣ золотой и серебряной ковани; почему то и другое слово, повидимому, однознаменательно съ *казною*, коей производство отъ *гомзы* и Персидскаго слова облагынившагося gaza кажется отдаленнымъ и выисканнымъ. Въ Никон. лѣт. II, 215. „кузнь церковная."

б) *Спаса въ Чигасахъ.* Въ лѣтописцѣ подъ 1483 г. отмѣчено, что „Заложилъ церковь кирпичную за Яузою С. Спаса Игуменъ Чигасъ." Сія церковь донынѣ существуетъ въ Москвѣ. — см. *Карамз.* И. Г. Р. ч. VI, прим. 629.

в) *Полкораблика.* „*Кораблик*ъ, по изъясненію Словаря Росс. Академіи, родъ старинной шапки, мущинами и женщинами носимой, у которой передъ и задъ околыша возвышается въ верхъ островатыми козырями, наподобіе носа и кормы у водоходнаго судна." Въ древнихъ Руск. стихотвор. шакъ говорится объ ешомъ головномъ украшеніи:

Кораблики бобровые, верхи бархашные.

Но *корабельникъ*, корабльникъ (нобиль) есшь монеша. Здѣсь же, по смыслу пѣсни, указываешъ на первое.

г) *Повалушею* въ Касимовскомъ уѣздѣ называется холодная горница, какія строяшся прошивъ избы черезъ сѣни; ешо родъ *клети*. Разница между *гриднею* и повалушею видна изъ слѣдующаго

мѣста въ Арханг. Лѣтоп. 170: „Великій Князь „выйде отъ него въ *повалушу*, а Князю Андрею „повелѣ себя ждати, и бояромъ его повелѣ итти „въ столовую гридню.“ Въ пѣснопѣніи о Добрынѣ въ Древн. Рускихъ стихотв. упоминается, что онъ въ Кіевѣ

По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По *повалушамъ* стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.

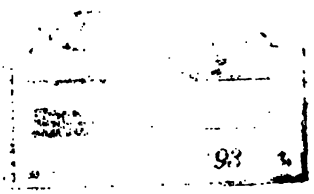
Старая пословица говоритъ, что *Теремъ высокъ, а повалуша выше.* Что̀ подтверждаютъ слѣд. слова Курбскаго: „Обрѣлъ храмину зѣло высоку, „по ихъ же нарицаютъ *повалуша*, въ самыхъ „верхнихъ каморахъ.“ Въ Новгор. Таможенномъ уставѣ 1571 г. велѣно брать пошлину „съ хо„ромъ рубленыхъ, горницъ, *повалушъ*, избъ, „клѣшей“ и ш. д.

При разложеніи стихій въ Святочныхъ пѣсняхъ открываются въ нихъ однѣ древнія, происшекшія изъ вѣрованія и миѳическихъ сказаній, другія изъ быта народнаго; послѣднія болѣе Новгородскія и Московскія, какъ показываютъ самыя слова̀ пѣсенъ. При переходѣ на Москву Святочныхъ игрищъ и пѣсенъ, повидимому, не ранѣе XV или XVI вѣка, къ древнимъ припѣвамъ присоединились новыя, заимствованныя изъ быта тѣхъ временъ и духа правленія; ибо въ нихъ уже воспѣвается Царь. Изъ Царскихъ теремовъ, гдѣ онѣ проявились, въ послѣдствіи вѣроятно перешли въ хоромы и терема боярскіе и ку-

печескіе, а потомъ въ городскія слободы и въ жилища поселянъ, гдѣ до нынѣ еще удерживаются, какъ старинное достояніе народное. Если бы собрать всѣ святочныя пѣсни въ Россіи съ ихъ мѣстными оттѣнками, дополненіями и варіантами: тогда бъ можно было сдѣлать вѣрнѣйшее или ближайшее къ истинѣ заключеніе о содержаніи, произхожденіи и характерѣ пѣсень и самыхъ игрищь. До тѣхъ поръ ограничимся симъ опытомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I.	*Святки*	1—64
	a. Пѣсни Колядскія и виноградье.	5—69
	b. Святочныя	70—87
	c. Круговыя	88—100
	d. Загадочная	101—102
II.	*Авсень*	103—110
	Авсеневыя пѣсни	111—114
III.	*Масляница*	115—137

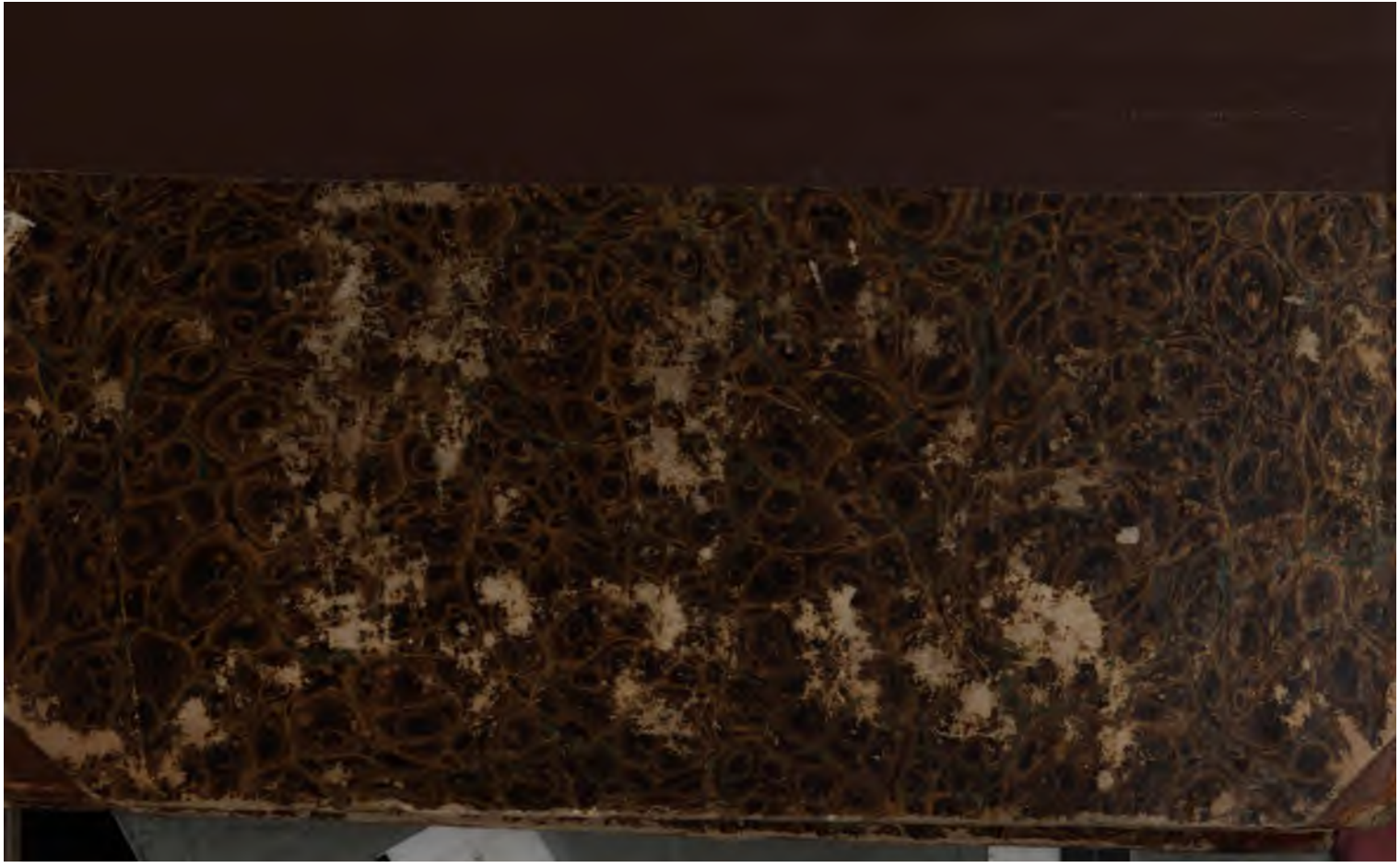


NB. Въ I выпускѣ, на стр. 182, должно уничтожить слова: „Литовская Swistoplaska. Рецензія на сію книгу помѣщена къ No 46 *Литературныхъ прибавленій къ Рус. Инвалиду* 1837 г. Сочинитель не иначе можетъ удовлетворить требованію указателя къ своей книгѣ, какъ по окончаніи оной.

Stanford University Libraries
3 6105 013 550 020

V. .

DATE DUE

JAN 2 8 1979 | STANFORD LIBRARIES
MAR 12 1979 | MAR 0 8 1985
MAY 4 1980
AUG 2 3 1980 | I.L.L.
STANFORD LIBRARIES
APR 1 7 1982
I.L.L.
JUN 1992
APR 1 4 1991

JUN - 1990